

РОССИЯ В СРЕДОКРЕСТИИ ПРОСТРАНСТВ И ВРЕМЕН

(опыт синтетического цивилизационного подхода)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
Алтайский государственный аграрный университет
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук

**РОССИЯ В СРЕДОКРЕСТИИ
ПРОСТРАНСТВ И ВРЕМЕН
(опыт синтетического цивилизационного подхода)**

Барнаул
2025

ББК 86
Ц 768

Авторский коллектив:
*А.В. Иванов, Ю.В. Попков, И.В. Фотиева,
Т.А. Артамонова, М.Ю. Шишин*

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор *Т.А. Семилет*
доктор философских наук, профессор *А.С. Фролов*

Иванов А.В.

Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода): монография / А.В. Иванов, Ю.В. Попков, И.В. Фотиева [и др.]; под ред. А.В. Иванова, И.В. Фотиевой. – Барнаул: Новый формат, 2025. – 303 с.

ISBN 978-5-00202-794-1

В коллективной монографии на основе разработанного авторами синтетического цивилизационного подхода анализируются исторические судьбы мегавиализаций Запада, Востока и России. Исследуются основные законы и направленность исторического процесса, позволяющие утверждать, что мы живем в эпоху глобального перехода от кризисного техногенно-потребительского цивилизационного уклада, олицетворяемого странами Запада, к новому духовно-экологическому (ноосферному) укладу, ключевую роль в становлении которого призвана сыграть Россия. Объективным предпосылками этого являются ключевое геополитическое положение России в средокрестии меридиональных и широтных евразийских цивилизационных коридоров, ее стратегический пространственный, ресурсный, экологический и этно-культурный потенциал, а также духовные (нетяжательские, соборные и агиократические) ценности, способные лечь в основание мировой консолидации нового типа.

Книга будет интересна философам, социологам, политологам, этнографам, историкам, а также всем, кто интересуется цивилизационным своеобразием России и будущим земной цивилизации.

© Коллектив авторов, 2025
© АГАУ, 2025
© ИФПР СО РАН, 2025

Оглавление

Введение (A.B. Иванов)	6
Раздел 1. Синтетический цивилизационный подход: единство синхронии и диахронии	11
Глава 1. Мегацивилизационная синхрония (A.B. Иванов).....	11
§1. Мегацивилизации и их атрибуты.....	13
§2. Мегацивилизационные фронтиры.....	18
§3. Мегацивилизационные горные «узлы».....	29
§4. Мегацивилизационные коридоры.....	33
§5. Религиозные цивилизационные сообщества...	36
§6. Этнокультурные цивилизационные общности.....	42
§7. Имперские цивилизационные общности.....	49
§8. Имперская идея и соблазны национального самосознания.....	59
Глава 2. Мегацивилизационная диахрония и ее основные законы (A.B. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин).....	63
§1. Вводные методологические разъяснения и критика.....	63
§2. Троичный ритм мировой истории. Восток и биосферный мегацивилизационный уклад.....	80
§3. Запад и этапы формирования техносферного мегацивилизационного уклада.....	90
§4. Северная Евразия и контуры ноосферного мегацивилизационного уклада.....	107
§5. Законы исторического развития и общая направленность истории.....	121

Раздел 2. Цивилизационные коридоры России в Евразии: ретроспектива и перспективы (A.B. Иванов, Ю.В. Попков)	138
Глава 3. Меридиональные цивилизационные коридоры России в Евразии.....	139
§1. Исходные методологические и концептуальные замечания.....	139
§2. Днепр и путь «из варяг в греки».....	145
§3. Волга как цивилизационный коридор связи Руси-России с исламским миром, Ираном и Индией...	149
§4. Культурно-паломнический коридор Бурятия – Монголия – Тибет.....	154
§5. Великий меридиональный мост Алтай – Гималаи.....	161
Глава 4. Широтные цивилизационные коридоры России. Арктический коридор.....	174
§1. Пояс Великой стеши.....	174
§2. Транссиб как широтный транспортный и цивилизационный коридор.....	178
§3. Российская Арктика как потенциальный цивилизационный коридор.....	183
§4. Еще раз о личностном факторе в становлении и осмысливании цивилизационных коридоров.....	199
Раздел 3. Духовные соблазны и устои будущей России.....	202
Глава 5. Два лика «русского западничества» (A.B. Иванов).	202
§1. Черты русского западничества и этапы его эволюции.....	202
§2. «Смердяковское» преклонение перед Западом и творческое усвоение европейских уроков..	210
§3. Некоторые выводы на будущее.....	218

Глава 6. Русский мир, Россия и Северная Евразия (о современных соблазнах национального самосознания) (<i>A.B. Иванов, Т.А. Артамонова</i>).....	220
§1. О новом этапе национального самосознания и его соблазнах.....	220
§2. Понятие «Русский мир» и его аспекты.....	224
§3. Об опасностях расширительного толкования понятия «Русский мир».....	230
Глава 7. Возвращение к Советам: утопия или историческая необходимость? (<i>A.B. Иванов</i>).....	236
§1. Отношение к политическим партиям в современной России и в истории отечественной мысли...	236
§2. Евразийские традиции территориально-корпоративного представительства народа в органах власти.....	242
§3. Преимущества территориально-корпоративной демократии над партийной.....	249
§4. Советская власть и перспективы воссоединения распавшейся державы.....	255
Глава 8. Нестяжательство как важнейшая ценность отечественной культуры (<i>A.B. Иванов, И.В. Фотиева</i>).....	258
§1. Противоборство нестяжательских и иосифлянских идей и их оценка в отечественной культуре...	258
§2. Исторические грехи иосифлянства и черты нестяжательского мировоззренческого идеала.....	267
§3. Необходимость возвращения к нестяжательским устоям национальной жизни.....	276
Заключение (<i>A.B. Иванов</i>).....	283
Библиографический список	288

ВВЕДЕНИЕ

Работа, с которой предстоит ознакомиться читателю, подводит итог многолетней работе авторского коллектива, объединяющего сибирских ученых из Барнаула и Новосибирска. Сквозным лейтмотивом, проходящим через их совместные статьи, книги и грантовые проекты, является уверенность в великом будущем Северной Евразии, России и Сибири, которым суждена важная историческая роль в переходе человечества к новой модели цивилизационного существования, которую авторы называют духовно-экологической (или ноосферной).

Эта новая цивилизация – не миф и не умозрительный теоретический конструкт в головах исследователей, а реальность, отдельные элементы которой уже неоднократно сбывалась в истории в форме того, что Стефан Цвейг назвал «звездными часами человечества». В эти эпохи, к сожалению, краткие и часто заканчивавшиеся трагически, именно высокая духовная культура человечества задавала мерила и цели профанно-повседневного бытия, утверждала ценности мира, религиозного согласия, взаимопонимания между народами и культурами, помогала обуздывать «темное дно» человеческой души и устремляла личность к всестороннему совершенствованию. Такие *периоды торжествующего Духа* есть и на Западе, и на Востоке, и в Северной Евразии. Достаточно вспомнить эпоху Перикла в Древней Греции и царя Ашока в Древней Индии, эпоху Тан в средневековом Китае и династию Саманидов в Средней Азии, последствия духовного служения Франциска Ассизского в средневековой Европе и Сергия Радонежского в средневековой Руси. Конечно, и в эти исторические эпохи лилась кровь, творилась несправедливость, хватало эгоистов и сребролюбцев, но благодаря духовным подвижникам, творцам и героям утверждался и получал яркое жизненное воплощение идеал служения высшим начальникам и ценностям бытия, ценились мудрость, знание, верность долгу и честь.

Авторы уверены, что выход из нынешнего техногенно-потребительского цивилизационного тупика, который все больше и больше оборачивается природными катастрофами, национальной и религиозной враждой, страданиями и кровью, возможен лишь на путях радикальной смены нынешних цивилизационных установок и принципов – когда так же, как и в великие «эпохи Духа», высшие ценности (мир, правда, братство, верность, любовь, долг, честь) все же одержат победу над властолюбием, корыстью, эгоизмом, ненавистью и националистической гордыней.

Могут сказать, что это наивные идеалистические мечтания. Но без веры в высокие идеалы в этом мире ничего подлинно великого не совершалось и не совершается. Худший из видов идеализма – это как раз мещанский «темный идеализм» – вера, что ничего изменить в человеческой природе и обществе нельзя, и все останется так, как есть. Как доказывает весь исторический опыт, результатом смирения со злом является только усиление несчастий человечества и деградация самого человека. И наоборот: если есть сильные культурные, государственные и цивилизационные проекты и есть активная воля к их воплощению в жизнь, то обязательно будут положительные изменения, в том числе и глобального цивилизационного плана.

Теме межцивилизационных взаимодействий, синхронических (пространственных) и диахронических (временных) связей между мегацивилизациями Востока, Запада и Северной Евразии будет посвящен *первый раздел монографии*. Там же будет обоснована необходимость духовно-экологической трансформации человечества, которая вытекает из логики действия фундаментальных законов цивилизационной диахронии и общей направленности мировой истории.

Россия, цивилизационно сформировавшаяся после Востока и Запада, впитавшая их культурные достижения и занимающая огромные пространства Северной Евразии, не может не иметь своей особой цивилизационной миссии, своего призыва и места в мировой истории, о чем, кстати, говорили и многие выдающиеся европейские мыслители. Даже

убежденный европоцентрист Гегель писал своему русскому ученику Искулю, эстонцу по национальности, участнику войны 1812 года и ротмистру императорской русской гвардии: «Вы счастливы тем, что имеете отечество, которому, без сомнения, предстоит еще гораздо более высокое назначение. Другие современные государства как будто бы уж более или менее достигли цели своего развития; быть может, кульминационный пункт некоторых из них находится уже позади, и форма их приобрела постоянный характер, тогда как Россия, будучи уже, пожалуй, наиболее мощною силою среди остальных государств, заключает в своих недрах неограниченную возможность развития своей интенсивной природы»¹.

Во втором разделе будут специально рассмотрены цивилизационные коридоры – колоссальный, равно и пространственный, и исторический ресурс России, связывающий изнутри ее собственное цивилизационное пространство и позволяющий ей интенсивно обмениваться материальными и духовными ценностями с другими народами и цивилизациями. Во многом именно многообразные (широтные и меридиональные) цивилизационные коридоры России, объединяющие Восток и Запада, Север и Юг евразийского континента, превращают ее в **средокрестие мировой истории** и создают **предпосылки для нового духовно-экологического объединения человечества**. Особое внимание будет уделено арктическому цивилизационному коридору, все более выдвигающемуся сегодня на первый план.

Помимо пространственно-временных, авторы в третьем разделе работы обращаются к анализу научного, философского и культурного – **духовного** – потенциала, которым обладает Россия для исполнения своей глобальной миссии по переходу к новому духовно-экологическому (ноосферному) цивилизационному укладу и объединению всего человечества на этом соборном спасительном пути. Такой переход, естественно, подразумевает наличие единомышленников и духовных

¹ Цит. по: Фишер К. Гегель. Его жизнь, сочинения и учение. Первый полутом. М.-Л., 1933. С. 90-91.

соратников, которые были и есть во всех странах и народах Земли¹, но именно евразийские народы, связанные с Россией общей цивилизационной судьбой, являются ее ближайшими друзьями и союзниками, а потому и новое объединение Северной Евразии рассматривается авторами в качестве важнейшей геополитической задачи. Для такого объединения Россия, действительно, нуждается в развитии своей «интенсивной природы»: в рациональном *самосознании* без космополитических и националистических соблазнов, создающих ложные образы ее цивилизационного «я»; а также в систематическом *самопознании* своих фундаментальных цивилизационных особенностей, идей и ценностей².

Авторы ясно осознают, что их вариант синтетического цивилизационного подхода в единстве его синхронического и диахронического аспектов, который сквозной нитью проходит через всю монографию, является предельно общим, *историософским* по самой своей природе. Следовательно, он не исключает возможностей использования других подходов (геополитических, исторических, социологических, культурологических), имеющихся в арсенале современной цивилизационистики. Подобная широта авторского подхода делает его весьма уязвимым для критики, особенно с точки зрения

¹ Известно, что симпатию к России питали Шеллинг и Ницше, Вивекананда и Рабиндранат Тагор. Ницше пророчески писал: «Мелочность духа, идущая из Англии, представляет нынче для мира великую опасность. Чувства русских нигилистов кажутся мне в большей степени склонными к величию, чем чувства английских утилитаристов... Мы нуждаемся в безусловном сближении с Россией и в новой общей программе, которая не допустит в России английских трафаретов. Никакого американского будущего! Сращение немецкой и славянской расы» (Цит. по: К.А. Свасьян. Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше Ф. Собр. соч.: в 2 томах. Т.1. М., 1990, С. 45).

² Насколько нова для современного отечественного гуманитарного знания тема российского цивилизационного своеобразия и насколько широк здесь разброс методологических подходов и мировоззренческих предрассудков – свидетельствует недавно вышедшая коллективная монография «Контуры цивилизационного будущего России». М., 2024.

привлекаемого в монографии эмпирического исторического, социологического и культурологического материала.

Однако авторы будут только рады, если их предельно общий взгляд на мегацивилизации Востока, Запада и Северной Евразии, частью которой является Россия, вызовет обоснованную критику и спровоцирует творческую полемику. В конце концов, задача любого честно выполненного научного и философского труда – это не претензии на авторскую «истинность» и «фундаментальность», не стремление добиться его коллективного признания и одобрения, а попытка внести свой посильный творческий вклад на соборном пути обретения живой и многогранной Истины, как завещано нам великими традициями отечественной философской мысли.

РАЗДЕЛ 1.

СИНТЕТИЧЕСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД: ЕДИНСТВО СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

ГЛАВА 1. Мегацивилизационная синхрония

В целом ряде наших прежних работ мы развивали вариант цивилизационного подхода, совмещающий диахронический ракурс анализа, где выделялись различные исторически сменяющие друг друга глобальные цивилизационные уклады (или типы мироустройства), с синхроническим ракурсом исследования существующих в пространстве различных мегацивилизационных, цивилизационных и субцивилизационных общностей¹.

В этой и последующей главах мы разовьем и уточним этот **синтетический цивилизационный подход**, попытавшись выявить существенные закономерности исторической смены глобальных цивилизационных укладов и взаимодействия существующих в пространстве и во времени мегацивилизационных и цивилизационных сообществ, а также проанализировать сквозь призму этих закономерностей нынешний этап развития человеческой цивилизации, который мы ранее определили как глобальный кризис техногенно-потребительской цивилизации, олицетворяемой странами Запада, которая господствовала на протяжении последних четырех веков существования человечества.

¹ См.: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул, 2001; Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития /под ред. А.В. Иванова. Барнаул, 2022; Иванов А.В., Попков Ю.В. Типология цивилизаций в диахроническом измерении: базовые модели и перспективы России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Том 22 .№2. С. 404-415.

Кризис техногенно-потребительского мироустройства или закончится трагической гибелью всей человеческой цивилизации¹, или ему на смену придет новый тип глобального мироустройства, который некоторые авторы называют *ноосферным*, а мы предпочитаем называть его *духовно-экологическим*.

Не будем давать здесь анализ огромного количества научных и философских источников, посвященных цивилизационной проблематике. Читатель при желании найдет его в многочисленной литературе обзорного жанра, которая, к сожалению, нередко прикрывает отсутствие собственных оригинальных идей. Не входит в наши планы и полемика с оппонентами, учитывая, во-первых, что концепция, которая будет развертываться ниже, таковых пока не имеет²; а, во-вторых, именно теоретическое и фактуальное *обоснование* тех или иных концептуальных философских схем ныне особенно желательно. Благополучно отходящий ныне в культурное небытие философский постмодерн предпочитал туманно изрекать умозрительные тезисы, но практически никак их не обосновывать³. Нынешняя ситуация в социогуманитарных науках, для маркировки которой избрали тяжеловесный термин «постпостмодерн», должна сподвигнуть авторов сосредоточиться на ясности изложения своих собственных взглядов, а, главное, повторим, на их всестороннем обосновании. Ценность ясности и доказательности текстов в философии, помимо всех других плюсов, заключается еще и в том, что облегчает их последующую рациональную критику.

¹ К сожалению, этот сценарий, еще вчера казавшийся несбыточным, сегодня, в связи с обострением отношений между Россией и Западом, является вполне реальным.

² Исключение составляет концепция «осевого времени» К. Ясперса, которую мы подвергнем критике в следующей главе, поскольку она касается исторического развития цивилизаций и отношений между Востоком и Западом.

³ Едва ли не вершиной постмодернистской философии является книга Делеза и Гваттари, где просто ничего невозможno понять в ее русском переводе. См.: Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2008.

§1. Мегацивилизации и их атрибуты

Начнем с синхронического (пространственного) аспекта синтетического цивилизационного подхода, который, правда, от временного аспекта оторвать невозможно. Прежде всего, сразу зафиксируем, что считаем совершенно правильной, теоретически актуальной и практически работающей цивилизационную модель классиков отечественного евразийства, выделивших три глобальных цивилизации (в нашей терминологии – *мегацивилизации* или культурно-географические миры), сложившиеся в северном полушарии Земли на пространстве континентальной Евразии: *восточную мегацивилизацию* (или Азию), *европейскую мегацивилизацию* (или Запад) и *срединную евразийскую мегацивилизацию*, которую мы далее будем именовать *Северной* (или Континентальной) Евразией. С нашим общим пониманием своеобразия мегацивилизаций России, Востока и Запада и их геополитическим положением можно ознакомиться в указанной выше коллективной монографии¹.

Вкратце отметим, что к Западу мы относим Европу, Канаду и США, а также Австралию². Восточная цивилизация включает в себя ее западное крыло в виде исламского мира (Малая Азия, Ближний Восток и Средний Восток)³, индуистско-буддийскую Южную и Юго-Восточную Азию, дальневосточные – буддийскую Корею, конфуцианско-буддийский Китай и буддийско-сикхистскую Японию. Мегацивилизация Северной Евразии включает Россию, буддийскую Монголию, исламскую Среднюю Азию (сегодня ее называют также

¹ Цивилизационная миссия Сибири...

² Далее термины «Европа» и «Запад» с точки зрения их мегацивилизационного статуса мы, вслед за Гуссерлем, Хайдеггером, Юнгом и Ясперсом, будем употреблять как синонимы, поскольку Европа – историческая колыбель западного мира.

³ Средний Восток – это в первую очередь территории современных Ирана и Афганистана. Исламская цивилизация крайне неоднородна и носит пограничный характер между мегацивилизациями Востока и Запада, особенно это касается Ближнего Востока и Малой Азии.

Южной Евразией¹), многонациональный и поликонфессиональный Кавказ, а также нынешние территории Украины и Белоруссии. Мегацивилизации связаны между собой *межцивилизационными коридорами*, имеют *пограничные фронтальные территории*², а также стратегически значимые цивилизационные горные «узлы», о которых подробно поговорим ниже.

Цивилизационные и субцивилизационные сообщества Латинской Америки, Африки и Тихоокеанского региона при всей их самобытности, уникальности и значимости для человечества пока не смогли, на наш взгляд, сформировать мегацивилизаций, находясь вплоть до последнего времени под определяющим влиянием Запада, который исторически формировался и до сих пор существует как мегацивилизация, нацеленная на диктат и колониальное господство.

Мегацивилизации включают в себя различные, большие и малые, локализованные и четко не локализованные в пространстве цивилизационные и субцивилизационные общности и характеризуются следующими существенными конститутивными чертами:

¹ Термины «Средняя Азия» и «Южная Евразия» мы рассматриваем, как тождественные, но будем использовать старый и удачный, на наш взгляд, термин «Средняя Азия», дабы избежать путаницы. В принципе можно использовать понятие «Континентальной Евразии» вместо понятия «Северной Евразии», которая тогда будет включать в себя «Северную Континентальную Евразию», совпадающую с территорией нынешней России, и «Южную континентальную Евразию», включающую Монголию, Среднюю Азию и Кавказ. Но мы все же предпочтем в дальнейшем использовать понятия «мегацивилизация Северной Евразии», которая отражает именно ее стратегический северный характер.

Что касается Центральной Азии, то ее образует великое восточное цивилизационное пограничье, включающее в себя Синьцзян и Тибет, ныне входящие в состав Китая. О нем мы еще поговорим далее.

² Мы не будем в нашем цивилизационном подходе использовать иностранный геополитический термин «лимитроф» (пограничные государства), который, на наш взгляд, вносит только произвол и путаницу в цивилизационный анализ, ибо при внимательном и непредвзятом анализе в подавляющем большинстве случаев мегацивилизационные тяготения пограничных государств всегда можно обнаружить.

- спецификой ландшафтно-климатических условий, на основе которых зарождаются и существуют сообщества данной мегавивилизации;
 - своеобразием внутренних транспортно-торговых и, шире, цивилизационных коридоров, которые обеспечивают единство данной мегавивилизации, контакты между ее пространственными частями, государственно-политическими, цивилизационными и субцивилизационными элементами, а также взаимодействие с другими мегавивилизациями, когда ее собственные цивилизационные коридоры совпадают или пересекаются с мегавивилизационными коридорами;
 - устойчивостью в пространстве и в потоке исторического времени, несмотря на возможность изменения и даже крушения их государственных образований, эволюцию отдельных больших и малых локальных цивилизаций, смену, иногда радикальную, культурных, религиозных и мировоззренческих ориентиров;
 - неразрывной связью исторических судеб входящих в них цивилизационных и субцивилизационных, особенно этнокультурных, общностей;
 - близостью картин мира, ценностей, хозяйственных, поведенческих и жизненных установок у людей из разных цивилизаций и субцивилизаций данной мегавивилизации, обеспечивающих их комплементарность (термин Л.Н. Гумилева), то есть их длительное и мирное сосуществование на одной территории и в рамках единых государств;
 - способностью порождать оригинальные религиозные и философские системы, а также великие художественные творения, в которых воплощаются и утверждаются коренные идеи, ценности, идеалы, символы и цели исторического существования именно данной мегавивилизации;
 - наличием мегавивилизационной сверхзадачи по формированию и утверждению глобального цивилизационного уклада. Последняя черта представляется особенно важной.
- Мегавивилизации всегда формируются и осознают свое цивилизационное призвание постепенно в ходе истории** через существование тех или иных своих больших циви-

лизационных общностей, в том числе и имперского характера, испытывая при этом влияние ранее сформировавшихся мегацивилизаций и цивилизаций и, в свою очередь, оказывая на них обратное фундаментальное влияние. Здесь мы встречаемся с классическим проявлением прямой и обратной причинной связи между явлениями.

Так, греческая цивилизация, как корень всей последующей цивилизации Запада, возникает и развивается под определяющим влиянием разных цивилизационных общностей восточной мегацивилизации (египетской, вавилонской, иранской), но впоследствии сама оказывает на мегацивилизацию Востока сильнейшее культурное влияние после походов Александра Македонского и образования эллинистических государств, о чём мы еще поговорим ниже.

Кочевая евразийская империя Чингисхана на ранних этапах своего развития опирается на опыт китайского государственного строительства, где огромную роль сыграл выдающийся представитель китайской государственной элиты Елюй Чуцай¹. Впоследствии китайская цивилизация оказалась завоеванной монголами и испытала на себе обратное серьезное влияние кочевых культурных традиций. Воздействие кочевого евразийского мира на Китай было и раньше, вплоть до культурных и бытовых заимствований, например, при танском императоре Таньцзуне, который в военно-политическом плане сумел подчинить Поднебесной Великую степь. Именно со времени его правления в Китае входят в моду степные одежды и блюда, юрта в качестве летней резиденции, а также происходит значительная демократизация в положении китайской женщины. «На изображениях танской эпохи, — пишет В.В. Малявин, — мы видим... женщин, которым не чужды скачки, охота, пикники и прочие веселые забавы»².

Если говорить о становлении европейского Средневековья, где становятся явными многие базовые черты и ценности мегацивилизации Запада (государственные образования с

¹ См. Филипп Э.Д. Монголы. Основатели империи Великих ханов. М., 2003. С. 81-82.

² Малявин В.В. Древнекитайская цивилизация. М., 2001. С. 545.

явной этнокультурной доминантой типа государства франков; возникновение университетского образования; религиозный и культурный экспансонизм в виде крестовых походов, формирующаяся европоцентристская ментальность), то здесь, несомненно, было мощное воздействие арабской средневековой государственности, науки и философии, которая некогда сама выросла из западных средиземноморских религиозных корней (христианство и иудаизм), греческой письменной и интеллектуальной традиции.

Наконец, российская цивилизация, возникшая на пространстве Северной Евразии, испытала на себе северное (варяжское) и южное (византийское) европейские влияния, если рассматривать культуру господствующих классов и русскую государственность. А вот на уровне языка, быта, народной культуры и мифологии налицо огромное влияние восточного праиндоевропейского культурного субстрата. Нельзя забывать и об огромном влиянии на Русь кочевых этносов Северной Евразии, особенно монгольской империи, частью которой Русь была в течение нескольких столетий.

Иногда, если вспомнить известную идеологему «Москвы – Третьего Рима», говорят, что Древняя Русь напрямую наследует византийскую миссию государственной носительницы христианского миросозерцания. Тезис всегда вызывал серьезные возражения, ибо русская государственность и русское православие довольно сильно отличаются от византийского, а по традициям православной святости – отличаются так и вовсе радикально. И, главное, православная Восточная Римская империя, при всей своей пограничности, все же относится к европейскому культурно-географическому миру, что четко зафиксировано в ее исторической преемственности, с одной стороны, с государственностью Римской империи (Византия – государство ромеев с господствующими латинским и греческим языками), а, с другой, с античной научной, философской и литературной традициями¹. Забывают также, что Византия была не

¹ См. о трех критериях византийской идентичности в работе: Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Аверинцев С.С. Другой Рим: Избранные статьи. СПб., 2005. С. 321.

только сухопутной, но именно западной морской цивилизацией, мощь которой в значительной степени зависела от контроля за средиземноморским побережьем и морскими торговыми путями. Эта мощь, несмотря на активность арабского флота, начиная с VII века, сохранялась до середины XI века, когда начал развиваться торговый флот итальянских торговых портов Венеции, Генуи и Пизы¹. Этот момент является исторически символическим, так как подготавливает эпоху Возрождения и переход уже к техногенной цивилизации Запада.

Подробнее историческую направленность и этапы развития мегацивилизаций, а также восходящую спираль «цивилизационных эстафет» мы рассмотрим ниже в связи с закономерностями формирования и трансформации глобальных мегацивилизационных укладов.

§2. Мегацивилизационные фронтиры

Следует иметь в виду, что мегацивилизации не только исторически складываются постепенно, но имеют **подвижные – фронтовые – границы между собой, которые могут быть как границами мирных контактов, так и территориями соперничества и вражды.**

Так, мегацивилизационным пограничьям, как бы «вечно пылающим фронтиром» между Западом и Северной Евразией были Прибалтийская и Придунайская низменности с территориями современной Польши, странами Балтии, Белоруссией и Украиной на севере; Молдавией, Болгарией и Румынией на юге. Здесь проходили шедшие на Запад готские, гуннские и монгольские кочевые племена; с Запада на Восток – Тевтонский и Ливонский ордена, поляки и литовцы, французы и германцы, итальянцы и румыны. Современный военный конфликт на Украине, помимо всех прочих политических, экономических и идеологических причин, имеет глубокие историко-геополитические корни, в том числе и этнопсихологи-

¹ Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. С. 16-17.

ческий «комплекс мегавилизационного пограничья» у католической славянской Польши, униатской Западной Украины (Галиции), православных Болгарии, Греции, Румынии и Сербии, принадлежавших или тяготевших к Западу. Однако это мегавилизационное пограничье знало и мирные времена торговли и добрососедства, как во времена послевоенной мировой системы социализма.

Малая Азия и Ближний Восток, где расположены современные Турция, Сирия, Ирак, Иордания, Израиль, Египет и другие страны, также всегда являлись то мирным, то военным пограничьем между Западом и Востоком, христианской и исламской цивилизациями, различными этнокультурными сообществами. Римский и византийский европейские миры стремились контролировать северо-западное и западное побережья Средиземного моря, поскольку сюда выходили все торговые сухопутные пути из Африки и из Азии. Христианская средневековая Европа считала своей святой обязанностью вернуть в пределы христианского мира священный город Иерусалим. Исламский мир в этом регионе, генетически и функционально находясь под значительным влиянием античной культуры, имперских традиций Рима и Византии, в свою очередь, по мере роста и влияния, стремился к контролю над этими же землями. К тому же именно в Иерусалиме, с его храмовой горы, пророк Мухаммед был мистически вознесен ангельским воинством на Небеса. Следует иметь в виду и то, что молодой исламский мир в лице и арабского халифата, и государства тюрок-сельджуков, и Османской империи всегда сознательно или бессознательно тяготел к своей «материнской» европейской мегавилизации с культурным благоговением перед греческой ученостью, с политической мечтой о завоевании символа имперского могущества Запада – Константинополя, что и сбылось в XV веке. При этом арабо-мусульманский мир так до конца и не изжил комплекс политической и военной неполноценности в отношении западного мира, особенно США.

Одновременно Иерусалим – это великое четко локализованное межавилизационное пограничье – духовная столица

не только христиан и мусульман, но и святой город для евреев с их разрушенным храмом Соломона. После своего образования Израиль всегда являлся явным и агрессивным форпостом Запада (прежде всего, США) на ближневосточном цивилизационном пограничье. Одновременно на Ближнем Востоке мы видим огромное разнообразие этнокультурных общностей, некоторые из которых, как, например, курды, очень многочисленны, но лишены своей государственности. Все это превращает регион Ближнего Востока в вечно пылающий мегавилизационный фронт, чреватый глобальными потрясениями и «перестройками», как это недавно произошло с крушением режима Асадов в Сирии.

В свою очередь, современное геополитическое положение Турции и ее вечная политика лавирования между Западом и исламской цивилизацией, исламским миром и тюркскими государствами Средней Азии, Западом и Россией не могут быть адекватно поняты без учета сложного мегавилизационного пограничного положения и исторического политического наследия Малой Азии, где существовало множество разноплеменных государств и по землям которой прошли сотни тысяч завоевателей с Запада и с Востока, которая к тому же граничит с горным Кавказом, речь о котором впереди.

Особое пограничное мегавилизационное положение занимают территории Среднего Востока, где расположены современные Иран и Афганистан. Они всегда были открыты и Западу, и Востоку, и Северу Евразии, являясь тем ключевым мегавилизационным пограничьем, по которому проходила южная ветка Великого шелкового пути, а первые качественные дороги были построены уже во времена державы Ахеменидов. «Единство Ахеменидской державы, – писал Ю.Н. Перих, – покоялось на целой сети стратегических и торговых путей, на проведение которых Дарий обращал особое внимание. Так называемая царская дорога проходила через Эфес-Сарды-Птерию-Каппадокию-Евфрат-Тигр-Сузы и далее через Экбатану... – в Индию. От этой дороги шел важный торговый путь на Маргиану (Мерв), Согдиану и далее – через кочевья

скифов-саков – в Китай. Другой торговый путь для сношений с кочевниками северного степного пояса шел через Гирканию по Каспийскому морю, затем вверх по долине р. Кура к гаваням Черного моря¹. Впоследствии в Иран через реки Балтийского бассейна, Волгу и Каспийское море пойдут товары из Северной Европы, Новгорода, Москвы и Волжской Булгарии.

После захвата империи Ахеменидов армией Александра Македонского и образования эллинистических государств огромную роль начинает играть греческая культура. Но при всем ее огромном влиянии восточный иранский (персидский) этнокультурный и религиозный субстрат оставался доминирующим, а при династии Сасанидов III–VII н. э. в качестве государственной религии был официально восстановлен зороастризм. Средний Восток с Ираном и Афганистаном остались и до сих пор остаются, прежде всего в этнокультурном плане, крайним западным пределом именно восточной мегацивилизации.

Здесь же рождается знаменитая культурная и цивилизационная оппозиция оседлого Ирана и кочевого Турана², где земледельческие племена и их государственные образования были вынуждены в течение многих столетий отражать набеги сначала родственных иранских, а потом тюркских и монгольских кочевых племен, приходящих с севера. Впоследствии политическое господство диких арабов-кочевников с Востока всегда встречало сопротивление со стороны просвещенной персидской иранской элиты. Соответственно, как для жителей Европы и китайцев, варвары представлялись жителям Ирана в образе диких конных кочевников, несущих разрушение, смерть и гибель высокой культуре. Неслучайно после исламского завоевания именно шиитский Иран обнаруживает наибольшую близость к традиционному доисламскому Востоку с сохранением высокого культурного наследия персидской державы, с использованием литературы на языке

¹ Перих Ю.Н. История Средней Азии. В 3 т. Том I. М., 2004. С. 160.

² Указ. соч. С. 178.

фарси, с мистическими религиозными практиками суфийских орденов, имевших явные индийские корни. Сегодня Иран отличается высоким уровнем научно-технологических исследований и метафизических богословских исследований, особым положением и политическим мнением в исламском мире в целом, словно продолжая пребывать в великом мегавизуализационном пограничье с хорошими взаимоотношениями с цивилизациями Китая, Индии и России и особым критическом отношением к Западу.

Далее на Востоке расположен свой цивилизационный «пылающий фронт» в Синьцзяне («Западном крае» в переводе с китайского) с двумя огромными пустынями в Джунгарии и Кашгарии, с тремя ветками проходившего здесь Великого шелкового пути, с великим Джунгарским проходом, который вел из степей Монголии в степи Средней Азии, Прикаспия и Причерноморья. Синьцзян образует вместе с Тибетом подлинную Центральную Азию – это великое восточное цивилизационное пограничье между Северной Евразией и Востоком; Россией, Индией, Монголией, Средней Азией и Китаем. В течение многих веков здесь главные цивилизации Востока в лице Китая и Индии подвергались нашествию кочевников (древних индоариев, скотов, тибетцев, тюрок и монголов). Наконец, после прихода в Сибирь российской цивилизации на пространстве Синьцзяна сошлись и вступили в сложное взаимодействие, к сожалению, чаще враждебное, чем созидательное, все основные религиозные (буддизм, ислам, христианство, конфуцианство), этнокультурные (ханьцы, индийцы, монголы, тибетцы, тюрки, славяне, иранцы) и имперские (Китай и Россия) цивилизационные общности Востока, Запада и Северной Евразии. Со сложнейшей и драматической историей Синьцзяна и его народов в XX веке, в которой активное участие приняла Россия, можно познакомиться по интересной и талантливо написанной монографии В.И. Петрова¹.

¹ См.: Петров В.И. Мятежное «сердце» Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003.

Фронтирные мегаавиализационные территории, подчеркнем это еще раз, имеют очень сложную историю, и через них чаще всего проходят основные мегаавиализационные коридоры. Они могут быть как пространствами мира, так и ареной вражды. Здесь чаще всего вспыхивают межэтнические и религиозные конфликты, разворачиваются межгосударственные территориальные споры, и возникают очаги миграций.

Именно на фронтирных землях мегаавиализации и различные цивилизации должны учиться договариваться и идти на взаимные уступки, осуществлять великое умение делать ставку на созидательные причины и уроки истории, а не переносить старые – мнимые и подлинные – исторические обыды. *На фронтирных землях особенно важно, – как мы увидим ниже, – помнить о духовной истории народов и во всех, даже сугубо практических делах, никогда не забывать про высокую культуру и творчество.*

Здесь полезно сделать небольшое отступление и сравнить, как ведут себя на фронтирных землях европейцы, прежде всего – немцы, и представители народов Северной Евразии, прежде всего, – русские.

Дух Европы – это дух разграничения, индивидуации и автономии. Отсюда идет культ народа-суверена, государства-суверена, суворенной и автономной личности. Философские корни европейского культа автономии можно усмотреть у Локка, Декарта и особенно Канта в «Основах метафизики нравственности». «Автономия, – пишет Кант, – есть... основание достоинства человека и всякого разумного существа»¹.

Подобной установке можно найти чисто пространственное объяснение: большая человеческая скученность в маленькой Европе требует четкого распределения жизненного пространства, а также государственно-правовых гарантий того, что с твоим уникальным человеческим «я», этнокультурным и социальным статусами, которыми ты обладаешь, другие будут реально считаться. Европейская страсть к по-

¹ Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Собр. соч.: в 6 томах. Т.4. Ч.1. М., 1965. С. 780.

следовательному национальному, социальному и экзистенциальному размежеванию, а также к общему упорядочиванию пространства, быть может, наиболее характерна для немцев. Это подметил еще Н.А. Бердяев, писавший, что немец «чувствует себя со всех сторон сдавленным, как в мышеловке. Шири нет ни вокруг него, ни в нем самом. Он ищет спасения в своей собственной организованной энергии, в напряженной активности. Все должно быть у немца на месте, все распределено. Без самодисциплины и ответственности немец не может существовать. Всюду он видит границы и всюду ставит границы. Немец не может существовать в безграничности, ему чужда и противна славянская безбрежность»¹.

Любопытно, что и сегодня пока еще объединенная Европа вовсе не забыла о своем главном принципе: максимально жестком очерчивании и гарантиях соблюдения индивидуальных, национальных и религиозных границ, где правовые гарантии дополняются этическим принципом **толерантности**, то есть фактически – **разрешением другим жить, как угодно, и делать все, что угодно, лишь бы это не затрагивало частную жизнь других, не переходило установленные правом границы.**

Дух Европы, на чем мы еще остановимся ниже, – это дух индивидуального, а не соборного бытия; *опосредованных* (юридических и экономических), а не *непосредственных* жизненных связей между людьми и народами; духовной автономии, а не духовного родства; социальных и экзистенциальных границ, а не открытости. Здесь нет интенции на переступание собственных культурных и экзистенциальных пределов, нет обогащения «своим иным», как сказал бы Гегель.

Нет у Европы и любви к напряженному бытию-награнице, когда надо диалектически сопрягать сохранение

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С.68. Слова Бердяева подтверждают размышления О. Шпенглера о русских, в душе и бытии которых он видит только безграничную равнинность, безликость и однообразие (Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.2. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998. С. 307).

собственной культурной идентичности с постоянным творческим диалогом с другими национальными «я» и готовностью осваивать чужой позитивный хозяйственный и культурный опыт. Напротив, у европейских народов есть весьма стойкое желание включить чужие культуры и цивилизации в орбиту своего внутреннего культурного и государственного пространства, то есть **расширить вовне собственные границы**. Применительно к германской культуре это вплоть до второй мировой войны выражалось в духе милитаризма и жажде военного расширения жизненного пространства; у англичан – преимущественно в экономической и политико-дипломатической, а у французов – в культурной экспансии. В целом же, это сознательное или бессознательное стремление европейцев к внешнему раздвиганию собственных границ, к завоеванию фронтира порождает идеологию европоцентризма и культуртрегерства, чему можно найти массу подтверждений и в истории, и в сегодняшней практике международных отношений. Вершина и квинтэссенция подобной позиции – желание современных США расширить «зону своих жизненных интересов» до размеров всего земного шара.

В отличие от европейского отношения к границе как к средству автономизации и как к инструменту экзистенциального, государственно-политического и культурного размежевания, а только уж во вторую очередь как к месту наведения межличностных и межкультурных мостов – евразийский человек тяготеет к пространственному и этнокультурному переступанию границ, к движению за горизонт¹, в том числе и за горизонт собственного «я», а если дальше пространственно, культурно и экзистенциально двигаться уже невозможно, когда пройден путь до самых внешних границ Северной Евразии – то к *напряженному бытию-на-самой-границе*. При этом евразийское бытие на границе глубоко диалектично.

С одной стороны, пограничная полоса – место предельно опасное, чреватое в любой момент военными столкновения-

¹ А вовсе не к растворению в безликой равнинности, как думал О. Шпенглер.

ми и вражескими нашествиями. Граница – *грань*, разделяющая своих и чужих, мировой порядок и хаос, закон и беззаконие, свет и тьму. Человек границы, символом которого в отечественной культуре является казак, постоянно находится в предельном напряжении сил, ощущает себя форпостом национальной культуры и религии. Потому и молится он с особым сердечным усердием или православному Богу (как основная масса русского казачества), или Будде (как казаки-буряты), но при этом и русский, и бурят оба ощущают, что за их спинами находится единый мир, где и православный, и иноверец являются братьями-согражданами, требующими защиты. На границе особо чтут национальные традиции и берегут реликвии. Эта вертикальная ценностная опора позволяет устоять и не дрогнуть в годину лихолетья. Неслучайно в старых казачьих сундуках и потайных схронах (святыни не должны доставаться врагу!) вплоть до XX века находились редкие образцы церковных книг, древние иконы, ладанки и нательные кресты.

Но граница – это не только грань, межа, но и место, где *ограничивается, подобно бриллианту, человеческая душа*, стягивающая в атмосфере постоянного военного напряжения такие бесценные человеческие качества, как мужество и братская готовность положить «жизнь за други своя»; бдительность и стойкость в преодолении жизненных трудностей; верность присяге и смекалка; выносливость и спокойствие. Поэтому совсем не случайно русские богатыри во главе с Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем¹ совершают свои основные подвиги именно на границе и

¹ Кстати, представляющих все основные сословия русского общества – крестьян (Илья Муромец), бояр (Добрыня) и духовного сословия (Алеша Попович). Показательно, что Илья – крестьянский сын из села Карабарово – является главным действующим лицом русских былин, за исключением, быть может, Микулы Селяниновича. Но тот в суме носит «тягу земную», являющуюся главным источником силушки богатырской. Любопытно и то, что название села – «Карабарово» – совершенно тюркское, да и в образах «калик переходящих» вычитываются переклички с образом библейских волхвов с Востока, некогда

в течение столетий воплощают идеал русского человека. В их лице русский православный идеал святости («земной ангел и небесный человек») восполнялся идеалом воинской чести и доблести, своеобразной евразийской рыцарской святости. Жизнь на границе – это в высшей степени достойное житие, отчего образ казака навсегда связывается в сознании русского народа даже не столько со свободой (волей)¹, сколько с высоким социальным служением, с сознательным исполнением ратного долга.

Этот евразийский дух героического стояния в вечном свете Правды и полагания границ злу, идущему на открытых пространствах Северной Евразии и с Запада, и с Востока, помогал евразийским народам обороть и ливонцев на льду Чудского озера, и Мамая на поле Куликовом, и французов на Бородинском поле, и немцев на поле под Прохоровкой. Когда земная граница смыкается с надземной – тогда свершается вечная победная богатырская мистерия Евразии поверх всех земных пространственных и временных пределов. И тогда рождаются новые богатыри-герои, и рассказываются новые эпические сказания типа сказания о Евпатии Коловрате, «Задонщины», легенд об обороне Брестской крепости, героической гибели в Чечне псковских десантников или героях нынешней войны на Донбассе. Важно, что основные подвиги русские после XVI века совершают, обороняя свои исконные рубежи от внешнего агрессора, а не раздвигая границы вовне, как на Западе.

Есть не менее важная, но противоположная ипостась бытия-на-самой-границе. Она связана с установлением дружеских, неформальных контактов с инородцами, у которых все-

удостоверивших факт прихода в мир Мессии. Как и премудрые волхвы, калики свидетельствуют о приходе славного защитника русской земли и лишь пробуждают в нем исконно таящиеся богатырские силы.

¹ Русская воля постоянно рискует обернуться разгульным своееволием, куражом и разбоем, а изредка – и откровенным предательством, вроде тех «распоясавшихся казаков», что вместе с католиками- поляками осаждают Троице-Сергиеву лавру в годы Великой Смуты.

гда есть чему поучиться, и с которыми многие вопросы можно решить не кровью, а миром. Поэтому пограничье для народов Северной Евразии – это всегда *активное совмещение граней различных культур*. В местах интенсивного пространственного взаимодействия евразийских культур (славянской и тюркской, тюркской и угрофинской, монгольской и славянской) наблюдается появление не только многочисленных языковых и бытовых заимствований, но и новых культурных форм: мифологических и литературных сюжетов, хозяйственных технологий, религиозных верований и обрядов, философских идей. На самой границе обнаруживается своеобразный мультиплекативный эффект культур, особенно в горных регионах, когда, соприкасаясь, они дают резонансный всплеск. Так, русские, приходя на Алтай, не только активно вступали в межэтнические браки, но осваивали новые хозяйственные навыки, например, мараловодство и сезонное отгонное скотоводство. Старообрядцы активно использовали в народном творчестве элементы алтайского орнамента, крестили детей в Катуни и поклонялись, как и коренные жители-алтайцы, святой горе Белухе. Алтайцы, в свою очередь, от русских получили свою письменность, усвоили навыки огородничества, домостроительства, многих ремесел.

Иными словами, через приграничье евразийские народы не столько друг от друга отмежевывались, сколько друг в друга взаимно прорастали, вовсе не утрачивая при этом свою религиозную или этническую идентичность, а по-новому ограничивая кристалл собственной культуры.

Евразийский мегавилизационный фронт на Востоке гораздо более мирный и подвижный, нежели «вечно пылающий» западный фронт, где всегда приходится сдерживать агрессивный и самодостаточный европейский дух, не желающий, как мы увидим ниже при анализе историософской концепции К. Ясперса, ничему учиться на Востоке.

§3. Мегаивилизационные горные «узлы»

Особую роль во взаимодействии мегаивилизаций играют горные пограничные регионы, которые правомерно, на наш взгляд, назвать **мегаивилизационными горными «узлами»**. В отличие от открытых и подвижных фронтовых границ лесных, степных и приморских территорий, где возможен перенос государственных границ и возможны быстрые миграции, горные границы носят устойчивый мегаивилизационный характер.

Они, с одной стороны, образуют прочные естественные межи между различными мегаивилизационными, цивилизационными и субцивилизационными сообществами, образуя как бы зrimую оппозицию мегаивилизационным коридорам, а с другой, учитывая наличие в них труднодоступных и изолированных участков, способны в течение долгого времени давать приют самым разным этнокультурным, религиозным и государственным образованиям, которые на равнинах и в прибрежных материковых зонах попросту «вымываются» волнами вновь приходящих государств, культур и народов.

Соответственно, горные регионы могут диалектически как способствовать процессам диалога и синтеза религий и культур, быть территориями мира и добрососедства, так и превращаться в арены конфликтов и вражды, становиться объектами многовекового соперничества между различными субцивилизациями, цивилизациями и мегаивилизациями. В горных «узлах» могут гармонично сплетаться, сохраняя при этом автономию, различные религиозные, этнические и культурные нити; но они же могут быть «затянуты» столь тую и насильственно, что их впоследствии приходится «разрубать» посредством конфликтов и войн.

Важным горным «узлом» в отношениях между мегаивилизациями Запада и Востока служили и служат *Балканы*, особенно после вторжения в Европу войск Османской империи. Православие, католицизм и ислам; наличие славянского, тюркского и романского этнокультурных субстратов; имперское наследие Рима, Византии и Турции параллельно с гео-

политическими интересами многих крупных держав – превратили Балканы в многовековой, то тлеющий, то взрывающийся, субцивилизационный, цивилизационный и мегацивилизационный горный «узел», где силы старой вражды (между сербами и албанцами, греками и турками), сдерживаемые до времени различными политическими и правовыми средствами, все же пока явно преобладают над силами мира и диалога.

Важным мегацивилизационным «горным узлом» являются горы Кавказа. Кавказ был естественной северной границей восточных цивилизаций, прикрывавшей их с севера от набегов воинственных кочевых племен, и южной границей цивилизаций Северной Евразии, начиная с Хазарии и Тюрksких каганатов и заканчивая российской цивилизацией. До Кавказа доходили владения Рима и Византии, монгольской империи и арабского халифата. Очень глубокий и до сих пор не утративший своего значения классический евразийский анализ сложных геополитических, межрелигиозных и межкультурных проблем Кавказа дан в небольшой работе Н.С. Трубецкого «О народах Кавказа»¹. Современная ситуация в кавказском горном «узле» носит исключительно сложный и запутанный характер, где безусловно вредоносны и разрушительны как националистические, так и европоцентристские соблазны, как панисламизм, так и пантюркизм. Только идея «евразийского братства народов», по удачному выражению того же Н.С. Трубецкого, способна после распада СССР принести в этот регион мир и согласие.

Особое место среди всех горных территорий занимают два великих восточных мегацивилизационных «узла» Евразии. Во-первых, это место, где сходятся *великие горные хребты Гиндукуша, Памира, Трансгималаев и Каракорума*, а также границы крупнейших государств Азии – Афганистана, Пакистана, Таджикистана, Китая и Индии. Во-вторых, это *Алтайские горы*, где сходятся границы России, Монголии, Китая и Казахстана.

¹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 472-479.

Что касается первого великого горного «узла», то от него открываются караванные пути и на Запад, и в Индию, и в Китай, и в Среднюю (Западный Туркестан), и в Центральную Азию (в Тибет и Восточный Туркестан или Синьцзян). Возле этих мегаавиализационных коридоров в этом «горном узле» во II–III веках н.э. сложилась удивительная, возможно первая и последняя в истории империя, где удивительным образом, хоть и на короткое по историческим меркам время, объединились черты и восточной, и европейской, и собственно северной евразийской мегаавиализации. Имеется в виду Кушанская империя, образованная кочевым племенем Северной Евразии юэчжами (тохарами по другой версии) на развалинах эллинистического Греко-Бактрийского царства. Кушанская империя занимала в период своего расцвета значительные территории Северной Индии, Пакистана, Афганистана, Средней Азии и Восточного Туркестана. Она поддерживала торговые и политические связи с Римом и Китаем, внесла немалый вклад в становление Великого шелкового пути. Кочевая кушанская знать быстро встроилась в жизнь местных оседлых племен с их традициями поливного земледелия, усвоила культурные традиции греков и индийцев, сумела создать уникальные художественные традиции. Что касается религии, то Кушанскую империю отличал удивительный религиозный синкретизм, «где выделялись три группы божеств – иранского, эллинистического и индийского пантеонов. Среди иранских божеств бог Митра, богиня плодородия Ардохш, божество Луны (Мао), бог войны Вретрагна и верховный бог Ахура-Мазда. Эллинистические божества представлены Гефестом, Селеной, Гелиосом, Гераклом. Среди индийских божеств популярны Шива, Махасена, Скандакумара. Пантеон… на монетах Канишки и Хувишки… свидетельствовал о политике религиозной терпимости, проводимой этими царями»¹. Правда, политика религиозной терпимости и ненасилия на Востоке была заложена еще знаменитым царем Ашокой в

¹ Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия. История и культура. СПб., 2003. С. 191-192.

эпоху империи Маурьев с его знаменитыми эдиктами, высеченными на камне, а во времена правления кушанского царя Канишки среди других конфессий все-таки восторжествовал буддизм. Соответственно, кушанская империя при всей своей пограничности; этнической, религиозной и хозяйственной синтетичности все же принадлежит к восточной мегаавиализации. К фундаментальным культурным завоеваниям Кушанской империи мы еще обратимся ниже.

К сожалению, впоследствии этот великий цивилизационный горный «узел» Евразии был чаще территорией войн, грабительских походов и религиозных конфликтов, особенно после прихода сюда исламских завоевателей. И сегодня этот регион не лишен застарелых пограничных и религиозно-этнических конфликтов между Индией и Пакистаном, Индией и Китаем. Крайне сложной является также политическая и этнокультурная ситуация в выходящих сюда территориях северного Афганистана и северного Пакистана, на границах между которыми ведутся боевые действия.

В отличие от центрально-азиатского горного «узла», в регионе так называемого Большого Алтая мы встречаем мирно живущие по соседству ключевые этносы Северной Евразии и Востока: тюрков и ханьцев, русских и монголов. Здесь свою историческую прародину находят венгры и корейцы, турки и тайцы. На Алтае сошлись и бесконфликтно сосуществуют до сих пор православие и буддизм, ислам и конфуцианство, а также древнейшие центрально-азиатские и сибирские шаманистские культуры и верования. Алтай, несмотря на сложную историю взаимоотношений живущих здесь представителей разных народов, является сегодня территорией мирного сотрудничества, где в 2003 году был создан Международный координационный Совет «Наш общий дом – Алтай», объединивший руководство сопредельных территорий России, Китая, Казахстана и Монголии и продолжающий действовать вплоть по сию пору. Более того, летом 2023 года в него вошли Республика Тыва и Улсунурский аймак Монголии. Нам уже доводилось подробно писать о деятельности Международного координационного Совета «Наш общий

дом – Алтай», поэтому отсылаем заинтересованного читателя к соответствующим публикациям¹.

§4. Мегаавиализационные коридоры

Культурно-географические миры (мегаавиализации) отличаются друг от друга спецификой внутренних транспортных коридоров, а также той ролью, которую они исторически играли в прокладке мегаавиализационных коридоров, связывающих Восток, Запад, Северную Евразию, а также другие территории Земли.

На различие цивилизаций по основным географическим условиям их становления и транспортно-торговым путям первым, как известно, указал Л.И. Мечников в работе «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современного общества», впервые опубликованной во Франции в 1889 году. В ней он выделил три ступени исторического развития человеческой цивилизации: речную, морскую и океаническую.

Реки были важнейшим условием формирования великих цивилизаций Востока, Средиземное море стало главной дорогой европейской (западной) цивилизации, а мировой океан образовал водный коридор становления единого человечества после эпохи великих географических открытий.

Великие реки Востока (Янцзы, Инд, Тигр, Евфрат, Нил) выступали основой хозяйственной деятельности восточных цивилизаций, где главным было ирригационное земледелие. Реки также обеспечивали связь между основными городскими центрами и периферией восточных стран. В Китае строи-

¹ См.: Иванов А.В., Журавлева С.М. Большой Алтай как уникальное место встречи и сотрудничества народов Евразии (к двадцатилетию создания Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай») // Grand Altai Research & Education. Выпуск 2 (20). 2023. С. 68-79; Иванов А.В., Шишин М.Ю. Алтай как важный центр макротворчества и диалога цивилизаций // Цивилизационная миссия Сибири... С. 95-110.

тельство каналов началось уже с V века до н.э., а в эпоху Хань приобрело систематический характер. По рекам и каналам перевозилось продовольствие, товары и войска, обеспечивались водой засушливые территории Поднебесной¹. Одним из самых почитаемых деятелей китайской истории является чиновник Ли Бин, построивший в III в. до н.э. крупнейшую гидротехническую систему на реке Минцзян, действующую до сих пор. Это позволило предотвратить разрушительные наводнения и превратить окрестности г. Чэнду в процветающую сельскохозяйственную территорию². Реки-жизнедательницы (Инд, Джамна, Ганг), стекающие с высот Гималаев, обеспечили продуктивное сельское хозяйство в Индии. Их воды обожествлялись в индийской религиозно-мифологической традиции. Ганг – главная водная артерия Индии – считается до сих пор обителем богини Ганги. Существовали, как мы уже отмечали выше при анализе Ахеменидской державы, и сухопутные транспортные коридоры, обеспечивающие внутреннюю связь восточных цивилизаций.

Более того, именно восточные цивилизации заложили первые сухопутные мегаавиализационные коридоры. С древнейших времен действовал меридиональный коридор Алтай – Гималаи, связывающий Северную и Южную Евразию, а со II века до н.э. в ханьскую и кушанскую эпоху активно заработал Великий шелковый путь, связавший в широтном направлении Восток, Северную Евразию и Запад. Эти великие мегаавиализационные коридоры действовали в течение столетий и сегодня постепенно обретают как бы вторую жизнь, на чем мы подробно остановимся в следующем разделе книги.

В отличие от Востока, мегаавиализация Запада начинается со Средиземного моря. К его берегам, как отмечалось выше, выходят практически все сухопутные торгово-транспортные коридоры, связывающие север Африки, Восток и Запад, а Великий шелковый путь вместе с акваторией Сре-

¹ Леве Майкл. Китай династии Хань. Быт, религия, культура. М., 2005. С. 175-176.

² Малявин В.В. Цветы в тумане: взглянувшись в Азию. п. Родники (Московская обл.), 2012. С. 59-60.

диземного моря, вытянутого с Востока на Запад, образуют древнейший сквозной широтный сухопутно-морской мегацивилизационный коридор евроазиатского континента. Первыми хозяевами Средиземноморья – морской колыбели Западного мира – были так называемые «народы моря», прежде всего финикийцы и крито-микенцы. Их морские цивилизационные общности наряду с восточными сухопутными цивилизациями и дали рождение так называемому «греческому чуду».

Постепенно в цивилизационную орбиту Запада были включены Черное, Балтийское и Северное моря, а также великие реки: Дон, Днепр, Днестр, Дунай и Рейн. Дон являлся для греков крайней восточной границей, разделяющей Европу (Ереб) и Азию (Ассы). Днепр постепенно превратился в важнейший мегацивилизационный коридор между Северной (варяжской) и Южной (ромейской) Европой, а также Русью, зародившейся на перепутье между ними при важном влиянии восточных степных народов. Дунай стал не только важнейшей внутренней артерией связи между Центральной и Южной Европой, но и на долгое время пограничной линией между Римом и варварским Востоком. В свою очередь, Рейн, колыбель германских племен, соединил Центральную (германскую) и Северную (варяжскую и кельтскую) Европу. Между Дунаем и Рейном существовал сухопутный волок через приток Рейна Майн, фактически образуя сквозной меридиональный речной коридор Европы. Что касается ее сухопутных коридоров, то именно римские дороги, акведуки и военные лагеря во многом сформировали ее современный культурный ландшафт.

Начиная с эпохи Возрождения, главным мегацивилизационным коридором земной цивилизации становятся океаны: Тихий, Индийский и, в первую очередь, Атлантический. К началу XIX века мегацивилизация Запада достигает пика своего могущества и окончательно формирует свои основные черты с базовыми техногенно-потребительскими и демократическими ценностями, рационалистическими идеалами, конкурентно-конфликтной политической ментальностью и европоцентристским мировоззрением. В ее рамках мы

видим сухопутно-морские романо-германскую и западно-славянскую Европу, а также океанический англо-саксонский мир. Последний во главе с США с наибольшей полнотой воплощает ныне агрессивный и захватнический дух Запада, нацеленный на мировое господство.

Начиная со второй половины XIX века на лидерские позиции выходит новая, набирающая политическую, хозяйственную и мировоззренческую силу мегавилизация Северной Евразии с российской цивилизацией во главе, со своими старыми и новыми речными, сухопутными и океаническими (арктическими) мегавилизационными коридорами; а со второй половины XX века (не без прямой помощи и влияния России!) – новый цивилизационный подъем переживают страны классического Востока, прежде всего в лице Индии и Китая.

История, словно совершив гигантский всемирный спиральный оборот, вновь возвращается к своим северным и восточным истокам, открывая перед человечеством новые исторические перспективы. Впрочем, об этом мы поговорим в следующей главе, а проблему цивилизационных коридоров России и Северной Евразии подробно рассмотрим во втором разделе монографии. Здесь же самое время обратиться к анализу различных типов цивилизаций и субцивилизаций, входящих в глобальные мегавилизационные общности или культурно-географические миры.

§5. Религиозные цивилизационные сообщества

Что касается **цивилизаций**, которые представляют собой большие человеческие сообщества, то они, как известно, могут выделяться по разным основаниям. Мы остановимся на одной из важнейших дихотомий, позволяющих классифицировать большие цивилизационные общности, выделив те, которые имеют четкую пространственную локализацию и организующую их государственность; и те, которые такой четкой локализации и государственности могут и не иметь.

Понятно, что данная дихотомия не является жесткой, и могут быть найдены промежуточные и симбиотические цивилизационные формы, поскольку принцип индивидуальности в нашем мире не менее важен, чем принцип общности.

Начнем с *больших цивилизационных сообществ, в значительной своей части не имеющих четкой пространственной локализации и единой государственности*. К таким общностям могут относиться группы людей, объединенные не единством земли и государства, а расовой и этно-антропологической принадлежностью¹, религиозно-мировоззренческими и идеологическими убеждениями, а также общей этнокультурной и/или языковой традицией. О расовых и антропологических характеристиках разных человеческих общностей здесь говорить не будем, так как это не столько культурно-цивилизационные, сколько эволюционно-физиологические черты. А вот буддийская, христианская, исламская, ханьская, романо-германская, англо-саксонская или славянская цивилизации к культурно-цивилизационным общностям, безусловно, относятся.

При этом часто вместо понятия «цивилизация» для идентификации подобных общностей используют понятие «культура», что создает известную путаницу, но что понять вполне можно, ибо специфика данных цивилизационных сообществ задается в первую очередь именно *социокультурными особенностями*: религиозными представлениями, этносоциальной и культурной принадлежностью к какому-нибудь народу, философскими и художественными идеями и ценностями, хозяйственно-бытовыми традициями, культурно-психологическими установками и бытовыми привычками, наконец, единым языком.

Цивилизации (или миры) могут выделяться и по чисто духовным основаниям, когда, например, человек, живущий в другой стране и подчас даже не зная языка какого-то народа, лично идентифицирует себя с ним по внутреннему миро-

¹ Есть этно-антропологические своеобразные черты у казаха и монгола, эвенка и удмурта, русского и итальянца.

ощущению и ценностным тяготениям. Так русский человек может считать себя частью «германского мира» или европейского мира, как например, И.С. Тургенев; а известный немецкий философ В. Шубарт, написавший прекрасную книгу «Европа и душа Востока», наоборот, чувствовал себя частью «русского мира»¹. Также группа (большая или малая) единомышленников может заявить: «Мы считаем себя частью русской православной цивилизации, принадлежащей к мегацивилизации Северной Евразии!». Или наоборот: «Мы до сих пор считаем себя частью советской социалистической цивилизации». Подобное духовное – личное и групповое – цивилизационное самосознание (или идентичность)² вполне правомерно.

Но тут важно соблюдение двух условий, которые, впрочем, относятся к любым формам цивилизационного самосознания. Во-первых, недопустимо никакое внешнее духовное насилие над личностью. Принципиально важно, чтобы сам человек свободно осуществил акт цивилизационного самосознания. И, во-вторых, основания подобного самосознания не должны оскорблять самосознания (этнического, религиозного, гражданского или мегацивилизационного) другого индивида или социальной общности.

Выше было отмечено, что один из важных критериев мегацивилизации заключается в ее **способности создавать и массово исповедовать те или иные системы религиозных представлений и ценностей**. Так, на границе мегацивилизаций Востока и Запада – на Ближнем Востоке – возникли три так называемые «авраамические религии», последователи которых считают себя потомками легендарного Авраама, впервые поверившего в единого Бога.

¹ См.: Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000.

² Пришедшее к нам с Запада слово «идентичность» можно рационально истолковать, только используя коренное русское слово «самосознание», поскольку человек осознает себя и относит к той или иной человеческой общности (идентифицирует себя с ней) по тем или иным существенным основаниям.

Иудаизм так навсегда и остался национальной религией евреев, ибо между «Ветхим» и христианским «Новым» заветами пролегает антропологическая и этическая бездна. Мусульманство, также бывшее первоначально национальной религией арабов, вскоре стало религиозной основой сначала единого арабо-мусульманского государства (арабского халифата), распространившего свою власть вплоть до Китая и достигшего высокого уровня науки и культуры, а потом – многих других народов и государств Востока, Африки и Северной Евразии. Своего наибольшего государственно-политического цивилизационного влияния ислам достиг в период Османской империи, захватившей огромные территории Востока и Запада и подчеркнувшей свою преемственную государственную связь с Западной и Восточной Римскими империями, действительно, унаследовав от них религиозную и этническую терпимость. При этом тюрки и ислам всегда оставались этническим и религиозным стержнем Османской империи, а христиане и иудеи были гражданами второго сорта. В настоящее время ислам является мировой религией и органической частью всех трех мегавилизаций, образовав при этом особый локальный исламский мир из исламских государств в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии, а также внутри мегавилизации Северной Евразии.

Исламу и исламской цивилизации мир обязан возможностью достаточно гармоничного сочетания веры и разума, науки и религии. В одном из хадисов пророка Мухаммеда сказано: «Стремление к научным знаниям долг каждого мусульманина и каждой мусульманки. Если надо, то добывай знания и у неверных. Стремись к науке, даже если для этого надо ехать в Китай. Перо ученых ценнее крови мучеников. Ученый, наука которого принесет пользу людям, лучше тысячи благочестивых аскетов»¹.

¹ Цит. по: Зарринкуб А.Х. Исламская цивилизация. М., 2004. С.228. Правда, внутри исламской традиции долгое время существовала оппозиция «желательных» и «нежелательных» наук, где к последним относили не только магию и астрологию, но долгое время также и гу-

Христианство, изначально носившее принципиально сверхнациональный характер, стало религиозной цивилизационной основой мегацивилизации Запада в форме унаследованного от Рима католичества, возникшего в ее северных землях протестантизма и сохраненного в ряде стран Восточной Европы православия.

В качестве же духовной наследницы Византии Россия переняла от нее православную религиозную цивилизационную идентичность, правда, уже изначально придав ей глубоко своеобразные черты, а в конце XIX – начале XX веков породив оригинальные философские и духовные учения типа восходящей к В.С. Соловьеву «метафизики всеединства» и учения Живой Этики, где восточные и западные религиозно-философские темы, идеи и символы подверглись глубокому новому синтезу.

В отличие от сохраняющей культурную силу, государственную поддержку во многих странах и известное духовное единство¹ исламской цивилизации, истоки которой во многом заданы именно западным – греческим, римским и византийским – влияниями, христианская цивилизация Запада ныне расколота и находится в глубоком духовном упадке, в том числе и в католических государствах Европы, типа Италии и Польши. На Западе в массовом сознании ныне процветают не просто атеизм, но воинствующее безбожие и откровенный сатанизм, что зримо проявилось на церемонии открытия олимпийских игр в Париже летом 2024 года. Весьма странная инфернальная символика присуща и папскому Залу конференций в Ватикане.

Вместе с тем, именно христианская цивилизация впервые утвердила единство мировой истории и равенство людей перед Богом с невозможностью деления народов на обычные и «богоизбранные», цивилизованные и варварские. Именно христианство провозгласило любовь важнейшей нравствен-

манитарные науки вместе с философией, как не приносящие никакой практической пользы.

¹ Существует, как известно, Организация исламского сотрудничества, ранее называвшаяся Организация Исламская конференция.

ной и практической максимой, выделив не только любовь страдательную, но и любовь воинствующую, активно сражающуюся со злом, где Христос приносит не только мир, но и меч.

Что касается классической мегаавиализации Востока, то два ее несущих столпа – Индия и Китай – создали свои локальные цивилизации, причем во многом на основе собственных религиозных систем: конфуцианства и даосизма в Китае; ведической традиции в Индии, прежде всего индуизма. Единственная мировая религия¹ классического Востока – это буддизм, изначально имевший, как и христианство, наднациональный характер и так же, как христианство, данный через прямую «надземную» проповедь Будды. Распространен буддизм в основном на Востоке – в Южной, Юго-Восточной Азии и Центральной Азии, на Дальнем Востоке, а также в сибирской части Северной Евразии². Буддизм имеет своего неформального духовного лидера в лице Далай-ламы. Можно говорить о буддизме не только как о мировой религии, но и о единой буддийской цивилизации, оказывающей влияние не только на мировоззрение, культуру, образование и науку, но также на экономику и политику многих стран, поскольку он является государственной религией в ряде стран Южной и Юго-Восточной Азии, а также в Монголии³.

¹ Мы не будем рассматривать здесь процессы распространения буддизма в Европе и США, активно начавшиеся со второй половины XIX века во многом благодаря деятельности нашей великой соотечественницы, основательницы теософии Е.П. Блаватской. См. об этом в статье: Аякова Ж.Л. Распространение буддизма махаяны в социокультурном пространстве США // Проблемы трансляции и философской интерпретации буддизма (на материале тибетской и китайской традиций). Улан-Удэ, 2018. С. 132-148. После Второй мировой войны буддизм и другие индийские культуры стали своего рода модой на Западе.

² Российские калмыки-буддисты, живущие в низовьях Волги, являются переселенцами из Западной Монголии (Джунгарии).

³ Анализ современного состояния буддийского мира, а также перспективы ценностного диалога буддизма и православия представлен в коллективной монографии: Буддизм в социокультурных и политических процессах России, Внутренней и Восточной Азии: сравнительный контекст. Улан-Удэ, 2018.

При этом важнейшим достоинством идей и институтов буддийской цивилизации являются их *ненасильственный и миротворческий характер, приверженность культурному диалогу с наукой, другими религиозными конфессиями и со светскими институтами*. Это один из важнейших религиозных заветов, переданных всему миру мегацивилизацией Востока¹.

В целом, религиозная цивилизационная принадлежность весьма опосредованно связана с территориальной, государственной, национальной и этнокультурной формами идентичности, поскольку касается в первую очередь именно духовной сферы жизни человека, его внутреннего самосознания и самоосуществления.

§6. Этнокультурные цивилизационные общности

Обратимся теперь к цивилизационным сообществам, которые могут быть выделены по этнокультурным признакам: не только по мифологическим и религиозным верованиям, но по языку, по хозяйственно-бытовым и культурным традициям, по этносоциальным и этно-психологическим особенностям.

¹ Очень показательно понимание (а, вернее, непонимание!) природы буддизма М. Вебером, одним из выдающихся теоретиков и идеологов индивидуалистической и техногенной цивилизации Запада. «Колыбелью теоретически и практически наиболее враждебных миру форм религиозной этики, когда-либо существовавших на земле, – пишет М. Вебер, – является область индийской религиозной жизни» (Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 307). На самом деле, вопреки Веберу, наиболее враждебной миру формой религии является протестантский кальвинизм, ставящий спасение души в прямую зависимость от обретаемого в миру богатства. Любопытно, что этические принципы протестантизма, как и у любой другой религиозной секты, касаются только своих, а чужих можно грабить и доводить до совершенной нищеты и социальной деградации. Типично языческий рационализм и эгоизм в подобных разновидностях протестантизма никакого отношения не имеют к подлинному христианству, как любви не только к ближнему, но именно к дальнему. Христианство – религия свободного и бескорыстного дарения, а не стяжательства.

И здесь в первую очередь следует сказать о древнейшей индоиранской кочевой этнокультурной общности с праиндоевропейскими языками, исторически сформировавшейся, по последним научным данным, в поясе Великой евразийской степи, но за счет миграций оказавшей колоссальное воздействие на все три мегацивилизации: на восточные Иран и Индию, на восточно-славянские народы Северной Евразии, на западно-славянские и германские народы Запада¹. Правда, споры о происхождении и расселении древних ариев до сих пор не утихают.

К базовым этнокультурным цивилизациям Запада, кроме германской, могут быть также отнесены романская и англо-саксонская цивилизации. Романские народы говорят на романских языках (португальцы, испанцы, французы, итальянцы и т.д.), населяя в основном западные и южные районы Европы, в отличие от народов, говорящих на германских языках (англичане, немцы, шведы, норвежцы и т.д.), обживших преимущественно ее северные территории. Романские народы ведут свою культурную (и этническую) родословную от Римской империи (цивилизации ромеев) и представляют в основном католическую Европу. Исторические и культурные корни германских народов, как уже говорилось, уходят в глубины общей индоевропейской древности и связаны с великим переселением народов. Север Европы – это, в основном, Европа языческая и протестантская, хранящая дух норманнских набегов и завоеваний. Германский север Европы, как считал известный отечественный геополитик и филолог, один из предшественников евразийства В.И. Ламанский, отличается большей, по сравнению с Европой романской и славянской, политической агрессивностью и склонностью к внешней экспансии, особенно в восточном направлении.

После становления Соединенных Штатов Америки, в формирование которых наибольший вклад внесла владычица морей Англия, внутри западного культурно-географического

¹ Об этих влияниях см.: Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. СПб., 2001.

мира оформилась особая англо-саксонская – океаническая и агрессивно-либеральная – цивилизация, в известной степени противостоящая Европе континентальной, олицетворяемой Германией. Именно англо-саксонский мир, подчеркнем это еще раз, является ныне наиболее зримым воплощением западного техногенно-потребительского глобализма, нацеленного на политическое и экономическое доминирование, интеллектуальное и культурное господство.

Панславист Н.Я. Данилевский настаивал на единстве славянской цивилизации, ее общем восходящем культурно-историческом типе¹, за что К.Н. Леонтьев обоснованно упрекал его в «доверчивом славянолюбии»², так как западно-славянские народы всегда массово и безоговорочно считали себя европейцами. Это проявилось и в нынешней исторической обстановке, когда страны Восточной Европы, за исключением разве что Сербии, Черногории и Словакии, единодушно поддержали украинский режим и высказали откровенную враждебность не только к политике России, но и к ее культуре. В силу этого западное и восточное славянства, имея злимые языковые, этнокультурные и религиозные цивилизационные сходства, все же принадлежат к разным мегавиализациям, где пограничной и внутренне глубоко двойственной является украинская славянская субкультура (или субцивилизация).

Пограничной между культурно-географическими мирами Запада и Северной Евразии является также угро-финская цивилизация, имеющая «лоскутный» пространственный характер и отличающаяся большим внутренним разнообразием, хотя по своему происхождению и основному пространственному расселению угро-финские этносы относятся все же к мегавиализации Северной Евразии. На Западе, пожалуй, в наибольшей степени свои гуннские евразийские корни помнят венгры, населяющие степную Трансильванию – крайний

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2003. С. 545-546.

² Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 224.

западный «аппендиц» Великой евразийской степи. Один из показателей этого (помимо чисто экономических и политических интересов) – их довольно объективная и взвешенная политическая позиция в российско-украинском конфликте и печальный исторический опыт экспансии в восточном направлении в годы Второй мировой войны.

Большинство этнокультурных сообществ *Востока* пространственно четко локализованы и имеют национальную государственность. Если же государства поликультурны и поликонфессиональны, то в них чаще всего есть численно доминирующие этносы и базовая религиозная идентичность. Всех их правомерно назвать *самобытными восточными цивилизациями* или *национальными культурами*. Таковы на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной и Южной Азии Япония, Корея, Вьетнам, Таиланд, Камбоджа, Мьянма, Непал, Бутан и Пакистан. На Среднем и Ближнем Востоке – Афганистан, Иран и Турция. Все они многонациональны и поликультурны, но в них есть доминирующие этнические группы (пуштуны, панджабцы, персы, турки и др.), господствует ислам суннитского или шиитского толка. Исключительно сложным многонациональным и/или поликонфессиональным составом населения отличаются островные Индонезия, Филиппины и Малайзия.

К самобытным восточным цивилизациям в силу огромной численности их населения, многообразия языков, культур и религий можно отнести Индию и Китай. Но и там есть доминирующие этносы: свыше 90% ханьцев в Китае и 74% говорящего на индоевропейских языках населения Индии. Единственной надгосударственной этнокультурной общностью Востока является арабский мир, объединенный арабским языком, куда входят страны Ближнего Востока и Северной Африки. Но арабский мир – часть более широкой исламской цивилизации.

Элементом общности мегацивилизаций Запада и Востока является то, что в подавляющем большинстве из них *этнокультурную и хозяйственную основу образуют земледельческие народы*, а кочевые этносы, составляя этническое мень-

шинство¹, формируют и контролируют сухопутные цивилизационные коридоры между ними. Но нигде и никогда, кроме как в период арабского халифата, кочевники не играли и не играют ключевой роли в жизни государств Европы и Азии. Даже степные завоеватели Востока и Запада (монголы Чингисхана, турки-сельджуки и турки-османы) быстро перенимают обычай завоеванных оседлых народов, начинают ориентироваться на ханьские или византийские политические, социально-экономические и духовные ценности и эталоны.

Что же касается *Северной Евразии*, то ее этнокультурную основу, на которую указал еще А.С. Пушкин в своем знаменитом «Памятнике», образуют несколько цивилизаций, характеризующихся своеобразием языка, культурных традиций, хозяйственно-бытовых навыков и пространственных ареалов существования. Это степные монгольские и тюркские кочевые народы; угро-финские племена, обжившие лесные земли Северной Евразии; палеоазиатские (или северные народы), освоившие ее суровую Арктическую зону², а также славянские народы во главе с русским миром, населившие лесостепную зону Евразии, а впоследствии связавшие воедино многонациональный евразийский мир³. При этом угро-финский мир, как мы отмечали выше, является также частью Западной мегацивилизации (венгры и финны), а великий

¹ За исключением таких государств с минимальными возможностями в недавнем прошлом для продуктивного земледелия, как Афганистан, Саудовская Аравия или Объединенные арабские эмираты.

² А.В. Головлев не без оснований предлагает считать «северность» важнейшим атрибутом срединного евразийского пространства, а северные народы – накопившими важнейшие цивилизационные навыки выживания и совместной деятельности в сложнейших климатических условиях Северной Евразии. См.: Головлев А.В. Северность России. Санкт-Петербург, 2022.

³ Более подробно со взглядами авторов на своеобразие евразийского мира (или мегацивилизации Северной Евразии) можно ознакомиться по следующим коллективным монографиям: Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул, 2007; Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация. Новосибирск, 2010.

туркский мир – частью этнокультурной палитры и Востока, и Запада (уйгуры, турки, боснийцы), хотя историческая родина этих этнокультурных общностей – все же степная Северная Евразия.

Есть все основания утверждать, что основные этносы Северной Евразии создали свои самобытные этнокультурные миры (цивилизации), но с рядом общих базовых ценностей, которые в том же «Памятнике» гениально уловил А.С. Пушкин.

Так, Пушкин подчеркивает, что он у всех евразийских народов пробуждал своей лирой «чувства добрые», без чего русские по евразийскому пространству так быстро и успешно никогда бы не прошли и не объединили вокруг себя другие евразийские народы¹. А те, в свою очередь, не встретили бы русских как потенциальных друзей, а не врагов. Показательно, что в русском языке слов «другой» как раз и происходит от слова «друг». Великий русский поэт подчеркивает также ценность свободы, роднящую нас с европейцами. А дальше Пушкин говорит «о милости к падшим». Это фундаментальная ценность евразийской и, прежде всего, русской культуры: поверженного врага надо простить и пожалеть. Этого никогда не было и нет в мегаавиализации Запада, привыкшей или уничтожать, или превращать в вассалов своих geopolитических конкурентов. У Пушкина мы видим еще одну важнейшую общую ценность евразийских народов – смирение гордыни и послушание «Божьим велениям». И у народа, и у отдельного человека должно быть чувство долга и служения Высшему, без чего невозможно достойно пройти свой земной путь и не сбиться с пути. Это может быть ратное и поэтическое, а может быть крестьянское, учительское или предпринимательское служение. А может быть и **служение цивилизационное**. И никакие наветы или, наоборот, награды и выгоды не должны уводить человека с этой восходящей оси его

¹ Наш выдающийся историк, литературовед и философ В.В. Кожинов не без оснований считал, что евразийское этнокультурное единство появляется там, куда пришли русские (Кожинов В.В. О русском национальном сознании. М., 2002. С. 233).

бытия. Подлинная свобода и личности, и народа – это не своеволие и эгоизм, а как раз умение слушать «Божьи веления» и свободно служить высшему. Таковы вечные ценности Северной Евразии («Руси Великой»), завещанные гением Пушкина.

Отличительная особенность мегавилизации Евразии на протяжении всей ее истории – это также *отсутствие титульных этносов, религиозного и этнического гнета*. На протяжении столетий существования в рамках единого мегавилизационного пространства и в составе разных государств евразийские этносы научились образовывать гармоничные межнациональные браки, обмениваться технологиями и ценностями, осуществлять продуктивные культурные заимствования и являть образцы подлинного межкультурного синтеза. Примеры подобного рода многочисленны¹.

Так, есть любопытные лингвистические факты, говорящие о том, что без знания языка и обычая кочевых народов Великой степи многое в русской оседлой культуре понять невозможно. Например, это слово «кутерьма». Его этимология совершенно неясна, если не обратиться к кочевым традициям. Там словом «кутерьма» именовался обряд посвящения в военные предводители хана (каана) на общем собрании кочевых племен. В ходе обряда каана на белом войлоке девять раз обносили вокруг священного огня. Таким образом, его бессмертная душа, которая именовалась «кут», как бы соприкасалась с небесным материнским источником душ (с Небесным Кутом) и получала санкцию на высокое правление. Кут, как бессмертная часть души, спирально входит в человека с Неба через отверстие в крыше юрты после зачатия и спирально выходит из него после смерти через то же верхнее от-

¹ Этот момент единства и взаимопроникновения культур, конечно, не следует абсолютизировать. На пространстве Северной Евразии были и войны, и этническая вражда, и даже элементы геноцида, если вспомнить, например, уничтожение монголами Волжской Булгарии. Однако, в конечном счете, союз евразийских народов оказался выгоднее разъединения, что наглядно проявилось в отражении наполеоновского нашествия и в годы Великой Отечественной войны.

верстие. Отсюда и наша погребальная кутья, а «кутить» первоначально означало торжественные проводы души в последний земной путь¹. Можно также вспомнить заимствованные русскими у кочевых племен принципы комплектования армии и построения войск на поле боя в виде «птицы» с полками «правой» и «левой руки», организацию таможенной и почтовой служб, где тюркскими являются слова «таможня», «ям». Масса великих фамилий, составивших славу России, восходят к монгольским и тюркским служилым родам, которые, начиная с XV века, массово переходят на службу к московским князьям: Кутузовы, Тургеневы, Ордин-Нащекины, Урусовы, Чаадаевы. Есть многочисленные примеры обратных заимствований русских слов, обычаяв и традиций кочевыми, лесными и арктическими евразийскими народами².

В целом можно констатировать, что *существуют значительные этнокультурные различия и по составу этносов, и по формам их взаимодействия между мегацивилизациями Запада, Востока и Северной Евразии.*

§7. Имперские цивилизационные общности

Теперь обратимся к **типологии цивилизаций, основанной на существовании территориально крупных государственных образований, прежде всего империй**. Относительно имперских государственных образований существуют проблемы выделения их сущностных черт, типологии, а также роли в историческом процессе. Мы этих проблем подроб-

¹ См. подробнее об этом: Иванов А.В., Журавлева С.М. Культурно-историческое единство народов России (на материале сакрального корня «кут» в мифологии тюркоязычных народов) // Религиоведение. 2002. № 1. С. 22-35.

² Например, вопросам широкого спектра культурных заимствований у коренных малочисленных народов Севера посвящен большой массив исторической и этнографической литературы. Их обобщенную характеристику см.: Попков Ю.В. Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск, 2000. С. 91-132.

но касаться не будем, соглашаясь с теми авторами, которые считают, что отличительными чертами империй во всех мегавилизациях являются: а) их территориальная обширность, многонациональный, поликультурный и поликонфессиональный характер; б) сильная централизованная власть во главе с царем, императором, кааном, султаном или халифом, которые получает божественную санкцию на единоличное правление; в) наличие имперского столичного центра и провинций (имперской периферии), причем власть в империях любого типа выстраивается по принципу: «сверху вниз» и от «центра к периферии»; г) относительно автономные законодательство, управление и духовная жизнь в провинциях, но всегда в рамках правовых норм и полномочий, предписанных имперским центром; г) многочисленная государственная бюрократия и сильная армия; д) имперская идеология, цементирующая наравне с верховным правителем, армией, правом и бюрократией разношерстное население империй. Важной чертой существования империй является также аннексия территории других народов и государств.

К общим положительным функциям империй следует отнести формирование у различных этнических и религиозных сообществ, входящих в империю, навыков совместного общежития; прекращение локальных конфликтов и войн; прокладку и защиту внутренних транспортно-торговых коридоров; организацию внутреннего рынка и разделения труда; юридическую кодификацию хозяйственной деятельности, а также жизни профессиональных и социальных групп; государственную помощь населению при стихийных бедствиях или нашествиях врагов; централизованную поддержку образования и культуры.

В русле интересующей нас цивилизационной проблематики можно также утверждать, что все империи, а в идеале и все территориально большие государства стремятся к контролю за глобальными цивилизационными коридорами, к усилению своих военных и политических позиций во фронтальных землях, а также к совпадению государственных границ с естественными границами в виде рек, морей, горных

хребтов и пустынь. При этом горные цивилизационные «узлы», о которых речь шла выше, требуют особого внимания со стороны центральной власти, поскольку, с одной стороны, они могут являться источниками смут и войн, с другой – открывают новые возможности для продуктивного и выгодного приграничного взаимодействия с другими мегавиализациями, цивилизациями, отдельными государствами и народами.

К негативным чертам имперского правления относится этнический и религиозный гнет со стороны титульных имперских наций и господствующих религий на нетитульные нации и на иноверцев; эксплуатация провинций со стороны имперского центра, учитывая, что иноверцы и нетитульные нации населяют в основном окраины империи. Крайне отрицательный характер носит коррупция и инертность в деятельности имперского чиновничества, особенно на периферии. Кроме того, имперская централизованная власть страдает низкой социальной мобильностью, интригами придворной камарильи, бюрократизмом, неспособностью быстро отвечать на новые исторические вызовы, особенно научно-технического и военного характера. Важный недостаток всех империй – подавление духовной свободы, хозяйственной инициативы и социальной самоорганизации людей, особенно внизу имперской «пирамиды». В этом – основная причина крушения империй.

Все империи, даже такие долгоживущие, как византийская и китайская, имеют свой период становления, расцвета и упадка, а общая направленность развития человечества неуклонно ведет к умиранию деспотической имперской формы государственного правления и замены ее демократическими, а, в перспективе, как нам представляется, – агиократическими и аристократическими государственно-правовыми механизмами и институтами, о чем речь пойдет в следующей главе. Опыт всего XX века свидетельствует именно об этом¹.

¹ Ряд авторов пытается доказать, что империи не умирают, а в той или иной форме продолжают существовать и сегодня, ссылаясь на

При всей общности законов существования империй можно выявить их специфические мегаавиализационные черты, ясно осознавая относительность любых жестких разграничений и неповторимость исторического пути каждого имперского государственного образования.

Начнем с мегаавиализаций Востока и Запада. Для *восточных и западных империй* характерно наличие или *основной имперской нации*, обладающей всеми правами: ханьцев и говорящих на индоевропейских языках в Китае и в Индии; граждан Римской империи в пределах сначала Рима, потом итальянских территорий, и лишь впоследствии – Галлии и Испании; или *главной имперской религии* – православия в Византии или ислама в арабском халифате и в Османской империи. В империях Востока и Запада есть цивилизованный центр и варварская периферия в лице покоренных народов или тех, которые угрожают границам империй. Чаще всего это кочевые племена с востока и севера на Западе, с севера и запада на Востоке.

При этом в империях Запада, особенно в Риме, важнейшую роль играет всеобщее и обязательное писаное право, отличающее римский цивилизованный мир (*Pax Romana*) от варварской периферии. В Китае такие функции выполняет в первую очередь проверенная вековой традицией система ри-

США с их претензией на военную, политическую и идеиную гегемонию в мире. Говорят также о современных имперских амбициях Китая. См. напр.: Грачев Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2012. №2 (17). С. 18-28. Однако не каждое большое государство с гегемонистскими притязаниями является империей, равно как и не каждая империя имеет гегемонистские притязания. Так, царская Россия гегемонистских притязаний не имела и даже отстаивала права и суверенитет других империй, спасая в начале XX века Китай от колониального расчленения европейскими имперскими государствами. С другой стороны, в США мы не видим таких атрибутов империи, как религиозное обожествление верховной власти и жестко выстроенную ее вертикаль по принципу «снизу вверх и от периферии к центру». Этого нет ни в самих США, ни у их geopolитических союзников. На опасности возрождения имперской мифологии и фразеологии мы остановимся ниже.

туалов, претворяющих социальный хаос в Космос. В Индии – это особая роль варн и каст, предписывающая человеку, профессиональным и социальным группам вполне определенные линии деятельности и поведения. При этом писаное право было в Индии и в Китае, а в Риме и Византии существовали свои ритуалы и обряды у правящих и подчиненных классов, а также профессиональные корпорации со своими кодексами деятельности и поведения.

У восточных и западных империй есть своя *имперская идея* и соответствующая ей *имперская миссия*. Она очень схожа у китайской империи (особенно ханьской и впоследствии танской), а также у древнего Рима, которая вошла в плоть и кровь всех средневековых и новоевропейских западных империй: от Священной римской империи до британской и французской. А именно: владычествовать над неевропейскими народами ради утверждения мира между ними, приобщения их к благам подлинной культуры, искоренения жестоких обычаяев и варварских страстей. В случае религиозной имперской экспансии истребление язычников или насилиственное обращение их в имперскую веру (ислам, византийское православие или европейское католичество) обосновываются все теми же «цивилизованными» аргументами плюс спасением варварских душ.

Понятно, что исторически меняются формы имперского правления. Это особенно характерно для Европы, где, например, развитие капитализма было бы принципиально невозможным без имперской господствующей метрополии и нещадно эксплуатируемых варварских колоний, откуда везут драгоценности, сырье и дешевую (иногда рабскую) рабочую силу, куда сбываются промышленные товары с добавленной стоимостью и «сбрасывается» избыточное маргинальное и/или пассионарное европейское население. Отличительной чертой колониальной политики новоевропейских империй станет *идеология агрессивного европоцентризма*, приобретающая на англо-саксонской и германской почве явно расистские черты со стремлением насильственно навязать изначально «ущербным» неевропейским народам европейские

государственно-политические институты и культурные ценности.

Если теперь обратиться к имперским традициям Северной Евразии, то при всей их общности с империями других культурно-географических миров нельзя не отметить и существенных различий, на что давно указывали многие исследователи. Так, само обширное и открытое для миграций внутреннее лесостепное пространство Северной Евразии с сухопутным континентальным мегавиализационным коридором Великой степи, тянувшимся от монгольского хребта Хинган на Востоке до Трансильвании на Западе, делает этот регион благоприятным для создания крупных имперских государственных образований, на что четко указали еще евразийцы (П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, Л.Н. Гумилев). С другой стороны, разнообразие ландшафтов Северной Евразии позволяет его ключевым этнокультурным общностям сохранять традиционный образ жизни и тип хозяйственной деятельности, о чем писалось выше. Кочевые племена монголов и тюрок обжили степные пространства; славяне – речное ополье (высокие берега рек) и лесостепную черноземную зону, позволяющие заниматься земледелием. Угро-финские племена освоили северные леса, а палеоазиатские народы Севера (ненцы, чукчи, коряки, нивхи, якуты и др.) – арктическую зону. Как верно отмечал Л.Н. Гумилев, «евразийские народы строили общую государственность, исходя из принципов первичности **прав каждого народа** на определенный образ жизни. На Руси этот принцип воплотился в концепции сорбности и соблюдался совершенно неукоснительно»¹.

Расизма и агрессивного этноцетризма имперские образования Северной Евразии не знали. Во времена монгольской империи Чингисхана и его сына Угэдэя в состав ее верховых органов власти, оказывающих определяющее влияние на принятие стратегических решений, кроме китайца Елюй Чуцая, из состава покоренных народов входили также

¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992. С. 298.

уйгур Чинкай и тюрок-мусульманин из Хорезма Махмуд Яловач¹.

В многочисленных монгольских городах, разбросанных по всей Великой степи и, как теперь выясняется, намного превосходивших по уровню бытового комфорта, принципам организации и управления многие западноевропейские города того времени² – крайне пестрым и этнически смешанным было и население, включая правящий административный слой. Э.С. Кульпин пишет: «Социальная страта, из состава которой формировались чиновники государственного аппарата – организующей силы империи, была, вероятно, чрезвычайно пестрой. Известно, что советниками монгольских завоевателей были китайцы, имевшие огромный тысячелетний опыт управления государством и социальными процессами. Однако в составе названной страты преобладали тюрки и персоязычные жители покоренной монголами Средней Азии. К сарайскому двору приглашались учёные из арабских стран. Наконец, знать покоренных народов стремилась породниться со знатью завоевателей и войти в социальный слой, принимающий главные государственные решения, определяющий социальное, хозяйственное и культурное развитие общества. Ясно, что в стране, являющейся мостом между Востоком и Западом, где торговля приносила основные доходы государства, разноплеменные купцы... также играли важную роль... Объективно это разноплеменное городское население, со временем сплавлявшееся в единое целое, способствовало созданию единства всех народов государства, сложению из разных этносов – единого суперэтноса»³.

¹ См. Филлипс Э.Д. Монголы. Основатели империи Великих ханов. М., 2003. С. 81-82.

² По последним данным, вдоль Шелкового пути насчитывалось несколько тысяч городов, представлявших собой не только административные и торговые, но и крупные хозяйствственные центры. В них были точная планировка, водопровод, канализация, бани и даже раздельные туалеты.

³ Кульпин Э.С. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. М., 2006. С. 57-58.

Каракорум, столица монгольской империи, в каком-то смысле являл квинтэссенцию евразийской этнокультурной открытости, где мастера разных стран, культур и народов и конкурировали, и одновременно учились друг у друга. Приблизительно подобную же картину являл и Сарай – столица Золотой орды. Анализ документов, а также раскопки в обоих городах, ведущиеся и сегодня, показывают, что даже приведенные сюда рабы уже во втором поколении становились свободными людьми, оседавшими на земле или заводившими свою собственную ремесленную мастерскую. И в Сарае, и в Каракоруме есть зримые следы существования довольно обширных русских диаспор со своей церковью, бытом, хозяйственным своеобразием.

Легендарной и ныне общепризнанной является религиозная терпимость и открытость монголов. В эпоху, когда в Западной Европе начинала свирепствовать инквизиция, «Ясса» защищала и гарантировала свободу всех религиозных конфессий. При дворе великого хана в Каракоруме часто происходили публичные дебаты между представителями шаманистских культов, сторонниками ислама, буддизма и христианства. В одной из подобных дискуссий было предложено поучаствовать и посланцу Рима, католику П. Карпини. Показательно, что он презрительно отказался от публичной полемики с еретиками и иноверцами, наглядно продемонстрировав европейскую духовную закрытость и автономную самодостаточность. А вот православные священники, воплощая евразийский тип культурной открытости, вели себя в Орде очень естественно и достаточно свободно. Они сумели не только приобщить к православному христианству многих степняков, включая Сартака, сына Батыя (кстати, побратима Александра Невского!), но и прославиться своим врачебным искусством и общей эрудицией. История донесла до нас сведения о большом авторитете, которым пользовался у татар в Сарае митрополит Алексий, сумевший излечить от недуга жену хана Джанибека Тайдулу, которая, кстати, всегда оказывала покровительство русским и даже, по ряду свидетельств, приняла православие.

Эти монгольские имперские принципы равенства народов, религий и культур, ориентация на широкие и свободные культурные заимствования в полной мере усвоила и развила Русь, ставшая впоследствии империей. Так, после завоевания Казанского ханства татарский хан получил звание «цесаревича» и на пирах сидел по правую руку от русского царя. Буддизм и мусульманство были официальными религиями Российской империи. Правда, в отличие от монголов, Россия расширяла свои территории на Востоке преимущественно мирным путем, где символичным выглядит сибирское генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева-Амурского, сумевшего мирным путем присоединить к России огромные территории Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Ни монгольская, ни российская империи не знали также деления на народы цивилизованные и варварские, а межнациональные браки, повторимся, между представителями самых разных этносов были обычным делом. Для сведения, в современном Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая существуют значительные материальные и социальные льготы для браков между ханьцами и тюрками-уйгурами, но такие браки до сих пор единичны.

Что касается территорий Российской империи, населенных мусульманами, то А.К. Аликберов отмечает: «Аристократия мусульманских народов... была интегрирована в состав дворянства империи в соответствии с “Табелем о рангах”. Оседлые мусульмане в правовом отношении приравнивались к русским тяглым сословиям – мещанам и государственным крестьянам. Общественно-политические и конфессиональные особенности сравнительно поздно присоединенных к империи территорий на Кавказе и в Закаспийской области (современный Туркменистан) учитывались в системе так называемого военно-народного управления. Евразийские империи сохраняли этническое многообразие и культурную самобытность населявших их народов, как правило, не вмешивались в дела религиозных общин»¹.

¹ Аликберов А.К. Евразийское измерение ислама // Евразийский ежегодник. 2024. №2. С. 19.

Это вовсе не означает, что в той же Российской евразийской империи не было большого количества недостатков, свойственных всем имперским системам. Это, в частности, – произвол правящих верхов, оторванных от народа и способных даже загубить государство, как это случилось с Николаем II. Его государственную бездарность и безволие при общем добром характере отмечали такие разные люди, которым нет оснований не доверять, как известный адвокат А.Ф. Кони¹ и князь Сергей Волконский². Очень похож на последнего правителя Российской империи последний генсек СССР Михаил Горбачев.

Другой недостаток российской империи – произвол и коррумпированность чиновничества, особенно на окраинах. В Сибири известным взяточником был ее первый губернатор князь Гагарин, впоследствии казненный Петром I³, а тотальную «чистку» сибирского чиновничества в XIX веке осуществили два ее самых просвещенных губернатора и бескорыстных служителя отечества – уже упоминавшийся Н.Н. Муравьев-Амурский и сосланный в Сибирь известный реформатор М.М. Сперанский. Другие пороки отечественной имперской формы правления связаны с ее государственной неповоротливостью и засильем бюрократизма, которые беспощадной критике подвергли еще Гоголь с Салтыковом-Щедриным. Крайне неудачным оказался и эксперимент по созданию в России титульной православной имперской нации, осуществленный в годы правления Александра III под руководством К.Н. Победоносцева. Его результатом, вопреки позитивным ожиданиям, стал, с одной стороны, взрыв сепаратистских и националистических настроений, особенно на Украине⁴, а, с другой, механическое насаждение в школах православной идеологии через преподавание «Закона Божьего»

¹ Кони А.Ф. Николай II // Кони А.Ф. Избранное. М., 1989. С. 104-115.

² Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2-х т. Т.2. Родина. М., 1992. С. 168-175.

³ Его деятельность глубоко и тонко анализируется в романе известного алтайского писателя А.М. Родионова «Князь-раб».

⁴ Была даже попытка запретить письменный украинский язык.

го», что способствовало лишь массовому распространению революционного безбожия.

§8. Имперская идея и соблазны национального самосознания

В связи с проблематикой империй и имперского сознания нам представляется необходимым сделать здесь еще два отступления, касающихся недостатков и соблазнов современного национального самосознания. Об этих соблазнах мы подробно поговорим в третьем разделе монографии.

Первый недостаток связан с широким распространением имперской фразеологии и псевдодержавной идеализации Российской империи. Относительно «имперского соблазна» следует, на наш взгляд, совершенно четко заявить: век империй закончился. Их реставрация невозможна, а назойливая имперская фразеология (в том числе и о советской, так называемой, «Красной империи») может привести сегодня только к взрыву национализма внутри России и к боязни тесной интеграции с ней бывших советских республик Средней Азии и Кавказа. С понятием империи, кто бы что ни говорил, связано насилиственное присоединение других территорий и давление имперского центра на ее окраины. К тому же само слово империя уводит в тень очевидный факт: создание Российской империи шло, в основном, ненасильственным и не имперским путем, а в первую очередь – за счет движения русского народа на Север, Юг и Восток Северной Евразии, где государственная имперская власть сплошь и рядом *шла по следам* народной колонизации и пользовалась ее завоеваниями. Три пространственных проекта в русской истории («северный», «южный» и «восточный»), где главным действующим лицом было не столько государство, сколько сам русский народ и его инициатива, подробно рассмотрены нами в упоминавшейся выше коллективной монографии¹.

¹ См.: «Цивилизационная миссия Сибири...»

Второй недостаток современного этапа национального самосознания и самопознания России – крайне неряшливое использование научной и идеологической терминологии. Особенно это касается внезапно ставшего популярным и даже удивительным образом попавшего в государственные документы бессмысленного словосочетания «государство-цивилизация», ибо, во-первых, одним из критериев бессмыслинности термина является возможность его замены другим термином, от чего словосочетание становится ничуть не менее и не более осмысленным, типа «цивилизация-общество», «цивилизация-нация» или «цивилизация-народ».

Во-вторых, категории *государства* и *цивилизации* используются для анализа *разных* общественных процессов и явлений: государство – для анализа существующих в обществе управленческих, политических иластных функций и институтов, а цивилизация – еще и для исследования своеобразия научно-технологических, культурных и духовных явлений, то есть является гораздо более широким по объему и по своему когнитивному применению.

В-третьих, цивилизации могут существовать и вовсе без всяких твердых государственных форм и институтов, как кочевая цивилизация древних скифов, или в условиях полного разрыва государственности. Такие периоды, в частности, не раз переживал Китай.

Наконец, в-четвертых, преступная и/или бездарная деятельность государства (пример с Николаем II мы приводили выше) может уничтожать основы существования той или иной цивилизации. Такие примеры известны в истории всех трех мегацивилизаций. Язычник Юлиан-отступник попытался разрушить формирующуюся христианскую цивилизационную основу Византийской империи. Отказ от исполнения своих прямых управленческих императорских функций китайским императором эпохи Тан Суань-цзуном привел к мятежу Аньлушаня и завоеванию Китая уйгурами. Наконец, российское государство времен Ельцина занималось почти систематическим, под руководством западных советников и экспертов, разрушением цивилизационных основ России и

превращением ее в марионетку Запада. Это в первую очередь касается уничтожения власти Советов и замену ее западной парламентской партийной демократией, как раз совершенно чуждой основам российской цивилизации.

В-четвертых, абсолютизация роли и функций государства в жизни того или иного общества была подвергнута очень глубокой и обоснованной критике выдающимися представителями русской философии, прежде всего – С.Л. Франком. Он, в частности, писал: «Государство, мнящее себя верховным властелином человеческой жизни, есть одно из самых страшных и гибельных проявлений человеческой гордыни – демонизма в человеческом бытии. Оно становится тогда, по словам Ницше, “холоднейшим из всех холодных чудовищ”»¹. И далее С.Л. Франк так обосновывает свою антистатистскую позицию, которая, увы, получила и практическое подтверждение в русской истории: «...Политическое творчество, чтобы быть подлинно правомерным, должно само ограничивать себя. Оно постоянно рискует либо впасть в грех безграничного распоряжения человеческими жизнями (даже руководясь благим намерением улучшения, совершенствования человеческой судьбы), либо впасть в еще худший грех отожествления самочинной, беззаконной воли властителя с его автономной нравственной волей. Всякая власть развращает, невольно склоняет человека к самообоготворению, к сознанию дозволенности для него всего. Вот почему даже подлинно великие государственные деятели так часто одновременно бывают преступниками и тиранами; и, с другой стороны, преступники, достигающие власти, часто кажутся великими, дерзновенными и вдохновенными политическими творцами. Нужно глубокое, подлинно религиозное смирение, чтобы быть подлинным государственным деятелем – чтобы осуществлять политическое творчество, не впадая в грех и не губя жизни»².

Наконец, пришла пора хотя бы кратко коснуться понятия «субцивилизации». Цивилизации включают в себя многооб-

¹ Франк С.Л. Реальность и человек. СПб., 1997. С. 335.

² Там же. С. 336.

разные субцивилизационные сообщества: от широких субрелигиозных (протестанты, шииты, последователи Хинаяны), субэтнических (тюрки-уйгуры, славяне-белорусы, русские-казаки), до совсем узких, связанных с использованием тех или иных территориальных или социальных традиций, обычаев и языковых диалектов (например, русский северо-восточный «окающий» говор и московско-рязанский «акающий» говор). Критерии отличия цивилизаций от субцивилизаций являются объектами не только жарких научных, но и мировоззренческих споров, в частности, можно ли говорить о самостоятельной «русской», а не «российской» цивилизации? Этого вопроса мы специально коснемся в третьем разделе работы.

В целом же, не только любая мега-, но и локальные цивилизации чаще всего являются сложным «наложением» и взаимным влиянием многих религиозных и этнокультурных цивилизационных и субцивилизационных сообществ. Например, российская цивилизация, будучи православной по своим ценностным истокам и русской по численно доминирующему этносу, одновременно включает в себя и буддийский, и исламский, и тюркский, и угро-финский, и монгольский миры.

Один из ключевых тезисов данной книги состоит в следующем: **Россия – это многонациональная и поликонфессиональная цивилизация, входящая в мегацивилизацию Северной Евразии**, сложившаяся под значительным влиянием мегацивилизаций и Востока, и Запада, но приобретшая за три последних века не только глубочайшее цивилизационное своеобразие, но и понимание своей важной миссии в мировой истории.

Данная миссия, на наш взгляд, состоит в переходе к принципиально новому цивилизационному укладу, который, как мы уже говорили, можно назвать духовно-экологическим или ноосферным. Это заставляет обратиться к **диахроническим аспектам** развивающего здесь синтетического цивилизационного подхода.

ГЛАВА 2.

Мегацивилизационная диахрония и ее основные законы

§1. Вводные методологические разъяснения и критика

Во-первых, в данной главе предметом анализа будет не история конкретных народов, государств, политических или социокультурных образований, а судьба *мегацивилизаций со входящими в них цивилизационными общностями* как предельно общих единиц исторического процесса, существующих в пространстве и во времени. Более того, наш подход будет относиться к *философии истории*, когда исследователи или делают предметом философско-методологического анализа процесс исторического *познания*, или же пытаются уловить те или иные проявления собственно Логоса мировой истории в виде фундаментальных движущих причин исторических процессов, мотивов и реальных итогов коллективных и личных исторических деяний, своеобразия менталитета той или иной эпохи, где предельными (или последними) оказываются уже **историософские вопросы о наличии общих законов, направленности и смысле мировой истории**.

Историософские вопросы, неизбежно требующие привлечения метафизических средств анализа в виде предельно общих философских методов, категорий и гипотез, были со всей остротой и определенностью поставлены уже представителями французского Просвещения, прежде всего Вольтером, Ж.А. Кондорсэ и А.Р. Тюрго. Последний писал в работе «Рассуждения о всеобщей истории», что «всемирная история обнимает собой рассмотрение последовательных успехов человеческого рода и подробное изучение вызвавших их причин», а также «влияние частных причин и свободных поступков великих людей и отношение всего этого к организации самого человека...»¹.

¹ Тюрго А.Р. Избранные философские произведения. М., 1937. С. 78.

Однако наиболее глубокие образцы философии истории в ее именно историософском, метафизическом измерении были созданы немецкими философами – Гердером в труде «Идеи к философии истории» и Гегелем в «Философии истории», где главным метафизическими основанием служит убежденность философа в том, что «во всемирной истории есть разум и что мир разумности и самосознательной воли не представлен слу-чаю, но должен обнаружиться при свете знающей себя идеи»¹. Ясно, что если онтологическим основанием истории является разум, – который, правда, нам никогда не дан непосредственно, а требует, помимо эмпирических фактов, наблюдений и обобщений со стороны историков, а также усилий познающей метафизической мысли, – то в истории обязательно откроются и ее общие законы, и направленность и смысл.

В условиях прогресса гуманитарных наук и кристаллизации их собственной методологии к концу XIX века, рационалистический историософский оптимизм Гегеля, как известно, был подвергнут жесткой критике со стороны трех мыслителей разной идейной ориентации – Г. Риккerta², Г. Зиммеля³ и В. Дильтея⁴. Общие претензии к историософской метафизике гегелевского типа сводятся у них к следующему:

1) Эмпирическая история представляет собой цепь единичных фактов и событий⁵, где наличие универсальных законов в лучшем случае проблематично и может быть лишь итогом долгих и конкретных обобщений специальных наук, изучающих историю⁶; но, скорее всего, сам тезис об их существовании является чисто умозрительным метафизическими конструктом, как бы игрой оторванного от исторической эмпирии абстрактного метафизического ума⁷;

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 65.

² Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908.

³ Зиммель Г. Проблемы философии истории: Этюд по теории познания. М., 2011.

⁴ Дильтея В. Собр. соч.: в 6 томах. Том 1. Введение в науки о Духе. М., 2000.

⁵ Риккерт Г. Указ. соч. С. 87.

⁶ Дильтея В. Указ. соч. С. 390.

⁷ Зиммель Г. Указ. соч. С. 122.

2) Историософия апеллирует или к религиозной первооснове мира¹, или к «трансцендентной реальности», лежащей за горизонтом эмпирически данной истории, но «мы тем самым отказываем историческому в истинной реальности, уничтожаем смысл истории и возможность ее философского трактования»²;

3) Метафизический взгляд на историю антиперсоналистичен, ибо вступает «в противоречие со здравым смыслом, когда растворяют все жизненные ценности в некотором развертывающим себя в истории метафизическом единстве. Все, что человек, борясь с судьбой, переживает в своем душевном одиночестве, в глубинах своей совести, совершается для него самого, а не для мирового процесса, и не для какого-то единого организма человеческого общества. Но для этой метафизики вся захватывающая действительность жизни лишь тень, лишь бледный контур»³.

4) Истинное знание об истории могут дать только основанные на исторических фактах и научных методах конкретные науки, а умозрительная метафизика «вовсе не интересуется реальными силами, которыми объясняются исторические частности... Все дело здесь в том, чтобы она внутренне не противоречила себе и не принимала неверных данных... Как о чувствах говорят, что они не обманывают не потому, что они всегда судят верно, а потому, что они вообще не судят, так и о метафизике можно сказать, что она не ошибается в своих объектах, не потому, что она всегда правильно познает, а потому, что она вообще не познает... Метафизическая спекуляция оценивает историю понятиями, трансцендентными ей...»⁴. В столь жесткой оценке историософской метафизики с Зиммелем совершенно согласен В. Дильтей: «Из... претендующих на выражение смысла истории формул не родилось еще ни одной продуктивной истины – один только метафизический туман»⁵.

¹ Дильтей В. Указ. соч. С. 377.

² Риккерт Г. Указ. соч. С. 147.

³ Дильтей В. Указ. соч. С. 379-380.

⁴ Зиммель Г. Указ. соч. С. 123-124.

⁵ Дильтей В. Указ. соч. С. 392.

Данные аргументы, направленные в первую очередь против метафизической философии истории Гегеля, справедливы лишь отчасти, ибо тот же троичный ритм развития самых разных систем, установленный германским мыслителем, получил многообразные эмпирические подтверждения и в виде «закона отрицания отрицания» вошел во все учебники по философии. Применительно к историческому развитию он, как мы увидим ниже, также вполне успешно работает.

Что же касается вышеупомянутых аргументов, направленных против историософии в целом, то с высоты сего дня они представляются совершенно неудовлетворительными. Их слабость обнаружил уже Р.Дж. Коллингвуд, верно констатировавший, что все эти авторы «*капитулировали перед позитивизмом*¹, поскольку нет никаких объективных исторических фактов вне мысли о них историка». Сего дня же, после постпозитивистских эпистемологических и историко-научных исследований, факт теоретической и метафизической «нагруженности» фактов и эмпирических обобщений, как в естественных, так и в гуманитарных науках не вызывает никаких сомнений.

Относительно наличия религиозных установок в философии, разрушающих-де философию истории, то этот метафизический «недостаток» был очевиден только для атеистически ориентированного философского сознания конца XIX века. С позиций же философии начала XXI века, а тем более русской философии, скорее атеистическое неверие представляет собой откровенно иррациональную установку, мешающую целостному видению не только истории, но и мира, и

¹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 166. Правда, еще ранее Гегель проницательно подметил, что «обыкновенный заурядный историк, который, может быть, думает и утверждает, что он пассивно воспринимает и доверяется лишь данному, и тот не является пассивным в своем мышлении, а привносит свои категории и рассматривает при их посредстве данное...» (Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 65).

человека¹. Да и вообще, **средства познания прошлого любого уровня – от археологии до историософии – в принципе не могут существовать без метафизического принятия факта трансцендентной, то есть сверхэмпирической идеальной реальности** в виде идей, ценностей и мыслей прошлого, которые мы пытаемся разглядеть и понять за феноменологически данной материальной реальностью найденных при раскопках археологических артефактов, оставшихся архитектурных сооружений, технических приборов, вещей и, конечно, текстов.

В принципе, война германского философского духа с историософией и метафизикой завершилась поражением, так даже толком и не начавшись: уже в XX веке мы видим целую россыпь значимых и интересных историософских работ: О. Шпенглера и В. Шубарта, Н.А. Бердяева и П.А. Сорокина, К. Ясперса, речь о котором еще впереди, и, наконец, Ф. Фукуямы с его «Концом истории и последним человеком». Последний амбициозный труд стал пророческим реквиемом именно по Западу с его рыночно-либеральной мифологией и претензией на мировое господство, на чем мы еще остановимся ниже.

И, наконец, последнее. Отказаться от поиска смысла и логики истории, чем бы он ни закончился, – это все равно, что отказаться от поиска смысла личной жизни. Сделать это можно, но что тогда остается в сухом остатке и от личной жизни, и от философий? Только обывательское «здесь и теперь» личное бытие, лишенное высшего измерения; и обывательская философия, утратившая метафизическую дерзание, а потому и не интересная миру. Кстати, О. Шпенглер очень точно высказался в свое время о «метафизически истощенной почве Запада»², как об одном из критериев его «заката».

¹ Анализу современных взаимоотношений между наукой, религией и философией с попыткой сформулировать принципы диалога между ними, посвящена коллективная монография: Наука и религия: нераздельность и неслиянность. Барнаул, 2023.

² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Гештальт и действительность. М., 1991. С. 131.

Во-вторых, наш историософский подход не будет центрироваться на социально-экономических и технологических аспектах мирового развития, как это свойственно марксистскому учению о формациях и общественных способах производства. При всей значимости технологической и экономической сторон жизни они, на наш взгляд, обеспечивают в первую очередь *телесно-технологическое воспроизведение общественной жизни и телесного «я» самого человека*.

Не будет основным предметом нашего анализа также история семейных отношений, этнических и расовых общностей, возникновение и развитие различных социальных структур и институтов, профессиональных и конфессиональных корпораций, политических процессов и государственных образований, а также типов социального действия¹ и габитусов – систем «когнитивных и мотивирующих структур»² сознаваемого и неосознаваемого, личного и коллективного планов, конституирующих наш практический мир. Эта все сферы личного, семейного, этносоциального, профессионально-корпоративного и социально-политического – душевно-социального – воспроизведения человеческой жизни, где человек формируется и реализует себя в качестве социального «я» в рамках тех или иных социальных «мы».

К этой сфере могут быть также отнесены дюркгеймовские коллективные представления и даже существование культурно-исторических типов, выделенных Н.Я. Данилевским в той мере, в какой они обеспечивают коммуникацию и взаимопонимание между членами той или иной коллективной общности, их совместную практическую и познавательную деятельность, а также функционирование сферы политических отношений. Использование термина «сфера социально-душевной жизни общества», на наш взгляд, вполне оправдано, поскольку в основе всех типов социально-политических действий и взаимодействий, договоренностей и конфликтов, оценок и самооцен-

¹ В духе их знаменитой веберовской классификации. См. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 620.

² Бурдье П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 103.

нок лежат именно *душевые*: сознательные или бессознательные, индивидуальные и/или коллективные идеальные замыслы и проекты; психологические переживания (амбиции и чувство долга, любовь и ненависть, разочарования и надежды и т.д.). Это точно подметил в своем психологическом подходе к истории и социальной жизни Г. Зиммель, писавший, что «внешнее поведение людей понимаем мы только благодаря лежащим за ними внутренним побуждениям»¹, а Коллингвуд и вовсе считал, что «нет ничего, кроме мысли, что могло бы стать предметом исторического знания»².

Последний тезис достаточно спорен относительно всей истории, но он абсолютно справедлив применительно к *духовной жизни* как сфере этического, религиозного, научного, художественного и философского видов творчества³, удовлетворяющих высшие потребности человека в Истине, Добре, Красоте и Справедливости. Именно сфера духа делает человека человеком, то есть заставляет его лично совершенствоваться, прежде всего, морально, и стараться посильнее сделать лучшее окружающий мир. Эта сфера формирует *духовное «я»* человека, надстраивающееся над его телесным и социальным «я».

Соответственно, универсальное **троичное иерархическое членение мира по принципу «Тело–Душа–Дух»,** которое мы встречаем практически во всех культурах, имеет отношение к самым разным сферам бытия: не только к структуре личности и к структуре общества, но и к строению слова, и к различным продуктам человеческого творчества, и, как мы увидим ниже, к мегаавиализационной динамике.

В-третьих, учитывая основополагающую, на наш взгляд, роль духовной жизни в организации гармоничной телесно-технологической и социальной жизни человека, – исторический процесс может быть рассмотрен под двумя тесно связанными, но все же различными углами зрения, или, гово-

¹ Зиммель Г. Указ. соч. С. 6.

² Коллингвуд Р.Дж. Указ. соч. С. 385.

³ Естественно, в их лучших образцах.

ря другими словами, в виде двух историй, которые мы о ней рассказываем¹: «**профанной**» и «**духовной**».

«**Профанная история**»² представляет собой череду технологических изобретений, бытовых и экономических усовершенствований, а также войн и территориальных завоеваний, межгосударственных конфликтов и борьбы за власть, дипломатических игр и интриг, религиозной и национальной розни. Эти процессы, естественно, надо внимательно и объективно изучать, основываясь на реальных фактах и свидетельствах, чтобы получить максимально объективную картину прошлого и выработать взвешенные оценочные исторические суждения.

Можно, конечно, считать важнейшей и определяющей только эту грань истории и видеть в последней лишь бесчисленные проявления хантингтоновского «столкновения цивилизаций», насилия и эгоизма, борьбы за власть и стремления к богатству, разгул телесных страстей и вожделений, – делая вывод, что, увы, в этом и проявляется истинная «природа человека», запечатленная в событиях мировой истории, далеких от принципов гуманизма и любви.

Однако нельзя не отметить удивительного несоответствия между огромными усилиями, которые тратились и тратятся правителями, политиками и богачами на политические интриги, захватнические войны, стяжательство и удовлетворение тщеславия, – и тем, насколько быстро достигнутые результаты теряли всякое значение, обесценивались, разрушались и в конечном счете забывались. «Так проходит мирская слава» – мудро говорили еще древние.

¹ История во всех ее видах, является самой парадоксальной наукой – наукой о небытии, т.е. о том, чего уже нет, но о чем мы вынуждены рассказывать более или менее «правдоподобные истории» по оставшимся материальным следам.

² Понятно, что внутри самой «**профанной**» истории можно выделить историю техники и технологий, бытовую (как во французской исторической школе «Анналов»), экономическую, социальную и политическую и др. линии истории. Мы в нашем исследовании такой детализацией заниматься не будем.

И наоборот, то, что представлялось эфемерным, бесплотным и совершенно несущественным для телесной и социально-политической жизни – высокие духовные идеалы, факты бескорыстного служения людям и обществу, религиозные и философские озарения, научные открытия, гениальные творения искусства – оказывались бессмертными и побеждающими время.

И человечество, которое, вроде бы, вполне «реалистично» и «прагматично» живет материальными интересами и социально-политическими заботами сегодняшнего дня, – помнит и бережно сохраняет следы именно этих героических и внеэгоистических деяний, культурные, научные, художественные сокровища и имена их создателей. Конечно, в истории остаются имена и политических деятелей, и правителей, и революционеров, и предпринимателей, но – прежде всего тех, кто, во-первых, думал не о себе, а в первую очередь о народе и государстве, и, во-вторых, понимал, что наилучшие экономические, политические, социальные решения не могут быть найдены, если забыть про главные, духовные ценности и цели человеческого бытия.

Эту разницу между профанной и духовной жизнью как отдельного человека, так и общества в целом четко уловил и зафиксировал С.Л. Франк: «В своей личной жизни человек (по крайней мере, не потерявший подлинного своего существа) посвящает часть своего времени и своих сил осуществлению своих мирских, земных интересов, одновременно контролируя свои действия совестью, а другую часть – молитвенной и вообще духовной жизни – духовной самопроверке, культивированию и развитию своей личности, своего духовного существа. В коллективной, исторической жизни и культуре человека этому соответствует разделение, обозначенное в Евангелии как различие между “кесаревым” и “Божиим”: различие между сферой внешнего, технического и организационного устройства жизни (государство, право, хозяйство) – сферой, в которой осуществление мирских интересов сочетается с нравственно-правовым контролем над анархическими стремлениями, – и сферой духовной культуры как коллектив-

ного проявления духовного существа человека; эта последняя сфера выражается и в творчестве (художественном, научном, философском и религиозном)...»¹.

Соответственно, помимо профанной, телесной и социально-душевной истории человечества, есть и та, которая может быть названа «духовной историей» появления и распространения объединяющих и гуманных идей, созидательных государственных деяний, эпох мира и культурного творчества, когда побеждали мораль и религиозная терпимость, расцветали науки и искусства. Далее словосочетание «духовая история» мы будем употреблять без кавычек.

Эти эпохи чаще всего были краткими и связаны с творчеством немногих гениев, которые, как одинокие свечи, горели в непроглядной мировой ночи, но зато оставляли неизгладимые светоносные следы в памяти потомков, вызывая желание творчески воспроизвести и утвердить их идеи и деяния в новом историческом контексте. Созидательные эпохи и великие личности образуют то, что может быть названо «эстафетами духа», то есть непрерывными связующими нитями истории, которые не дают ей превращаться в хаос событий и фактов, а историкам позволяют находить в прошлом подлинную гармонию и величие.

Понятно, что грань между профанной и духовной историей размыта и относительна. Великие подвижники, ученые и властители-созидатели типа Франциска Ассизского и Сергия Радонежского, Авиценны и Роджера Бэконa, царя Ашоки и Перикла, Марка Аврелия и Юстиниана вынуждены были жить и действовать в тяжелейших социально-экономических условиях, быть свидетелями массового насилия и несправедливости. Другое дело, что подобные жизни и их деяния горят алмазами среди крови и грязи прошлого, обеспечивая, в том числе, столь важную для нашего анализа созидательную цивилизационную и мегацивилизационную преемственность в истории.

Эпохи, когда эти великие люди действовали, их собственные жизни и оставленные ими творения могут быть

¹ Франк С.Л. Реальность и человек. СПБ., 1997. С. 325.

названы «осевыми эпохами», «осевыми жизнями» и «осевыми творениями», придающими истории цивилизаций и мегацивилизаций глубинный порядок, направленность и смысл. Термин «осевой», на наш взгляд, достаточно точен и выразителен, и не случайно его применил К. Ясперс, но, на наш взгляд, не очень удачно, о чём мы ниже будем говорить. Мы же, соответственно, применяем его в ином смысле.

При этом следует избегать двоякого соблазна: как идеализации, так и уничижения великих имен и эпох в истории. Последнее особенно опасно, так как лишает нашу историческую память ее очень важного – морально-педагогического – измерения, поскольку **обращение к духовной истории того или иного народа, цивилизации или мегацивилизации позволяет увидеть вечное во временном, нетленное в затаенных исторического тлена, а значит, извлечь из прошлого подлинные – нравственные и идеальные – уроки на будущее¹.**

В-четвертых, ниже мы попытаемся выявить некоторые универсальные закономерности мегацивилизационной и цивилизационной диахронии. Но они, на наш взгляд, являются преломлением неких общевоеволюционных законов, а сами получают бесконечно богатые проявления в разные эпохи и в разных цивилизациях, то есть исключают какую-либо унификацию.

Соответственно, эти универсальные закономерности преломляются, во-первых, в более «низких» природно-исторических (например, выявленных в работах Л. Гумилева и его последователей), производственно-экономических (типа формационных законов К. Маркса), социально- и культурно-исторических (выявленных, например, в работах М. Вебера, Н.Я. Данилевского или А. Тойнби) закономерностях; и, во-вторых, в частных и временных закономерностях и причинах, характерных для истории каждой нации и культуры.

¹ Подробный анализ различий «профанной» и «духовной» истории, а также великих «эпох духа» дан в монографии: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул, 2006.

И, наконец, самое главное: никакие исторические законы любого уровня *не действуют автоматически поверх воли и сознания людей* и вне живых человеческих деяний, являющихся – или не являющихся – их «проводниками». В последнем случае, – то есть если число тех, кто интуитивно или осознанно следует этим мета-законам, становится слишком мало, менее «критической массы» – судя по всему, наступает стагнация и, в предельном варианте, самоуничтожение¹. Далее мы к этому вернемся.

То есть именно живыми – индивидуальными и коллективными, физическими и духовными, созидальными и разрушающими, сознательными и бессознательными – действиями многих людей «ткется» полотно всемирной истории. При этом, подчеркнем еще раз, особую созидальную роль играет не серая масса обывателей и не амбициозные политики, а выдающиеся личности-творцы духовной истории, которые неповторимо воплощают в своей деятельности нечто объективное и всеобщее, особенно с точки зрения духовно-нравственных оснований человеческого бытия. В их деятельности сходятся две линии исторической детерминации – причинная (детерминация прошлым) и целевая (детерминации будущим)², где среди веера существующих возможностей **именно гений актуализирует наиболее продуктивные причины прошлого и выбирает наиболее живительные сценарии будущего**³. Ниже мы обратимся к конкретным законам, обеспечивающим устойчивость и поступательное развитие различных общностей от локальных субцивилизаций до мегацивилизаций.

¹ Это отдельная и большая тема, но на эмпирическом уровне верность данной гипотезы отчасти подтверждается хотя бы нынешним глобальным кризисом, что как раз и говорит о том, что человечество «сошло с эволюционного пути» и, соответственно, получило неизбежные негативные следствия.

² Единство и противоположность этих двух типов детерминации (причинного и целевого) были гениально схвачены еще Аристотелем в «Метафизике» (Аристотель. Собр. соч.: в 4 томах.. Т.1. М., 1976. С. 70).

³ Более подробно о законах в истории см. упомянутую выше монографию: «Скрижали метаистории...». С. 161-278.

И, наконец, ***в-пятых***, любая историческая реконструкция (рассказ) всегда связана со схематизациями и огрублениями, поскольку сама по себе прошедшая история, в чем нас убеждает нынешний день, бесконечно многообразна и вариативна, где, при желании, можно найти эмпирическое «подтверждение» самым бредовым гипотезам и теориям. Отсюда следует, что нет и не может быть однозначной интерпретации исторического, в том числе цивилизационного и мегавизионного, прошлого, учитывая не только многообразие уже обнаруженных исторических артефактов и возможности обнаружения новых, но и предрассудки (национальные, профессиональные, биографические и др.) самих исследователей. Поэтому картины истории всегда будет вариативными и альтернативными, меняясь в зависимости от самых разных факторов и обстоятельств, в том числе, к сожалению, и от фактов политических.

Однако это вовсе не означает, что все исторические схематизации равнозначны, а историософия произвольна и субъективна, являясь зиммельевской игрой праздного метафизического ума. Схема схеме и модель модели рознь.

Качественными, рациональными и полезными (даже при всех их заблуждениях, которые неизбежно вскроются впоследствии) будут те «рассказанные истории», где есть: а) верность известным историческим фактам; б) максимально объемный и синтетический взгляд на исследуемое историческое событие, личность или эпоху; в) учет именно духовной истории человечества: что для развития человека и высокой культуры дали тот или иной народ, цивилизация и мегавизиализация, какие коллективные и личностные нравственные и исторические уроки мы можем из них извлечь на будущее. Как справедливо заметил Коллингвуд: «Мы изучаем историю для того, чтобы нам стала ясней та ситуация, в которой нам предстоит действовать»¹.

Наконец, важнейшим условием объективного и потенциально общезначимого взгляда на историческое прошлое яв-

¹ Коллингвуд Р.Дж. Указ. соч. С. 388.

ляется посильное осознание собственных научных, философских, национальных и цивилизационных предрассудков, что позволяет до известных пределов избежать субъективизма и произвольности в трактовках истории.

Однако именно явными предрассудками грешит известная ясперсовская схема «осевого времени», получившая широкую известность. Критика концепции К. Ясперса важна для нас не только в силу ее произвольности, противоречивости и откровенной цивилизационной предвзятости, но и потому, что она радикально отличается от того, что будет излагаться ниже. Прежде чем приступить к позитивному высказыванию каких-то идей, необходимо сначала дать критику альтернативных идеиных построений.

Идея «осевого времени» К. Ясперса, которое охватывает период с VIII по II в. до н.э., когда, по его мнению, заканчивается доистория и начинается собственно история современного человека и человечества, на наш взгляд, не выдерживает критики.

Она *произвольна*, ибо, во-первых, истоки «осевых» религиозно-философских текстов Китая и Индии (Вед, Бхагавадгиты, И-цзина), без которых невозможно представить и последующих индийских и китайских философских школ, уходят как раз в доисторическую древность восточных цивилизаций, не говоря уж о том, что есть свидетельства о наличии и гораздо более древних «осевых» философских текстов, на которые они опирались.

Во-вторых, позже «осевого времени» создан христианский «Новый завет», антропологически, этически и эсхатологически радикально отличающийся от иудейского «Ветхого завета». Благодаря христианству в Европе собственно и возникает идея всеобщей истории.

В-третьих, непонятно, почему к западному культурно-географическому миру К. Ясперс причисляет египетскую и вавилонскую цивилизации¹, которые по всем объективным

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 90.

признакам (речь о них впереди) относятся именно к восточной мегацивилизации.

В-четвертых, России в историософских построениях германского философа места не находится вовсе, хотя она только что сокрушила фашистскую Германию¹, спасла немецкий народ от окончательного нацистского духовного озверения, а все человечество – от возвращения к варварству, к ясперсовской «доистории».

Концепция К. Ясперса *противоречива*, ибо в период его «осевого» времени действительно возникают первые философские школы в Греции, Индии и Китае, но он им приписывает вовсе не универсальные, а именно специфически греческие идеи и ценности. Он пишет: «Новое, возникшее в эту эпоху в трех упомянутых культурах, сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность»². Но в Индии человек осознает вовсе не свои границы и беспомощность, а потенциальное единство своего индивидуального духовного атмана с Абсолютом-Брахманом, что делает возможным обретение им духовной мощи и актуального богоподобия. А в Китае как раз ложная индивидуалистическая «отгороженность» от мира и Вселенского Дао обрекает «низкого» человека на беспомощность и ужас перед противостоящим ему чуждым мировым бытием. В отличие от него «совершенномудрый» всегда ощущает свою имманентную связь с другими людьми и мировым целым.

Следующие универсальные черты «осевого времени», которые выделяет германский философ, свойственны вовсе не восточной, а исключительно европейской (и даже уже постгреческой!) интеллектуальной традиции с ее культом рационального мышления, борьбы идей, партий и самолюбий, общей духовной раздробленностью и утратой целостности, как личного, так и коллективного бытия: «Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышле-

¹ Эта работа К. Ясперса была опубликована в 1949 году.

² Ясперс К. Указ. соч. С. 33.

ние¹. Началась духовная борьба, в ходе которой каждый пытался убедить другого, сообщая ему свои идеи, обоснования, свой опыт. Испытывались самые противоречивые возможности. Дискуссии, образование различных партий, расщепление духовной сферы, которая и в противоречивости своих частей сохраняла их взаимообусловленность, – все это породило беспокойство и движение, граничащее с духовным хаосом»².

Любопытно, что то, что К. Ясперс считает великим и универсальным в европейски истолкованном им «осевом временем» – И.В. Киреевский уже за столетие до Ясперса сочтет критерием *упадка* Запада. В своем знаменитом отрывке из работы «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» он противопоставит раздробленному и двоящемуся духу Европы отечественную устремленность к духовной цельности и единству как личного, так и общественного бытия³.

Отсюда ясен последний и, пожалуй, самый главный недостаток всей концепции немецкого мыслителя – ее последовательный и абсолютно несамокритичный *евроцентризм*. Он особенно явственно проявляется в следующем фрагменте ясперсовской работы, который полезно привести полностью, поскольку все, о чем пойдет речь в следующих параграфах данной главы, будет его прямым опровержением.

К. Ясперс пишет: «Если Западный мир вышел из глубин Азии, то он может быть воспринят как безмерно отважный порыв человека к свободе, который сначала сопровождается опасностью потерять душевное равновесие, а затем, будучи осознанным, – постоянной опасностью вновь погрузиться в глубины Азии. Эта опасность может осуществиться теперь в новых технических условиях, преобразующих и разрушающих в том числе и Азию таким образом, что исчезнет западная свобода, значимость личности, широта западных катего-

¹ Ну, чистейший даже не Аристотель с его мыслящим самого себя Божественным Интеллектом, а Гегель!

² Там же.

³ См. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 288-290.

рий, ясность сознания. Вместо всего этого утверждается вечное азиатское начало: деспотическая форма существования, отказ от истории, от принятия решений, стабилизация духа в азиатском фатализме¹. А далее и совсем уж откровенно: «Трехтысячелетняя история Китая и Индии также свидетельствует о многочисленных попытках выйти из зыбких глубин Азии. Речь здесь идет о явлениях универсального исторического процесса, а совсем не о своеобразии отношений Европы к Азии. Все это происходит и в самой Азии. Это – путь человечества к подлинной истории»².

Ясперса, который пишет, что «Азию рассматривают как воплощение некоего мифического принципа, который в ходе реалистического анализа распадается, переставая быть исторической реальностью»³, следует, по-видимому, понимать так, что Азия во всех своих государственных образованиях и во всех своих культурных обликах представляет собой нечто **внеисторическое и пространственно безжизненное**. Без животворного политического и культурного влияния Запада, некогда героически вырвавшегося на свободу, она фактически лишается какого-либо цивилизационного значения и своеобразия.

Понятно, что такой взгляд, особенно в нынешнюю эпоху глобального кризиса Запада и усиления позиций азиатских держав, прежде всего Индии и Китая, следует признать явно устаревшим. Однако для заслуживающей внимания историософской схемы важно **не только стремление к непредвзятому пониманию прошлого, но и к предвидению будущего**; знание не только того, что уже свершилось, а что предстоит свершить. Переходим поэтому к содержательному изложению историософских аспектов нашего синтетического цивилизационного подхода.

¹ Ясперс К. Указ. соч. С. 91.

² Там же. С. 92.

³ Там же.

§2. Троичный ритм мировой истории. Восток и биосферный мегавилизационный уклад

Выше мы отмечали, что во многих мифопоэтических моделях мира, а также в религиозных и философских традициях используется универсальный троичный классифицирующий принцип: Тело – Душа – Дух. Он позволяет с единых позиций – и весьма успешно – осмыслить явления самой разнообразной природы. Применительно к обществу, напомним, под Духом можно понимать сферу высших форм духовного творчества человека – философию, религию, науку и искусство; под Душой – сферу социальной жизни людей в виде производственно-экономических, политических, государственно-правовых, культурных и образовательно-педагогических институтов и отношений, а также тот огромный пласт душевных переживаний, страстей, идей и проектов, вне которых социальная жизнь человека невозможна; под Телом – область брачно-семейного, хозяйственно-бытового и технологического – витального – воспроизводства общественной и индивидуальной жизни.

Эти три иерархических уровня всегда присутствуют в любом общественном организме (в существовании семьи, рода, этноса, государства, цивилизации, культурно-географического мира), но их качества, удельный вес и функциональное значение существенно различаются в той или цивилизации или мегавилизации в тот или иной период истории.

Возникает вопрос: нельзя ли приложить этот троичный принцип структурного понимания общества и человека к анализу логики развития земной цивилизации и входящих в ее состав мегавилизаций? Не проходит ли человечество последовательно через этапы-циклы «телесной», «душевной» и «духовной» истории? Не случайно ведь троичный ритм мирового развития отмечался во многих учениях прошлого. Так, ряд мыслителей Просвещения (например, Ж.А. Кондорсэ и Дж. Вико) говорили о периодах детства, юности и зрелости человечества. Позднее отечественные и зарубежные сторонники цивилизационного подхода: Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев,

Л.Н. Гумилев, О. Шпенглер, В. Шубарт полагали, что любое цивилизационное образование, культурно-исторический тип или этнос обязательно проходят в своем развитии этапы зарождения, расцвета и упадка.

В гегелевской философии истории постулировалось следующее восходящее разделение: Восток – Греция и Рим – германский мир. Однако, вопреки гегелевской, откровенно европоцентристской позиции, что «всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно венец всемирной истории, а Азия ее начало»¹, В.С. Соловьев в работе «Россия и Вселенская Церковь» разывал идею о третьем, синтетическом периоде всемирной истории, когда раскол христианских Церквей будет преодолен в рамках всемирной теократии под политической эгидой русского императора и путь мирового Духа вновь повернет на Восток. «Глубоко религиозный и монархический характер русского народа, – писал В.С. Соловьев, – некоторые пророческие факты в его прошлом, огромная и сплоченная масса его империи, великая скрытая сила национального духа, стоящая в таком противоречии к бедности и пустоте его теперешнего существования, – все это указывает, по-видимому, что исторические судьбы судили России дать Вселенской Церкви политическую власть, необходимую ей для спасения и возрождения Европы и всего мира»².

О грядущей эпохе Духа и преображенном человеке говорили такие выдающиеся русские философы, как Н.Ф. Федоров в своей «Философии общего дела», П.А. Флоренский в «Столпе и утверждении истины», и Н.А. Бердяев в своем раннем «Смысле творчества». Мысли о высшем периоде развития земной цивилизации, отличающемся духовной утонченностью, высоким уровнем культуры и соборным социально-политическим единством, где России

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия истории. СПб., 1993. С. 147.

² Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь. URL: <https://predanie.ru/book/220950-rossiya-i-vselenskaya-cerkov/> (дата обращения 20.12.2024).

и другим народам Северной Евразии суждена высокая судьба, – высказываются в трудах индийского мыслителя Свами Вивекананды, в «Розе мира» Даниила Андреева, в учении «Живой Этики», данном через Е.И. Рерих. Выдающийся русский социолог Питирим Сорокин, в поле интересов которого находились и русский космизм, и естественнонаучная мысль, и индийский ведантизм, развил, как известно, учение о трех типах культуры – чувственной, идеациональной и интегральной. Они соотносятся в его онтологии с тремя аспектами «абсолютной реальности», которые, по его мнению, может воспринять человек – эмпирически-чувственным,rationально-разумным и сверхрационально сверхчувственным¹. И именно интегративному, синтетическому типу культуры, по мнению П.А. Сорокина, принадлежит будущее.

Попытаемся и мы, без детального обоснования и с учетом невозможности построения окончательных историософских схем, развить далее эту троичную логику рассмотрения всемирной истории.

Так, если совместить эмпирическое обобщение классика евразийства П.Н. Савицкого о неуклонном смещении культурных центров цивилизации из более теплых в более холодные области Земли² с идеей о закономерном прохождении человечеством трех важнейших этапов развития и наложить их на факт наличия трех основополагающих культурно-географических миров (Востока, Запада и Северной Евразии) как базовых единиц историософского анализа, то обнаруживается следующая **глобальная направленность исторического процесса: центр человеческой цивилизации спирально смещается с Юга на Север и с Востока на Запад евразиатского континента с новым восточным поворотом в сторону Северной Евразии.**

¹ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1993. С. 22-29. С. 33.

² Савицкий П.Н. Миграция культуры //Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 371-381.

Соответственно, есть глубочайший смысл в дивергенции первоначально единой земной цивилизации¹ на различные культурно-географические миры (мегацивилизации). Каждый из них развивает лишь ему присущие характеристики и решает свои, но общезначимые для всего человечества, задачи, в свой срок и на определенное время становясь центром-сердцем всемирной истории.

На уровне «телесного» этапа человеческой истории, начиная приблизительно с IV–III тыс. до н.э., такую лидирующую роль играют великие земледельческие цивилизации Востока, сформировавшиеся вблизи великих рек с традициями ирригационного земледелия, где своеобразными восточными «маяками духа» выступают сохранившиеся до сих пор древнейшие культуры Индии и Китая. Их исток – Хараппская цивилизация в долине Инда и цивилизация эпохи Шань-Инь в Китае с культурными центрами в среднем и нижнем течении реки Хуанхэ.

¹ Мы ограничиваемся здесь эмпирически известным периодом истории, начинающимся с цивилизаций Древнего Востока. При этом есть все основания предполагать, что им предшествовали какие-то высоко развитые цивилизации, о чем имеются свидетельства из самых разных источников. Так, цивилизации Египта могла предшествовать легендарная Атлантида. Греки в качестве родины Аполлона, принесшего им многие научные знания, указывали на северную Гиперборею. Родину индийской мудрости и ее прасимволических текстов, таких как Веды и Махабхарата, многие исследователи видят на севере – в приполярной Арктике. Легендарный китайский Хуан-ди (Желтый Предок, или Желтый Император), заложивший основы китайской государственности, принесший китайцам календарь, иероглифическое письмо и многие научные знания, жил, по данным мифологических источников, несколько сотен лет и имел связь с Небом, куда впоследствии его вознесли обратно огненные драконы. Гипотезу о существовании на Земле древних цивилизаций и великих пра-знаний активно отстаивала и обосновывала в своих работах наша выдающаяся и, к сожалению, цинично оклеветанная соотечественница Е.П. Блаватская. Тему высоких працивилизаций древности, оказавших определяющее влияние на становление восточных цивилизаций, мы здесь только обозначим, но подробно касаться не будем, ибо это уже совершенно другая область исследований, где именно археологам, антропологам и историкам должен принадлежать решающий голос.

В это время формируются основы **биосферного мегавиализационного хозяйственного и жизненного уклада**, элементы которого из жизни человеческой цивилизации не уйдут уже никогда. Для него характерно бытие в доминирующем *природно-телесном времени*, основанном на принципе тождества макро- и микрокосмов, где семейная, хозяйственная, социальная, да и государственная жизнь органически вплетены в биосферно-космические ритмы и зависимости: смену времен года, дня и ночи, рождения и смерти, цветения и увядания, посева и сбора урожая, весеннего рождения и осеннего забоя скота, разлива и падения уровня воды в реках, обеспечивающих ведение ирригационного земледелия, прихода сезонов дождей и сменяющих их засух. Пространство при биосферном укладе качественно неоднородно: в нем всегда есть центр и периферия, родовые святилища, города, пашни и кочевья, которым противостоят чужие, часто враждебные земли, грозящие вторжением врагов и натиском хаоса. Соответственно, и мир жестко делится на своих и чужих; на *исковых*, находящихся внутри круга, и *законных* жителях, находящихся вне рода-племенного и/или территориально-государственного круга. При этом восточные земледельческие цивилизации чаще всего не стремятся к внешним пространственным завоеваниям, охраняя свои границы от вторжения варваров, контролируя внутренние и внешние цивилизационные границы. У китайцев даже есть особый поэтический жанр, связанный с охраной и служением на западной границе. Его классический представитель – Гао Ши, выдающийся поэт эпохи Тан, многие годы проведший в Синьцзяне по долгу службы. Вот характерные темы и образы этого жанра, запечатленные в его стихотворении «В пограничной заставе слушаю напев флейты»:

«Чистый снег под варварским небом...
С выпаса кони вернулись.
Ясный месяц... Вдруг флейта степная
Там, в караульной башне.
Вот бы узнать: цветущие сливы

Где облетают сейчас?
Ночь напролет завыванием ветра
Полнятся горы окрест»¹

Основа хозяйственной жизни при биосферном укладе – земледелие и скотоводство с минимумом использования технических средств, с опорой на физические силы человека и животных, позднее – на энергию воды и ветра, вращающих колеса мельниц. Ближний и Средний Восток, Малая Азия, Индия и Китай – основные центры происхождения культурных растений и первых хозяйственных изобретений в виде плуга, гончарного круга, приспособлений для ткачества и хранения собранного урожая.

Человек Востока – это коллективный (семейный, родовой, кланово-кастовый, государственный) человек с доминирующими непосредственными жизненными связями между людьми и неразвитыми опосредованными (юридическими и экономическими) связями. Власть носит санкционированный высшими силами (Небом, богами) наследственный характер с патерналистским отношением властителя к подданным, который обязан заботиться о них, как о своих детях. Это особенно четко оформилось в китайской цивилизации и нашло отражение в таких, достаточно различных философских системах, как конфуцианство и даосизм. В «Дао дэ дзин» сказано: «Совершенномуудрый не имеет постоянного сердца. Его сердце состоит из сердец народа... Он смотрит на народ, как на своих детей»². Ему вторит «Лунь юй»: «Не делай людям того, чего не желаешь себе, и тогда и в государстве и в семье к тебе не будут чувствовать вражды»³. При этом государство на Востоке отличается жестким централизованным и часто деспотическим характером с развитой наследственной бюро-

¹ Постоянство пути: Избранные танские стихотворения. СПб., 2003. С. 215.

² «Дао дэ дзин» // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т.1. М., 1972. С. 129.

³ «Лунь юй» // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т.1. М., 1972. С. 160.

кратией, репрессивным аппаратом и низкой социальной (горизонтальной и вертикальной) мобильностью.

Огромную роль в существовании цивилизаций с биосферным мегацивилизационным укладом играет традиция, кастовое деление общества и ритуальные практики, помогающие поддерживать социальную иерархию и порядок, транслировать исторически накопленный хозяйственный, социальный и культурный опыт. Оборотной стороной господства традиции на Востоке является сопротивление инновациям, технический и культурный застой. Именно на этот момент в первую очередь обращали внимание европейские путешественники и исследователи.

В области духовной жизни основную роль играют религия и искусство с подчиненным характером науки и философии. Монополией на владение и передачу знаний обладает жреческое сословие. Духовную основу жизни восточных цивилизаций задают «осевые» (или прасимволические) тексты культуры со сверхличным смысловым содержанием, откуда впоследствии вытекает вся «река» данной культурной традиции. В «осевых текстах» в символической форме излагаются знания о Вселенной и месте в нем человека, о базовых ценностях и целях человеческой жизни. В Индии это уже упоминавшиеся выше «Веды» и «Бхагавадгита», в древнем Иране – «Авеста», в Китае – знаменитое Пятикнижие, где выделяется «И-цзин», китайская классическая «Книга перемен». Глубина этих книг обнаруживается лишь с ходом времени. Ныне они изучаются учеными и философами в самых разных странах, свидетельствуя, что наши предки что-то знали о мире глубже и лучше нас, самоуверенных сынов современной техногенно-потребительской цивилизации. Здесь достаточно вспомнить знаменитый «Гимн о сотворении мира» из индийской «Ригведы».

Восток (особенно Индия) всегда трепетно относился и относится к понятию Учителя, который приобщает ученика к самым важным и сокровенным знаниям и несет ответственность за его жизненный путь. В свою очередь, и ученик чтит учителя и несет перед ним нравственную ответственность. Цивилизации восточного культурно-географического мира,

особенно цивилизации Индии и Китая, вырабатывают очень важные принципы служения Высшим началам бытия, миротворчества, религиозной и этнической терпимости, отеческой заботы государственной власти о своих подданных и о социальном единении граждан, а также глубокие экологические и психологические знания, не утратившие своего значения и поныне¹. Это как бы *вечное и всегда живое духовное и научное наследие мегавиализации Востока*, к которому предстоит вернуться на новом уровне, о чем мы еще поговорим ниже.

Цивилизации Востока не остаются неизменными во времени: они или гибнут, как Вавилон и индийская Хараппа; или полностью меняются, теряя под влиянием пришедших захватчиков свои «осевые» тексты, социальное, государственное и культурное своеобразие, как Древний Египет; или, испытывая влияние других мегавиализаций, меняются, сохранив при этом черты идентичности и творчески воспроизводя на новом уровне какие-то свои базовые традиции, идеи и ценности, как Китай. А иногда, после столетий цивилизационного «самозабвения», они словно вспоминают свое великое историческое прошлое и начинают новую мегавиализационную жизнь, как это произошло с Индией в конце XIX века.

В бытии восточных цивилизаций есть свои «осевые» эпохи и выдающиеся личности, знаменующие вершины духовной истории человечества. Например, индийские традиции миротворчества, религиозной терпимости, государственного покровительства искусствам и наукам были заложены в эпоху Маурьев великим императором Ашокой. Впоследствии они воспроизведутся, испытав серьезное влияние эллинистических государств, в культуре Кушанской империи, империи Гуптов, а также в эпоху правления императора Акбара из династии Великих моголов и уже под сильным мусульманским влиянием. Более того, приобретении Индией независимости

¹ Здесь надо, конечно, различать идеально-эталонные представления и реальную историческую практику, которая от этих идеалов может быть довольно далека. Однако наличие высоких идеалов указывает цели, к которым следует стремиться, и задает основания для нравственной оценки и личного поведения и деятельности государства.

именно львы с капителями царя Ашоки и буддийский символ чакры (колеса с тысячей спиц) станут элементами государственной символики Индии. Миротворческие заветы великого императора до сих пор лежат в основе политики Индии¹.

Что касается Китая, то принципы китайской философии управления были заложены в древности, особенно в Ханьскую эпоху, с патерналистской философией императорского служения, с особой подготовкой чиновников и регламентацией их деятельности, с четкой организацией налоговой службы, армии, центральной и провинциальной власти. Важнейшей эпохой китайской имперской государственности с колossalными политическими, хозяйственными и культурными достижениями стала эпоха Тан, когда ханьские традиции государственного управления не просто наследуются, но творчески развиваются. В этот период основоположником танской династии императором Тай-цзуном, не без влияния миролюбивой буддийской философии царя Ашоки, о которой Тай-цзун знал из личных бесед с выдающимся буддийским философом и путешественником Сюань-цзаном², проводится качественно новая политика в отношении кочевых народов. Тай-цзун сам характеризует ее так: «Ханьский У-ди в течение более тридцати лет проявлял предельную воинственность. Но приобрел он немного. Разве можно сравнить его достижения с сегодняшним днем, когда варваров умиротворяют с помощью добродетели-дэ и добиваются, что население бесплодных земель превращается в податное сословие»³.

¹ Более подробно эта культурная эстафета миротворчества, религиозной и культурной терпимости, готовности к творческим культурным заимствованиям в жизни индийской цивилизации рассмотрена в коллективной монографии: Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии. Барнаул, 2017.

² Сюань-цзан оставил объемистый труд под названием «Записки о западных странах периода великой династии Тан», где содержались сведения о 128 государствах и образе жизни населяющих их племен.

³ Цит. по кн.: Попова И.Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999. С. 205-206.

К периоду правления танской династии относятся первые образцы китайских печатных книг и первые энциклопедии, дающие чиновнику минимум знаний по предмету его непосредственной деятельности. В это время создаются первые резные лаковые изделия, которые впоследствии будут пользоваться спросом по всему миру, знаменитый китайский фарфор, практически все классические жанры живописи от портрета до монохромного пейзажа, а также городской театр, новые скульптурные и архитектурные формы. Эта эпоха дала плеяду великих поэтов Китая – Ли Бо и Ду Фу, Мэн Хао-жаня и Ван Вэя. В этот же период переживает расцвет буддийская пластика, и строятся знаменитые китайские скальные монастыри. Эпоха Тан с ее взлетами и падениями навсегда останется для китайской культурной традиции «осевой», служащей не просто образцом для творческого государственно-политического подражания, но и предметом бесконечного литературного, философского и художественного осмысливания¹. Кстати, искренне благожелательному и отеческому отношению к не-ханьским народам, позволившему танскому Китаю фактически «укротить» кочевую Великую степь, можно было бы поучиться и современным правителям Поднебесной.

Возвращаясь к направленности мировой истории, отметим, что трехчленная иерархичность взаимоотношений между культурно-географическими мирами как бы воспроизводится в каждом из трех больших циклов. Если Китай и Индия воплощают вершины духа на «телесном» этапе мировой истории, то Запад в лице культур средиземноморского региона, в первую очередь Греции, уже проявляет зримые черты «душевно-социальной» динамики и мобильности, стремления к пространственному расширению своего цивилизационного влияния и к неизбежному ускорению темпов бытия в стихии социального времени.

¹ Более подробно об эпохе Тан как осевой эпохе именно «духовной истории» человечества см. в указанной выше монографии «Скрижали метаистории...»

Лесные и степные пространства Северной Евразии в этот период выступают своеобразным «телесно-этническим котлом» всемирной истории, ареной бесконечной борьбы локальных лесных и арктических субцивилизационных общностей за наиболее благоприятные биосферные территории, а кочевых народов – за формирование больших кочевых союзов и империй (скифов-сарматских, гуннских, тюркских, монгольских), с одной стороны, угрожающих с севера восточным и западным земледельческим цивилизациям, в силу чего кочевники воспринимаются ими как зло, как наказание Божие; а с другой – выполняющих роль культурных посредников, медиаторов между мегацивилизациями Востока и Запада, особенно в условиях оформления сухопутных мегацивилизационных коридоров, прежде всего, различных веток Великого шелкового пути.

Особое положение занимают территории Средней и Центральной Азии, где в оазисах типа Ферганской долины или Турфана возникают земледельческие поселения и торговые центры с развитой культурой. Они образуют опорные точки широтных и меридиональных мегацивилизационных коридоров, являются местом активного межкультурного диалога между странами Востока и кочевниками Северной Евразии, а потом – между Востоком, Северной Евразией и Западом.

§3. Запад и этапы формирования техносферного мегацивилизационного уклада

Начиная с античности, центр мировой истории, вступившей в фазу «социально-душевной» эволюции, все больше смещается на Запад, который на этой стадии обретает и духовное лидерство через научные, художественные и философские достижения, а также новые формы религиозного творчества. Начинается **постепенное формирование техносферного мегацивилизационного уклада**. Техносфера, сначала медленно, а потом все быстрее и радикальнее, подчиняет себе и преобразует всю земную биосферу, а Запад, опира-

ясь на нее, завоевывает весь остальной мир. Тут можно согласиться с К Ясперсом, писавшим, что «наука и техника возникли у романо-германских народов. Тем самым эти народы совершили исторический прорыв. Они положили начало подлинно мировой, глобальной истории человечества»¹.

Становление техногенной мегавилизации Запада, в свою очередь, проходит через ряд циклических стадий, хорошо известных, в силу чего мы остановимся на них прецельно кратко, выделяя лишь «осевые» эпохи, события, открытия и имена. Отметим, что развитие Запада также осуществляется как бы по спирали, испытывая сильное воздействие со стороны других мегавилизаций и пограничных (фронтовых) цивилизационных образований различного этнокультурного и религиозного характера.

Исток Запада – греческий *научно-философский и демократический Логос*, «осевой» эпохой и символом которого является «золотой век» Перикла. Грекам мир обязан четким различием эпистемы и доксы, то есть доказательного знания и мнения; стандартами рационального научного и философского текстов; зачатками научных школ и ключевых конструктивных научно-философских парадигм (платоновско-пиthagорейской, демокритовско-эпикуревской и аристотелевской); высокими художественными и литературными образцами, символами которых являются Парфенон, статуи Мира и Праксителя, драмы Еврипида и Софокла. Но от греков идет также чисто европейское жесткое деление мира на метрополию и колонию, просвещенных европейцев и варваров, свободных граждан и рабов, которые являются аристотелевскими «говорящими животными». Греки повсюду утверждают дух «агона» – непримиримой борьбы и соревновательности, который, в конце концов, сыграет с ними злую шутку.

«Оевые» культурные события, символизирующие упадок классической полисной античности и начало эпохи эллинизма, а потом и закат всего античного мира, – это сначала учреждение Александрийской библиотеки Деметрием Фалер-

¹ Ясперс К. Указ. соч. С. 85.

ским, переселившимся из Афин в Александрию в 307 г. до н.э. по приглашению просвещенного правителя Египта Птолемея Сотира¹, а потом убийство в Александрии толпой разъяренных христиан философа-неоплатоника и математика Гипатии в 415 г. н.э. Основной фонд Александрийской библиотеки горел несколько раз и был окончательно уничтожен, по ряду свидетельств, во время захвата и разграбления этого важнейшего центра античного Логоса войсками императора Диоклетиана в 298 г. н.э. Библиотека и Мусейон, который действовал при Александрийской библиотеке и может считаться прообразом будущих научно-исследовательских институтов – это осевые духовные символы мегавилизации Запада, ее важнейший вклад в духовную сокровищницу человечества.

О том, какое влияние оказала эллинистическая культура Запада – ее религии, наука, скульптура и архитектура – на Малую Азию, Северную Африку, Иран и Индию, мы писали выше². Но впоследствии налицо и обратное сильное влияние Востока на Запад, особенно со стороны Кушанской империи на Римскую империю, преимущественно на ее восточные провинции. Это касается в первую очередь архитектурной и художественной традиций³.

В отличие от Греции, Рим воплощает не теоретический научно-философский, а *хозяйственный и государственно-правовой Логос* западной мегавилизации, развивая, в противовес греческим теоретическим (умозрительным) наукам –

¹ Именно с Александрийской библиотекой и деятельностью Мусейона связано превращение науки из греческой в наднациональную, отделение наук от философии параллельно с дифференциацией самой науки (математики с астрономией, географии, медицины, филологии и истории), а также начало формирования профессиональных научных сообществ.

² Символом плодотворности синтеза греческой и индийской скульптурных и архитектурных традиций стало искусство Гандхары, местности на северо-западе Индии в I–III в. н.э., где в образах будд и бодхисаттв явно проступают черты греческой пластики.

³ Культура Древнего Рима в 2-х т. Т.1. М., 1983. С. 408-410.

практические науки (медицину, строительство, земледелие, военное дело)¹. Без римских дорог, акведуков и построенных римлянами городов, первоначально в форме военных лагерей, представить себе западную мегавилизацию невозможно. Риму Европа обязана культом формального права как основы рациональных опосредованных связей между людьми, социальными группами и народами; а также жестким разграничением граждан государства, обладающих всеми его правами и привилегиями, и не-граждан, варваров, находящихся за границами Pax Romana (римского мира). Рим с его верой во всесилие организационных начал и стремлением ко всеобщему порядку мыслился его гражданами не только как эталонное воплощение разумного государственного устройства, но и как совершенное отражение общей разумной гармонии мироздания. Эта общеримская мировоззренческая максима воплотилась в следующих исповедальных словах выдающегося римского правителя Марка Аврелия: «Каждому полезно то, что согласно с его строем и природой. Моя природа – существа разумного и гражданственного. Для меня как Антонина, град и отечество – Рим, как человека – мир. И только полезное этим двум градам есть благо для меня»².

Очень сильной социальной идеей, цементировавшей Рим, был культ двух гражданских страт – свободного крестьянина, который кормит республику, а потом и империю, и легионера-солдата, который ее защищает и пространственно расширяет. Очень показательную фразу о крестьянине написал крупнейший теоретик и практик римской аграрной науки Марк Порций Катон: «А из земледельцев выходят самые верные люди. И доход этот самый чистый, самый верный и вовсе не вызывает зависти, и люди, которые на этом деле заняты, злого не умышляют никакого»³. Такого уважения к крестьянскому труду и к защитникам отечества, поставляемым крестьянами, поздний Рим лишится. Солдат станет не слу-

¹ Там же. С. 250-251.

² Марк Аврелий. Размышления. Магнитогорск, 1994. С. 121.

³ Марк Порций Катон. Земледелие. СПб., 2008. С. 7.

жить Риму и его государственной идее, а руководствоваться своим собственными интересами, утверждая и свергая императоров; а свободный крестьянин будет заменен крупным землевладельцем с рабским трудом на латифундии или арендатором земли колоном, который впоследствии будет закрепощен и феодально прикреплен к земле.

Рим передаст государственную, а Греция – культурную эстафету Византии (Восточной Римской империи), где будет два государственных языка (латинский и греческий), а деление на своих (граждан) и чужих (варваров) пройдет уже не по гражданско-территориальному принципу, а по принадлежности к христианской Церкви. «Осевым» символом имперской мощи и культурных высот, достигнутых Византией, станет воздвигнутый при императоре Юстиниане собор Святой Софии. Его высоту и радиус купола, свыше 30 м в диаметре и свыше 50 м по высоте, только спустя почти тысячелетие сможет превзойти храм Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции, построенный Ф. Брунеллеске и ставший символом научно-технического европейского гения уже эпохи Возрождения.

Христианство принесет в мир идею равенства всех людей перед Богом, но воля императора, поставленного во главе государства промыслом Божиим, будет носить в Византии абсолютный характер. Даже церковная власть, вопреки мифу о симфонии властей, всегда будет зависима там от власти светской. Длительное историческое существование Византии, ее пограничное положение на пересечении мегавилизационных (широтных и меридиональных) коридоров между Западом, Северной Евразией и Востоком, где к культуре практических знаний Западной Римской империи, философским и научным знаниям эпохи эллинизма, добавится еще и культ книжной христианской учености¹, – позволило этой великой империи оказать огромное цивилизационное влияние и на арабскую цивилизацию, и на только-только рождающуюся –

¹ В силу этого не будет ошибкой считать Византию *гуманитарным Логосом Запада*.

новую и загадочную – северную державу под названием Русь, и обратно, уже на средневековый христианский Запад.

Пограничное положение Византии на пересечении различных времен и пространств тонко подметил в своей известной работе С.С. Аверинцев, завершая ее такими словами: «Если мы назовем раннюю Византию “пограничным” явлением, это будет верно как по отношению к пространственной границе, разделившей балкано-италийский Запад и анатолийско-левантский Восток, так и по отношению к временной границе, разделившей античность и средневековье. Византия осуществила себя как частичное снятие и той, и другой границы; это был взаимопереход Греции и Азии, осложненный взаимопроникновением классического преемства и новизны»¹.

Еще более эта пограничность и влияние на окружающие народы видна в жизни поздней Византии. Без византийского культурного влияния не было бы ни подъема арабской культуры при династии Аббасидов в IX веке н.э.², ни великого взлета арабской науки конца X – начала XI веков во времена

¹ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 262.

² При дворе аббасидского халифа аль-Мамуна в Багдаде был создан знаменитый «Дом мудрости», объединявший видных ученых тогошнего исламского мира. Они составляли изысканную застольную компанию халифу, где обсуждались религиозные, философские и политические вопросы. При «Доме мудрости» была собрана богатая библиотека. Большой штат переводчиков занимался переводами на арабский язык трудов античных и эллинистических авторов – Платона, Аристотеля, неоплатоников. Аль-Мамун специально отправлял экспедиции в Константинополь для поиска, снятия копий и покупки древних греческих рукописей. Здесь же трудился первый самобытный философ арабо-мусульманской философской традиции – великий Аль-Кинди. См. более подробно о деятельности «Дома мудрости» Аль-Мамуна в книге: История арабов и халифата (750–1517). М., 2001. Здесь, если посмотреть на это «осевое» явление с точки зрения духовной истории, несомненна преемственность «Дома мудрости» с деятельностью афинского кружка Перикла, куда входили Фидий и Анаксагор, а также с работой Александрийской библиотеки с Мусейоном, где вместе работали и были связаны дружескими узами гении эллинистической науки – Архимед и Эратосфен.

династии Саманидов (819-1005 гг.), ведущей свое происхождение от древних иранских царей и возродившей богатое персидское культурное наследие. Как пишет известный американский специалист по истории и культуре Ирана Р. Фрай, именно во времена династии Саманидов «новоперсидский стал... наряду с арабским, языком ислама, да и сам ислам намного перерос свою арабскую основу, превратившись в многонациональную и многоязычную культуру и религию»¹.

Здесь при дворе просвещенного саманидского владыки Хорезма Али бин Маймуна суждено было в течение небольшого периода времени (с 1002 по 1008 годы) совместно творить двум величайшим гениям человечества – Абу Али Ибн Сине (Авиценне) и Абу Рейхану Бируни². Труды Авиценны и Бируни, равно как и труды других выдающихся арабомусульманских философов, математиков и астрономов окажут огромное влияние на становление средневековой европейской философии и науки через посредство в первую очередь Кордовского халифата, оккупированного Испанию. В частности, Авиценна будет любимым ученым и философом

¹ Фрай Р. Наследие Ирана. М., 2002. С. 344.

² Показателен перечень произведений Бируни, которые впоследствии принесли ему всемирную славу – «Хронология», «Минералогия», «Фармакогнозия», «Тахдид» (геодезия), «Тафхим» (астрономия), «Памятники минувших поколений» и, быть может, самое гениальное его произведение – «Индия», где он, будучи уже пожилым человеком, сумел оставить энциклопедическое исследование всех сторон жизни тогдашней Индии. В свою очередь. Авиценна, считавший себя учеником Бируни и всегда с благодарностью вспоминавший о совместно проведенных с ним годах, оставит потомкам свою важнейшую философскую «Книгу исцеления» и грандиозный многотомный «Канон врачебной науки», по которому европейские медики будут учиться еще и в XVII веке, а также другие открытия и изобретения. О том, насколько сам Авиценна осознает себя духовно связанным с христианской традицией, свидетельствуют его собственные поэтические строчки: «Из дома чуть свет я уйду за высокой звездой, / Уйду от сует, что меня окружают ордой. / Оставил одежду в руках материнских уйду я, / Чтоб, как Иисусу, омыться святою водой» (Золотая поэзия Востока. Симферополь, 2001. С.235).

Роджера Бэкона – одной из «осевых» фигур европейского Средневековья, заложившего основы не только экспериментальной, но и гуманитарной европейской науки, причем не без прямого влияния гения мусульманского мира¹.

Однако и сама Византия окажет огромное культурное влияние на становление и средневековой, и возрожденческой европейской учености, ибо из пределов Византии на Запад под угрозой оказаться под властью мусульманских (сначала арабских, а потом и тюркских завоевателей) будут уезжать выдающиеся византийские богословы и учёные. Одним из них станет грек Михаил Триволис, получивший сначала прекрасное возрожденческое образование в Италии в конце XV – начале XVI в., а потом вернувшийся из Италии в Грецию и принявший на Афоне монашеское служение. Ему впоследствии будет суждено по княжескому приглашению поехать в Москву для исправления русских богослужебных книг и закончить там жизнь под именем Максима Грека. Он, как «осевая» фигура русской духовной истории, свяжет восходящую российскую цивилизацию Северной Евразии с двумя духовными – восточным и западным – центрами европейского культурно-географического мира.

Ранее самый могучий духовный импульс из Византии Русь получит от Солунских братьев Кирилла и Мефодия. От них она воспримет и кирилло-мефодиевскую богословско-философскую традицию с явным тяготением не к Аристотелю, а к Платону, не к исихастской мистике, а к духовному умозрению²; и особое почитание Софии-Премудрости Божи-

¹ См. об этом подробнее в содержательной статье: Горелов А.С. Философия Роджера Бэкона и ее место в истории европейской культуры // Бэкон Р. Избранное. М., 2005.

² Глубокое обоснование этой линии русского духовного преемства от Византии дано в работах В.В. Милькова. См.: Мильков В.В. Кирилло-мефодиевская традиция и ее отличие от иных идеино-религиозных направлений // Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997. Позднее автором даже был предложен специальный термин для выделения философского своеобразия этой философской линии – «ноуменальная философия». См. Мильков В.В. Ноуменальная философия

ей; и, наконец, церковно-славянскую азбуку, которую можно рассматривать как отечественную пра-символическую систему¹, где за феноменальными начертаниями (графемами), звучанием (фонемами), смыслами (семемами) и числовыми значениями букв церковно-славянской азбуки, за последовательностью их ритмического развертывания и структурными соотношениями открывается (действительно, ноуменально!) иная, нежели субъективно-человеческая, смысловая реальность, приоткрывающая завесу над тайнами развертывания и Космоса, и индивидуальной человеческой души. Эти смысловые тайны церковно-славянской азбуки, завещанной нам византийскими гениями, еще предстоит разгадать.

Однако вернемся к мегацивилизации Запада, но уже к средневековой – католической и латиноязычной, которая вносит свой важный вклад в развитие ее техносферного цивилизационного уклада. Символы католической Европы – «пламенеющие» готические соборы, подчеркивающие приоритет самозабвенного устремления души к горнему миру, и стоящие рядом с соборами на центральных площадях средневековых городов здания университетов. Именно университет и систематическое университетское образование – *университетский Логос* – не только станут главным вкладом средневековой Европы в ее будущее мегацивилизационное доминирование, но явятся еще одним ее важнейшим вкладом в сокровищницу мировой культуры.

Университет (наряду с библиотекой, музеем, театром и монастырем) – это один из важнейших оплотов духовного существования человека и духовной линии мировой истории. Любопытно, что рядом с бунтарем и экспериментатором Р. Бэконом – «удивительным доктором», для которого религия не может существовать без опоры на научные исследова-

и Древняя Русь. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. №4(24). С. 15-22.

¹ О пра-символах очень точно сказал П.А. Флоренский, что это «отверстия, пробитые в нашей субъективности» (Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т.2. М., 1990. С. 344).

ния, ибо даже святые способны ошибаться¹; на университетской кафедре стоит его полная противоположность – «кангельский доктор», член доминиканского ордена Фома Аквинский, который воплощает европейский дух глубочайшей интеллектуально-метафизической систематичности и синтетичности. Для него религиозная вера вполне может быть согласована с логической аргументацией, а догматическое богословие – с естественным богословием, основанным на свете разума, которое следует рассматривать «как часть философии»². Линия Фомы Аквинского, как бы духовно наследующего в Средние века систематичность философского мышления Аристотеля, готовит почву для будущих великих системотворцев-метафизиков Запада типа Спинозы, Канта и Гегеля³.

Понятно, что европейское Средневековье, особенно позднее – это также время иррационального поиска ведьм, инквизиции, папских индульгенций и крестовых походов, которые во многом продолжают шествие римских легионов на Восток с целью завоеваний и грабежа. Однако европейский дух рождает в это время и выдающегося представителя религиозного *Логоса*, имя которому – Франциск Ассизский⁴.

¹ Вот как высказывает францисканский монах Р. Бэкон эту совершенно крамольную по средневековым меркам мысль: «...Мы можем собрать из книг святых бесчисленное множество... высказываний (как относящихся к предмету спора, так и связанных со [взаимными] обидами), которые показывают, что в их знаниях многое [было при-внесено] человеческой слабостью, из-за которой они утверждали то, что не должны были бы утверждать. Но ясно, что они делали это не на основании точного знания; следовательно, [на основании] кажущегося и выносили заключения в соответствии с ним» (Бэкон Р. Большое сочинение // Р. Бэкон Избранное. М., 2005).

² Святой Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть первая. Вопросы 1-64. М., 2006. С. 4.

³ А вот философскую европейскую линию Р. Бэкона продолжат Николай Кузанский, Лейбниц и Гете. Правда, Николай Кузанский гениально синтезирует в своем творчестве обе линии, идущие и от Р. Бэкона, и от Аквината.

⁴ Его жизни посвящены прекрасный трактат английского писателя Г.К. Честертона «Святой Франциск Ассизский» и одноименная поэма Д.С. Мережковского.

Для русских православных людей этот западный святой был и остается наиболее любимым из всех, так как в условиях засилья католического начетничества и лицемерия, насилия и грубости нравов он воплощает истинный дух христианской любви, нестяжательства и миротворчества, бескорыстного служения людям. Со своей евангельской проповедью любви и братского единения людей он добирается до самого султана Саладина, противостоящего крестоносцам, и произносит перед ним миротворческую проповедь, настолько поразив того своим обликом и речью, что могущественный султан даже снаряжает отдельный корабль для отправки правдолюбца назад в католическую Европу.

Влияние францисканской проповеди оказало на европейский мир влияние, выходящее далеко за рамки религии и Церкви, став очень важным источником эпохи Возрождения. Францисканцы вели свою проповедь везде, где только это было возможно, донося Слово Божие на городской площади, рынке, в селе или у лесного костра до торговцев и крестьян, разбойников и язычников. Последователи Франциска не знали понятия земного дома, они несли дух странничества и непривязанности, буквально воплощая евангельскую максиму, что «дух дышит, где хочет». Странствующие францисканцы-пилигримы собирали знания о быте и верованиях разных народов, разведывали старые караванные пути и прокладывали новые культурные тропы. Их пути шли на Русь и в страны арабского Востока. Они были абсолютно нищими – и их не грабили разбойники; они не интересовались политикой – и их не трогали власти предержащие. Более того, власть начинала их слушать. Французский король XIII века Людовик Святой щедро жертвовал монастырям и бедным, строил больницы и покровительствовал Парижскому университету. Францисканцы, следуя заветам своего основателя, проводили линию любовного и братского отношения ко всему живому, фактически заложив основы экологической политики в Европе. Под их влиянием отProvанса до Словении, прокатилась волна законодательных актов по сохранению рощ и лесов. Огромное влияние Франциск и его последователи оказали

также на научную, литературную и художественную жизнь Европы, в частности, на Данте и Джотто. Франциск и его проповедь – важнейшая веха духовной истории человечества, к сожалению, почти подвергнутая забвению современным атеистическим и потребительски ориентированным сознанием Запада. Думается, что к заветам и святыням Ассизи, где покойится великий католический святой, Европе еще предстоит вернуться.

Обратимся теперь к эпохе Возрождения. Здесь есть свои гениальные духовные светочи, как Леонардо да Винчи и упоминавшийся выше Николай Кузанский. Последний как бы диалектически перенимает эстафету от своих противоположных средневековых предшественников, органически соединяя в себе и научно-экспериментальный гений Р. Бэкона, и систематичность метафизического мышления Фомы Аквинского. Великий кардинал выскажет идеи, предвосхищающие многие европейские гуманитарные, естественнонаучные и философские открытия будущего: о том, что христианство и ислам есть лишь разные пути к одному и тому же Богу, а потому должны мирно сосуществовать, а не враждовать; об отсутствии во Вселенной центра, который каждый раз будет совпадать с позицией наблюдателя; о переходе противоположностей друг в друга при доведении одной из них до предела; о существовании в Космосе множества мыслящих миров¹. Труды великого кардинала, жившего в первой половине XV века, вскоре забудут, а заново откроют только в конце XIX века и поразятся широте и глубине высказанных им идей.

Духовная история знает не только непрерывные эстафеты, но и забвение. Зато тем удивительнее и резонанснее оказываются вновь открываемые «осевые» события, творения и лики духовной истории человечества. А вот от большинства персонажей профанной истории, по меткому, хотя и грубова-

¹ Со взглядами одного из авторов на творчество Н. Кузанского можно ознакомиться в указанной выше книге: Наука и религия: нераздельность и неслиянность. С. 221-261.

тому, высказыванию другого гения эпохи Возрождения – Леонардо да Винчи – «остаются лишь переполненные нужники».

Дух эпохи Возрождения, устремленного к открытиям новых земных и духовных горизонтов, очень ярко воплощает жизнь великого европейского странника Марко Поло (1254–1324), от которого, по счастью, до нас дошло описание его путешествия ко двору монгольского императора Хубилая в Китае и служения при его дворе. Труд исключительно ценен тем, что в нем впервые, несмотря на все неточности, дано описание сухопутного мегацивилизационного коридора между Востоком и Западом с упоминанием русских земель, а также морского мегацивилизационного коридора между Китаем и Ираном. Книга Марка Поло стала как бы культурным прологом и путеводной картой эпохи великих географических открытий, а их техническое основание образовали масштабное использование компаса и астролябии, барометра и часов, географической карты с меридианами и широтами, а также печатной книги. В этом смысле эпоха Возрождения воплощает уже собственно *технический Логос Запада*, обеспечивший его мировое политическое лидерство и духовное господство. Правда, в это время кристаллизуются и *три анти-Логоса западной мегацивилизации: индивидуалистический, потребительски-гедонистический и финансово-ростовицкий*¹, которые во многом и приведут мир к нынешнему глобальному цивилизационному кризису.

По мере кристаллизации основных ценностей и жизненных установок техногенно-потребительской цивилизации

¹ Богатый материал о смене жизненных установок в эпоху Возрождения, где начинают открыто торжествовать гедонизм, алчность и политическое своеволие, приводит в своем классическом труде Я. Буркхардт (Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М., 1996). Предельно жестко фиксирует эту «обратную сторону титанизма» А.Ф. Лосев: «Всякого рода разгул страстей, своеволия и распущенности достигает в возрожденческой Италии невероятных размеров» (Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1982. С. 122). В эпоху Возрождения впервые появляются полноценные банки, причем банкирской была и знаменитая флорентийская семья меценатов Медичи.

Запада, его превращения в политического и духовного мирового лидера – территории глобального Юга и Востока превращаются в «**колониальное тело**» европейской мегавилизации, а набирающая силы Северная Евразия постепенно становится **движущей Душой** этого нового мироустройства на его континентальном пространстве. Здесь формируются новые этнокультурные, религиозные и имперские цивилизационные общности (типа монгольской империи Чингисхана), которые уже не просто связывают воедино мегавилизации Запада и Востока, но бросают им успешный вызов в лице готов, гуннов, тюрков, империи монголов, а потом и Руси-России. Попытки Европы превратить пространства и народы Северной Евразии, прежде всего Русь и восточное славянство, в свои послушные колониальные владения, оказываются безуспешными, а вот со стороны Великой степи и Великого северного леса на Западную мегавилизацию обрушаются мощные geopolитические удары, которые сначала, в качестве внешнего фактора, сокрушат западную Римскую империю («великое переселение народов»), потрясут до оснований средневековую христианскую цивилизацию Запада (монгольское нашествие XIII века), а потом в лице Османской империи в XV веке уничтожат Византию.

С IX века в качестве пока еще не культурной и не духовной, но именно *душевной – социально-политической и военной – стихийной силы* на историческую арену выйдет и славяно-варяжская лесостепная Киевская Русь с походами Олега и Святослава на Византию и территорию Балкан, с уничтожением Хазарского каганата, с отражением набегов и выстраиванием сложной системы взаимоотношений с многочисленными северными лесными и степными субцивилизационными образованиями. Так будет расти и набираться сил новая русско-российская, полигэтничная и поликонфессиональная цивилизация, получив главный культурный импульс от клонящейся к закату Византии.

Любопытно, что сегодня мы видим новый и, возможно, финальный аккорд нового наступления Востока и глобально-го Юга на Запад в виде массовой миграции их населения по

проторенной мегаивилизационной дороге с юга на север и с востока на запад, который ряд исследователей не без оснований называют *контрколонизацией*. Обострение расовых противоречий в США – звено той же самой цепи, свидетельствующее о близящемся закате западной мегаивилизации, на чем мы еще специально остановимся в следующей главе.

Возвращаясь к начавшему глобально господствовать с эпохи Возрождения **техносферному мегаивилизационному укладу**, можно выделить его следующие системообразующие черты. В отличие от Востока, для Запада характерно бытие в доминирующем *социальном времени*, носящем не циклический, а линейный и необратимый характер. Здесь уместен образ не «колеса», а «реки» или «потока» времени в виде бесконечной череды конфликтов и войн, государственных интриг и социальных преобразований, научно-технических изобретений, достижения общественных и личных политических, социальных и профессиональных целей. Человек из биосферного и духовного существа все более превращается в существо экономическое и политическое, а на смену непосредственным связям с другими людьми (семейным, родовым, соседским, дружеским, духовным) все больше приходят связи опосредованные – юридические, коммерческие и финансовые.

Критерием жизненного успеха здесь выступают или успешная карьера, связанная с возможностью удовлетворения властных амбиций; или материальное богатство со всеми соответствующими потребительскими атрибутами; или же карьера научная и творческая, но при этом с обязательной «вещно-предметной» самореализацией в виде защищенной диссертации, изданной книги, снятого фильма, построенного здания и т.д.

Дух здесь все более подменяется калькулирующим интеллектом, горнее подчиняется земному, и начинает доминировать дальнее, горизонтальное измерение человеческого бытия с утратой высших смыслов, идей и ценностей. В духовном плане со второй половины XIX века на Западе начинают господствовать атеистическая наука; материалистически,

конструктивистски¹ или позитивистски ориентированная философия.

Европейский культурно-географический мир антропоцентричен и рационалистичен, отличается конкурентно-конфликтной социальной и политической ментальностью (наследие греческого «агона»). Общественное бытие основано на индивидуализме и на сдерживающих его (до поры до времени) демократически-правовых институтах.

Запад, при всем многообразии его существующих и существовавших цивилизационных типов (от греческого и римского до англо-саксонского), является воплощением «горячего» антитрадиционистского общества с ориентацией на самоценное материальное богатство, военно-политическую экспансию и цивилизационное господство. Несмотря на облагораживающее двухтысячелетнее духовное влияние христианства, его благая весть в потоке социального времени становится все более призрачной. Оно все более приспосабливается для оправдания рождающего социально-политического и экономического «эго». Протестантизм есть фактически если и не язычество, то, по крайней мере, сильнейшее ветхозаветное «оплотняивание» горней Христовой вести.

Парламентская партийная демократия с господством теневых финансовых элит и лишь создающая видимость народовластия, – это политическая «вершина» Запада. Капитализм с хозяином и эксплуатируемыми наемными рабочими, с делением мира на западную метрополию и остальной мир как реальную или потенциальную колонию – это, по-видимому, его социально-экономическая «вершина».

Что же касается собственно техносферы, то это опора на искусственно проявленные силы природы (пар, электричество, атомная энергия) и экспансию машинной техники во все сферы человеческой жизни. Вечно работающий гаджет перед глазами современного человека (сконструированная им

¹ Как в неокантианстве или феноменологии.

же самим и для самого себя платоновская «пещера») – это технологическая «вершина» Запада. Теперь практически все духовные ценности (содержание библиотек, постановки театров, экспозиции музеев, университетские лекции и проповеди священников) даны в интернет-пространстве. Теперь можно вообще жить, не выходя из дома: по интернету заказывая пищу, получая медицинские рекомендации, общаясь с друзьями и близкими. Это прямо-таки *апофеоз европейского принципа автономии личности и опосредованных связей с другими людьми*.

Гей-парады и третирование нормальной двуполой семьи – это предел западного, сугубо индивидуалистического и потребительского понимания свободы, которое Н.А. Бердяев справедливо называл «детским».

В XIX – начале XX века Европа еще вспоминает свою духовную историю: с почитанием героев у Т. Карлейля, с трактатами Г.К. Честертона о Франциске Ассизском и Фоме Аквинском, со «звездными часами» человечества С. Цвейга. Со второй половины века ХХ в моду входит сначала бытовая история, а потом история различных культурных маргинаций типа безумия, проституции и тюрем, как в философии постмодерна.

Это, естественно, не означает, что на Западе не было и нет сил, которые бы противостояли его духовному упадку и «телесному» одичанию. Тут можно вспомнить имена выдающихся социальных философов и философствующих ученых, например, Э. Фромма и К. Лоренца; писателей, таких как Г. Гессе, Дж. Толкиен или К.С. Льюис; художников Ван Гога и Альбера Марке, кинорежиссеров Чарли Чаплина и Федерико Феллини, однако они не смогли совладать с общим нарастающим цивилизационным упадком Запада, оставаясь теми вехами и вершинами его духовной истории, на которые, смеем надеяться, предстоит равняться уже будущим политическим деятелям и культурным творцам духовно пробуждающейся Европы.

§4. Северная Евразия и контуры ноосферного мегацивилизационного уклада

Кризис техносферного мегацивилизационного уклада Запада начинает явственно проявляться со второй половины XIX века и продолжается до сих пор. Он имеет своих великих диагностов позапрошлого века на Западе в лице, прежде всего, К. Маркса и Ф. Ницше, но не менее, а, пожалуй, и более глубоких его аналитиков дала именно Россия. И не просто аналитиков, а тех гениев, которые в той или иной мере очертили контуры нового спасительного мегацивилизационного уклада, дорогу к которому призвана проложить как раз российская цивилизация, располагающая для этого адекватными пространственно-природными, культурными и идеяными ресурсами. Эти имена критиков Запада и их идеи хорошо известны: славянофилы, В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров, К.Н. Леонтьев, Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский. Достаточно панорамный и объективный обзор русского мировоззрения с комплексом устремленных в будущее идей представлен в коллективной работе группы философов, осуществленной под эгидой Изборского клуба¹.

К нашему глубокому сожалению, в этот обзор, да и вообще в поле зрения историков русской философии, не попадает наша выдающаяся соотечественница Е.П. Блаватская, которая еще в середине XIX века подвергла жесткой критике потребительскую цивилизацию Запада, ее материалистически и позитивистски ориентированные науку и философию, погрязшую в предрассудках и догмах Церковь, а также европейскую колониальную политику. Благодаря ей не просто Запад и Россия узнали о забытых духовных сокровищах Востока, в первую очередь – Индии; но и сами индийцы осознали глубину и значимость своей религиозно-философской традиции: Бхагavadгиты и Упанишад, буддизма, различных течений веданты, а также всемирную значи-

¹ См. Мировоззрение Русской цивилизации: путь к себе // Изборский клуб (Русские стратегии). №1(119). 2024. С. 6-88.

мость «осевых» вех собственной духовной истории. Крупнейший историк индийской философии, второй президент Индии С. Радхакришнан так писал о заслугах Е.П. Блаватской и теософии в деле пробуждения индийского национального самосознания: «Когда в результате разного рода политических ошибок и экономических кризисов мы, индузы, усомнились в ценностях и состоятельности нашей культуры, когда всё, окружающее нас, в том числе светское образование, казалось, умаляет значение индийской культуры, теософское движение сослужило нам огромную службу, отстояв эти ценности и идеи. Едва ли возможно в полной мере оценить влияние, оказанное теософским движением на индийское общество»¹.

В условиях нарастающего духовного кризиса технократической цивилизации Запада, в преддверии будущих мировых войн и этнорелигиозных конфликтов XX века русская основоположница теософии намечает три линии духовного синтеза которые, на наш взгляд, остаются абсолютно актуальными и сегодня, спустя сто пятьдесят лет после издания основных теософских трудов².

Во-первых, это линия на *синтез древнего и современного знания*. Именно в трудах Е.П. Блаватской мы впервые встречаем не только полностью подтвердившуюся впоследствии идею, что «фольклор и народные традиции, хотя порою и странные, будучи, тем не менее, тщательно изученными, могут привести к открытию давно утраченных, но важных тайн Природы»³, но и единственно эвристическую методологическую установку, когда современный ученый должен подхо-

¹ Цит. по: Крэнстон С. Е.П. Блаватская. История удивительной жизни. М., 2021. С. 159.

² Схожести мировоззренческих ответов на цивилизационные вызовы второй половины XIX века со стороны русской (В.С. Соловьев) и индийской религиозно-философской мысли (Свами Вивекананда), а также теософии (Е.П. Блаватская) посвящена глава «Культурная миссия Блаватской» в работе: Иванов А.В. Новый опыт «метафизики всеединства». Барнаул, 2017. С. 287-308.

³ Блаватская Е.П. Ключ к теософии. М., 1993. С. 49.

дить к исследованию древних знаний, с одной стороны, объективно и непредвзято, понимая, что окружающий мир и его законы бесконечно глубже и многообразнее существующего на данный момент научного знания, а, с другой стороны, – рационально и во всеоружии современных экспериментальных средств, ничего не принимая на веру¹.

Во-вторых, Е.П. Блаватская намечает программу *синтеза различных религиозных традиций*, доказывая в своих многочисленных работах, что современные религии представляют собой лишь разошедшиеся в разные стороны ветви единого древнего пра-религиозного Знания (Божественной Мудрости, откуда и происходит само название «теософия»), бесконечно превосходящего их своей глубиной проникновения в тайны Вселенной и человека. Традиционные религии хранят лишь осколки этой Единой Истины. Труды основоположницы теософии, среди которых выделяется оставшаяся незаконченной «Тайная Доктрина», как раз и претендуют на посильное доносение до современного человечества элементов этих фундаментальных знаний.

В-третьих, в теософии мы встречаемся с третьей линией синтеза, полностью совпадающей с общей коренной интуицией всей русской религиозной философии. Речь идет о необходимости *синтеза науки, религии и философии*, где единая древняя Истина должны быть сегодня *творчески реконструирована* систематическими и совместными усилиями религиозной, научной и философской мысли, в которых результаты трансцендентного религиозного опыта проверяются экспериментальными методами и концептуализируются в теоретических моделях науки при обязательном участии синтетического и непредвзятого философского мышления.

¹ Подобные глубокие методологические фрагменты можно обнаружить даже во вроде бы «легких» по жанру знаменитых путевых очерках Е.П. Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана», которые публиковались в русской периодической печати в конце 70-х годов XIX века.

Можно по-разному относиться к теософии, но сформулированная в ее рамках программа синтеза духовной культуры человечества и ориентация на обретение цельного мировоззрения и сегодня, на наш взгляд, сохраняют всю свою актуальность. В XX веке теософское учение был существенно скорректировано и развито в учении «Живой Этики», данном через Е.И. Рерих и Н.К. Рериха¹. Там была прямо указана задача перехода земного человечества на новый эволюционный уровень и обоснована особая миссия России в этом переходе: «...Язык, на котором дается Учение, – своего рода дар известному народу. Не подумайте, что тем самым Учение теряет мировое значение. Каждая истина общечеловечна, но каждый период имеет свое задание, а каждый народ имеет свою обязанность»²

Сегодня идеи русской религиозной философии, теософии, «Живой Этики», русских космистов XX века во главе с В.И. Вернадским и К.Э. Циолковским о необходимости перехода всего земного человечества к более прогрессивному, миролюбивому, просвещенному и одухотворенному будущему во главе с Россией активно развиваются в трудах отечественных мыслителей самой разной ориентации. Эта новая нарождающаяся цивилизация, синтезирующая достижения Востока и Запада³ многими квалифицируется как *ноосферная*⁴. В наших работах чаще используется термин «духовно-экологическая цивилизация», вскрываются ее предпосылки,

¹ Философский анализ идей «Живой Этики», в том числе и связанных с Россией и ее цивилизационной судьбой, дан в следующих работах: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Человек восходящий: философский и научный синтез «Живой Этики». Барнаул, 2012; в главе «Наука, религия и философия в учении «Живой Этики» в книге: Наука и религия: нераздельность и неслиянность. С. 408-430.

² Агни-Йога. Надземное. Братство. Ч.2. М., 1995. С. 460.

³ См. ставшую уже классической работу: Григорьева Т.П. Дао и Логос (встреча культур). М., 1992.

⁴ См. напр. известную работу: Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М., 2000 (Глава VII. Стратегии теоретического исследования в эпоху постнеклассической науки).

существенные черты и факторы становления, а также обосновывается особая роль Сибири в этих процессах¹.

Учитывая существующий в отечественной культуре интеллектуально-духовный проективный задел, все более углубляющийся кризис всей современной цивилизации и особенно ее западного культурно-географического ареала, а также активно разворачивающуюся в последние годы на Восток российскую внешнюю и внутреннюю политику, можно вполне обоснованно, на наш взгляд, констатировать: ныне мы живем в эпоху глобального перехода, начавшегося со второй половины XIX века к третьему – ноосферному (духовно-экологическому) – мегавилизационному укладу. Его духовную вертикаль бытия начинает все более зримо воплощать деятельность народов Северной Евразии.

Цивилизации Востока в лице своих извечных лидеров Китая и Индии становятся исключительно активными и значимыми «игроками» современной мировой политики, сохраняя и по-новому проявляя свой миротворческий, государственно-сберегающий, хозяйственный и экологический потенциал, то есть превращаются в движущую Душу мировой истории. Запад же, утрачивая свое идеальное, политическое и цивилизационное лидерство, вынужден капитально перестраивать внешнюю политику и особенно конкурентно-конфликтный политический менталитет, превращаясь, – учитывая его технологические достижения, ноvakuum стратегических идей – в Тело мировой истории. Этот факт вовсе не означает обнаружившуюся «вторичность» и мегавилизационное «поражение» Запада. Это – терминология умирающей техногенно-потребительской цивилизации. В рамках нового мегавилизационного уклада люди Запада будут пользоваться всеми глобальными ноосферными благами, но свое духовное и политическое лидерство западный культурно-

¹ См. уже упоминавшуюся монографию «Цивилизационная миссия Сибири...», а также: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул, 2014.

географический мир окончательно утерял. Ему предстоит, по-видимому, процесс глубочайшей политической и культурной перестройки, возвращения к своей духовной истории – ее осевым текстам, идеям и именам.

Мы, естественно, не можем точно предсказать, сколько времени займет переход к новому мегавивилизационному укладу и какие он примет окончательные формы. Будущее не предзадано. Возможен и совсем уж печальный сценарий, когда наша зашедшая в техногенно-потребительский тупик человеческая цивилизация уничтожит саму себя в ядерном пожаре, экологическом кризисе или будет поражена каким-нибудь новым смертельным вирусом, выращенным в военных лабораториях. Но если худшие мировые тренды мы сумеем миновать, то существенные черты ноосферного мегавивилизационного уклада просматриваются достаточно отчетливо.

В его рамках производственно-технологическая и финансово-экономическая виды деятельности не будут являться самоцелью, а выступят только средством культивирования высших способностей сознания и сфер духовной культуры (науки, искусства, религии, философии). В рамках нового мироустройства человечество призвано не только восстановить утраченные гармоничные связи с природным окружением, но осознать и реализовать свою антропокосмическую природу, то есть стать решающей силой планетарно-космической эволюции, проявляя латентный созидательный потенциал биосфера, который без человека, самостоятельно, она не смогла бы реализовать.

Отечественный религиозный мыслитель С.Н. Булгаков когда-то очень точно написал в своей «Философии хозяйства»: «Защита и расширение жизни, а постольку и частичное ее воскрешение и составляет содержание хозяйственной деятельности человека»¹.

Действительно, по-настоящему хозяйствующий, «биосферный», а не «техносферный» человек, в лице лучших спе-

¹ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. // С.Н. Булгаков. Сочинения в двух томах. Т.1. М., 1993. С. 170.

циалистов, раньше не механически *переделывал* природу, а именно «*защищал и расширял ее жизнь*» через сохранение почв и лесов, выведение новых сортов культурных растений и видов домашних животных. Это осуществлялось не за счет перетасовок генома, как в современной генной инженерии, а путем тщательной селекции и скрещивания естественных видов, то есть через органическое проявление их дотоле «спящего» генетического эволюционного потенциала. Сегодня, например, становится понятной огромная роль выведенных национальных пород домашних животных и сортов культурных растений. Они обеспечивают генетическую и продовольственную безопасность государства, играют важную роль в производстве органических продуктов питания, служат базой для дальнейшей творческой селекционной работы. *Ноосферное хозяйство будущего на новом уровне и с использованием новых технических средств обязательно вернется к этой важнейшей задаче проявления естественных сил природы*, причем не только через опосредованное техническими приборами, но и непосредственное воздействие благой и созидающей мысли, являющейся, как все более экспериментально подтверждается, важнейшей силой мирового бытия¹.

Отсюда есть все основания утверждать, что человек обладает непосредственным доступом к наиболее древнему и мощному виду энергии, существующему в Космосе, который в учении «Живой Этики» получил название **«психической энергии»**. Ее практическое и экспериментальное открытие, на наш взгляд, не за горами.

В этом проявится важный закон открытия и использования энергии человеком: по мере своего исторического развития он осваивает все более древние и фундаментальные виды энергии: энергия собственных рук и тела – энергия животных – механическая энергия воды, ветра, сжигаемого искупаемого топлива – электрическая энергия – атомная энер-

¹ Эта непосредственная сила мысли и ее конструктивный потенциал рассматривается в коллективной монографии: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Философия мысли: новые грани метафизики всеединства. Барнаул, 2021.

гия – психическая энергия, как онтологически самая универсальная и фундаментальная сила мирового бытия, неразрывно связанная с волей и мыслью человека. Но изучение и практическое использование этой фундаментальной энергии требует первоначального мужества признать ее наличие, чему мешает масса атеистических и плоскоматериалистических предрассудков. В «Живой Этике», на наш взгляд, сказано совершенно правильно: «...Пугливые исследователи пытаются прикрыться привычными материальными наименованиями. Они хотят защитить себя от невежественных обвинений, но тем самым они призовут на себя осуждение будущих поколений. Пусть они взвесят, что почетнее – заслужить ли насмешки невежд или оказаться осужденными будущими поколениями»¹.

Вернемся, однако, к существенным чертам ноосферного хозяйствования, которое, в согласии с приведенным выше суждением С.Н. Булгакова, выполняет еще одну очень важную эволюционную функцию – «воскрешения» природы, то есть борется с опустыниванием и восстанавливает леса, улучшает плодородие почв и озеленяет городские ландшафты, сохраняет и возвращает к жизни биологические виды, которые без участия человека неминуемо бы погибли. Известно, что, лишившись хозяйственного контроля и духовного участия со стороны человека, начинают болеть заброшенные леса и деградировать пашни, стремительно дичать сады и зарастать бурьяном брошенные деревни. Ландшафты, где перестал творчески хозяйствовать человек, уже никогда не превратятся в очаги девственной природы, а вот статус ландшафтов культурных они рискуют потерять навсегда.

История России знала и такие примеры, когда естественный ландшафт после творческой деятельности человека становился более устойчивым и продуктивным. Такой была и до сих пор во многом остается хозяйственно-экологическая система Соловецкого монастыря, где десятки озер Большого Соловецкого острова были соединены рукотворными канала-

¹ Агни-Йога. Указ.соч. С. 478.

лами, обеспечившими постоянную циркуляцию воды и значительное улучшение ее качества. Общий сток озерной воды в море проходил под стенами Соловецкого монастыря, вращая жернова мельниц. Монахи в нем близ Полярного круга выращивали в теплицах все виды овощей и даже арбузы с дынями. Деревья под строительство рубились в строго определенное время года, и некоторые деревянные срубы стояли в течение нескольких веков. В заливе, изолированном дамбой от моря, монахи в садках разводили красную рыбу. Очень важно, что они хозяйствовали не чисто экономически и бездушно ради получения прибыли, а подлинно ноосферно – с любовью ко всякой живой твари, руководствуясь в своей деятельности не только pragmatическими, но и моральными соображениями, относясь к производственной деятельности как к разновидности деятельности молитвенной и художественной. Опыт Соловков доказывает, что можно ноосферно хозяйствовать, не истощая, а улучшая жизнь природы и украшая человеческий быт¹.

Необходимость глобального перехода к ноосферному хозяйствованию для обеспечения устойчивости развития человеческого сообщества, важность отказа от идеологии бездумного потребительства и «максимизации» количественных показателей – обстоятельно проанализирован в статье С.Н. Бобылева и Т.В. Завьяловой. В ней авторы подчеркивают, в частности, что современная техногенно-потребительская экономика отличается явной «недооценкой важнейших функций природного капитала и экосистемных услуг, а также ущербов здоровью населения из-за загрязнения окружающей среды»².

Очень важно, что творчески и ответственно хозяйствуя в мире, эволюционно способен меняться и сам человек. Ничто

¹ См. о булгаковском идеале хозяйствования более подробно в главе «Об аскетическом идеале хозяйствования у С.Н. Булгакова» в книге: Иванов А.В. Новый опыт метафизики всеединства. С. 332–344.

² Бобылев С.Н., Завьялова Т.В. Устойчивое развитие: в поисках новой экономики // Вопросы политической экономии. 2024. Т.39. №3. С. 43.

так не лечит и не преображает человеческую душу, как сознательный и ответственный труд, в ходе которого можно не только бесконечно совершенствовать свои профессиональные навыки, но и шлифовать волевые и познавательные способности в виде развития систематического и синтетического (разумного, а не рассудочного!) мышления, различных видов интуиции, наблюдательности, умения сердечно чувствовать природу и с любовью проникать в исследуемую реальность.

П.А. Флоренский очень правильно отметил, что в любом виде познания особую роль играет любовь исследователя к своему предмету. Он писал: «Познание есть реальное выхождение познающего из себя или, – что то же – реальное вхождение познаваемого в познающего... Это основное и характерное положение всей русской и, вообще, восточной философии... В любви и только в любви мыслимо действительное познание Истины»¹. Это подтверждается, в частности, реальной научной практикой: когда ученый работает с воодушевлением, забывая не только о пространстве и времени, но и о самом себе, то он буквально срацивается мыслью с сущностью познаваемого предмета, проникает мысленным взором в самое его естество.

Возможно, в таком творческом хозяйственном, художественном и научном единении с природным целым и с познаваемыми живыми объектами у человека открываются более «тонкие» психические качества и созидательные энергии, подтверждающие старый принцип тождества макро- и микрокосмов, человека и Вселенной. Об этом писал С.Н. Булгаков: «...Расширяя жизнь в себе, человек изливает ее и вне себя, оживляет природу; пробуждая в себе дремлющие силы, он пробуждает их и в природе. Будучи одно с природой, человек может воскрешать в себе замерзшие и как бы умершие силы не иначе, как воскрешая и природу, превращая материю в свое тело,... согревая ее своим огнем»².

¹ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т.1. М., 1990. С. 73-74.

² Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 169.

Ноосферное хозяйство будущего мегавиализационного уклада будет подразумевать, как мы уже отмечали выше, глубокий синтез знаний с обязательным приматом этического принципа «не навреди». В политической сфере властью должна обладать подлинная духовная аристократия, то есть править призваны наиболее талантливые, ответственные и уважаемые члены общества, у которых, как говорил великий Платон, «есть ценности, превышающие ценность властования». О необходимости восполнения демократического принципа аристократическим говорили такие разные выдающиеся мыслители XX века, как Э. Фромм¹, Х. Ортега-и-Гассет², Н.Н. Алексеев³, Н.А. Бердяев⁴.

Значение этических и духовных начал в государственной жизни всегда особенно подчеркивалось в восточных и отечественных философских учениях. Еще в «Лунь Юе» Конфуций отмечал: «Благородный муж думает о морали; низкий человек думает о том, как бы получше устроиться»⁵. И далее: «Благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду»⁶. С Конфуцием абсолютно согласен наш вы-

¹ См. его идею о необходимости учреждения «Голоса совести Америки» из наиболее авторитетных и уважаемых людей, которые «представляли бы собой лучшие образцы мышления лучших умов Америки» (Фромм Э. Революция надежды // Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 335).

² Он подчеркивал, что «служение – удел избранных, а не массы» (Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 76).

³ Выдающийся русский евразиец говорил о необходимости существования «эйдократического» (т.е. буквально способного к созерцанию высших идей) правящего слоя в государстве, чье право принимать судьбоносные для жизни людей решения «должно покойиться ...на единстве убеждений и духовных стремлений» (Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 591).

⁴ Он посвятил этому целый раздел в своей известной книге: Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990 (Письмо шестое. Об аристократии).

⁵ «Лунь Юй» // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т.1. М., 1972. С. 148.

⁶ Там же. С. 149.

дающийся историк и гражданин Н.М. Карамзин, писавший о правлении Александра I: «Главная ошибка законодателей сего царствования состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности: от того изобретение различных министерств, учреждение Совета и проч... Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны»¹.

Восточной и российской *нравственноцентричности*, противостоит западная *правоцентричность*, где, по мнению Канта, разумные законы и их соблюдение позволяют организовать даже «народ дьяволов». С кантовской верой во всесилие правовых устоев жизни вполне согласен и Гегель: «...При незыблемых законах и при определенной организации государства то, что предоставляется единоличному решению монарха, представляется маловажным по отношению к субстанциальному. Конечно, следует считать большим счастьем, если на долю какого-нибудь народа достается благородный монарх; но в великом государстве и это менее существенно, потому что сила такого государства в его разуме»².

Что в данном вопросе исторически правы Конфуций и Карамзин, а не Кант и Гегель, – легко убедиться, взглянув на современных западных политиков типа Кэмерона, Макрона или Шольца, деятельность которых, вопреки всем «разумным» западным политическим институтам и народным интересам, ведет континентальную Европу к экономической деградации и краху. Как тут не вспомнить слова Н.Н. Алексеева об этой некритической вере Запада в абсолютную силу права: «...Не дошло ли европейское человечество до кульмиационной точки в росте этой веры и не наступил ли момент поворота, который равносителен был бы признанию ценности другого, ныне забытого и многими пренебрегаемого плана усовершенствования человеческой жизни путем усовершен-

¹ Цит. по: Гаврюшин Н.К Метафизика и историософия в творчестве Н.М. Карамзина // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. Сб. науч. статей, посвященный 70-летию кафедры истории русской философии. М., 2013. С. 189.

² Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 454-455.

ствования отдельного человека, как проблемы первоначальной и самостоятельной»¹.

Важно подчеркнуть, что утверждение нравственных оснований государственно-правовой жизни, формирование подлинной национально-духовной элиты и ее соборная работа на благо всего общества обязательно подразумеваю наличие высших духовных ценностей, которые они защищают и которым служат.

Носителями этих высших ценностей являются, в частности, *национальные святыни*: природные, ратные, трудовые, художественные, религиозные. Эти святыни различны у разных народов, но они, если это подлинные святыни, никогда не противоречат святыням других народов, ибо приобщают душу к красоте и высокому качеству труда, служению своему Отечеству, науке и искусству. Для народов Северной Евразии – это реки Евразии Волга и Катунь, Куликово и Бородинское поле, Московский Кремль и Казанский Кремль, Троице-Сергиева Лавра и рублевская «Троица». Отсюда происходит и термин «агиократия» (*власть святынь*), введенный в отечественную науку П.П. Новгородцевым. Будучи первоначально либералом-идеалистом и западником, он, попав в Европу, осознал двуличие и ущербность западных партийных демократий и дал свой рецепт возрождения России, звучащий как никогда актуально: «Не политические партии спасут Россию, ее воскресит воспрянувший к свету вечных святынь народный дух»².

Ноосферный цивилизационный уклад подразумевает бытие не только в природном и социальном, но и в *духовно-экзистенциальном времени*, когда человек строит в мире сам себя, совершенствуясь в различных сферах деятельности, развивая различные грани своей личности и познавательные

¹ Алексеев Н.Н. Идея государства. СПб., 2001. С. 345.

² См. Новгородцев П.И. Восстановление святынь // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 580. Анализ святынь, как носителей высших ценностей, дан в книге: Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. М., 1993. С. 640-647.

способности. Причем делать это он может в любом возрасте и при любых, даже самых неблагоприятных исторических обстоятельствах. В духовном времени может жить и общество, и все человечество в целом, если они создают оптимальные условия для развития человека и духовных сфер культуры, если помнят о духовной истории (ее осевых эпохах, ликах и творениях), если хранят национальные святыни.

Определяющей профессиональной, социальной, политической и геополитической основой ноосферного уклада должна стать не конкуренция, а *многоуровневая кооперация и соборное единение* людей, отдельных коллективов, профессиональных корпораций, народов, культур, цивилизаций и мегаавиализаций с соответствующими аристократическими и агиократическими институтами, с важнейшей ролью *непосредственных духовных связей* между людьми, что, конечно, нисколько не умаляет значения непосредственных семейных и родовых связей, а также связей опосредованных.

В рамках ноосферного мегауклада можно ожидать *возвращения на новом уровне, во всеоружии современных научных и философских знаний, к прочтению «осевых» (прасимволических) текстов культуры*, а также гармонического совмещения традиции и новации в соответствии с очень точной формулой великого композитора Г. Малера, что «подлинная традиция – это передача огня, а не поклонение пеплу».

Здесь могут возникнуть совершенно закономерные вопросы, связанные с мегаавиализационной диахронией:

- есть ли законы истории, определяющие, с одной стороны, устойчивость и расцвет, а, с другой, деградацию и гибель цивилизаций?

- почему, вопреки всем войнам, насилию и трагедиям «профанной» истории, все же существует ее общая мегаавиализационная направленность, образно говоря, от Тела к Духу, от менее – к более совершенному состоянию человечества? Почему духовная история в конце концов всегда оказывается сильнее и значимее истории профанной?

§5. Законы исторического развития и общая направленность истории

В начале главы мы писали, что исторические законы являются, во-первых, преломлением общеэволюционных законов и сами получают бесконечно богатые проявления в разные эпохи, в разных цивилизациях и в разные исторические периоды. Во-вторых, в человеческой истории нет законов, действующих механически поверх воли и сознания людей; вне их свободного выбора, актуализирующего или созидательные, или разрушительные причины прошлого; ориентирующегося на прогрессивные или, наоборот, тупиковые сценарии будущего.

Соответственно, естественной представляется следующая альтернатива, о которой мы уже упоминали: **если человек и общество следуют историческим законам – ставят созидательные цели и опираются на живительные традиции прошлого, – то различные социальные общности от локальных культур до мегацивилизаций развиваются устойчиво.** Если же, напротив, они ставят ложные исторические цели и возрождают изжившие себя традиции, идеи или технологии, то тем самым обрекают себя на застой, деградацию, и, в конечном счете, на самоуничтожение. Это подобно человеческому организму, который при правильном образе жизни и хорошей наследственности долго живет и сохраняет здоровье; при неправильном – болеет и рано умирает.

Исторические законы ничего сами по себе не определяют, а лишь **показывают правильное направление жизни и деятельности**, а принять решение о том, следовать им или не следовать – человек и народ должны сами.

Можно вообще предположить, что **в мире существуют два вида объективных законов, «принудительные» и «направляющие».** А еще более вероятно, что это одни и те же универсальные законы, которые в природном мире проявляются принудительно; в человеческом – как «направляющие», как ориентиры его свободного бытия и нормального, а не патологического, развития.

При этом «развиваться», как известно, может и раковая опухоль, и преступное националистическое государство, и мир техники, ставящий под угрозу природное и человеческое бытие. Это тонко подметил Ф.М. Достоевский, писавший в «Зимних заметках о летних впечатлениях», что «у нас варварски смешивают цивилизацию и законы нормального, истинного развития»¹. Ему вторит В.С. Соловьев: «...Следует признать, что в мире моральном есть также роковая необходимость, но роковая необходимость косвенная и обусловленная. Призвание, или та особая идея, которую мысль Бога полагает для каждого морального существа – индивида или нации – и которая открывается сознанию этого существа как его верховный долг, – эта идея действует во всех случаях как реальная мощь, она определяет во всех случаях бытие морального существа, но делает она это двумя противоположными способами: она проявляется как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места»².

Какие же можно выделить всеобщие законы, следование которым обеспечивает устойчивость существования и развития различных социальных систем, а деятельность в противовес им ведет к войнам, социальным конфликтам, экологическим и культурным кризисам, психическим эпидемиям и духовным патологиям? Понятно, что мы не можем представить исчерпывающий список подобных законов, равно как и не можем претендовать на их полное описание и объяснение. Здесь будет дан лишь набросок, концептуальный абрис таких законов, нуждающийся в последующей рациональной критике и уточнениях.

Прежде всего, подчеркнем, что эти законы должны носить «уровневый» и, вместе с тем, связанный друг с другом характер, определяя устойчивость и прогрессивную направленность развития различных сфер общества: производственно-технологической и экономической (то есть телесно-

¹ Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Ф.М. Достоевский. Собр. соч.: в 15 томах. Т.4. Ленинград, 1989. С. 406.

² Соловьев В.С. Русская идея // Русская идея: Сб. произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 229.

витальной сферы жизни общества и человека); *социальной* (или деятельно-душевной сферы, связанной с общением и организацией социальной и политической жизни людей); *культурной* (духовной сферы, обеспечивающей воспроизведение людей как творческих, свободных и нравственно-ответственных существ во вселенной). Как мы видим, законы носят такой же **троичный иерархический характер, как сферы и исторические этапы развития мегавиализаций.**

Понятно, что любая схема существенно огрубляет исследуемый предмет, конструирует веберовский «идеальный тип» для последующего анализа, но она должна, во-первых, эмпирически верифицироваться и, во-вторых, оправдываться глубиной и эвристичностью получаемых на ее основе теоретических объяснений и предсказаний. Наконец, в-третьих, историософская модель и открываемые ею законы должны служить основой разумного и ответственного коллективного и индивидуального действия.

Первый из таких законов, касающийся витально-технологической и экономической сфер, можно сформулировать следующим образом: **техника и экономика должны обеспечивать воспроизведение здорового человека и здоровой окружающей природной среды, гармоничных социальных отношений между людьми, корпорациями, странами и народами, а также создавать инфраструктуру для всемерной поддержки и расцвета духовной культуры общества.** При этом, подчеркнем еще раз, ни техника, ни экономика, ни финансы не должны приобретать самодовлеющего характера, превращая человека в призрак техники и в чисто экономическое существо («*homo economicus*»), живущего только интересами экономической конкуренции, прибыли и потребления.

Нетрудно заметить, что в современном техногенно-потребительском обществе не выполняется ни одно из этих условий. Человек питается некачественными продуктами, потому что экологически чистое продовольствие основной массе людей при капитализме просто не по карману. Природа продолжает деградировать, несмотря на все экологические и

ресурсосберегающие технологии, поскольку культ неограниченного материального потребления и комфорта, особенно в странах Запада, продолжает наносить ей все возрастающий урон. Дестабилизация климата и нарастание катастрофических процессов в биосфере в результате хищнической деятельности человека – факт, который сегодня не отрицается уже никем из ученых.

Растет разрыв в доходах и в уровне потребления между богатым Западом, бедным Востоком и Югом человеческой цивилизации, несмотря на все «программы тысячелетия» ООН и прочие глобальные инициативы¹. Капиталистическая система хозяйствования, основанная на эгоизме, конкуренции и эксплуатации, порождает неразрешимые антагонистические противоречия между трудом и капиталом, проявляющиеся, в том числе и через многочисленные этнические и религиозные конфликты.

Что касается сферы культуры и духовной жизни, то налицо всемирно нарастающая интеллектуальная и духовная деградация человека, особенно молодежи, в условиях господства потребительских установок сознания и беспрерывного «зависания» человека в интернете. Вся окружающая информационная среда с ее агрессивной рекламой, электронными наркотическими играми, тщеславными блогерами, культом так называемого «самовыражения» и личного «успеха», – все это сподвигает человека не на личное совершенствование, постоянный труд и муки творчества, а на пассивное получение удовольствий, жизненный комфорт и поиск максимально легких путей, ведущих к материальному достатку, комфорту и социальному успеху.

Места для жизни духа у вожделеющего тела не остается, а технологическое «тело» цивилизации не просто становится

¹ Самым богатым человеком в 2023 году стал Бернар Арно, с состоянием 233 млрд долларов США. Это больше чем ВВП таких стран как Венгрия, Словения, Словакия, Беларусь и др. В 2021 году 10% богатейших людей мира получили 52% мировых доходов, а беднейшая половина населения – 8% (см. Буцанец А.В. Экономика участия как способ решения глобальных проблем // NovaInfo.ru. 2024. №145. С. 28.)

самодостаточным, а силится *поработить* дух вместо того, чтобы служить его высшим потребностям. С.Н. Булгаков когда-то прозорливо писал: «В человеке непрестанно борются два начала, из которых одно влечет его к активной деятельности духа, к работе духовной во имя идеала (в чем бы она ни состояла), а другое стремится парализовать эту деятельность, заглушить высшие потребности духа, сделать существование плотским, скучным, низменным. Это второе состояние и есть истинное мещанство; мещанин сидит в каждом человеке, всегда готовый наложить на него свою омертвляющую руку, как только слабеет его духовная энергия»¹. Причем здесь действует следующая закономерность: чем более мещански и эгоистически ориентирован человек, тем более разрушительное воздействие на его дух, интеллект, да и на тело оказываются технические достижения современной цивилизации.

Второй историософский закон, относящийся к сфере социально-душевной жизни, может быть сформулирован следующим образом: **каждый человек, этнокультурная и религиозная общность, цивилизация и человечество в целом должны стремиться ко все более сознательному и свободному единению с другими людьми и человеческими общностями на основе общих стратегических ценностей и интересов, но с учетом их неустранимого многообразия.**

Мир между народами, государствами и цивилизациями, межкультурное и межрелигиозное согласие – это абсолютные социальные ценности бытия. Однако мы видим сегодня все более нарастающие процессы *деглобализации*. С одной стороны, они совершенно закономерны и, в целом, позитивны как противостояние деятельности мегавивилизации Запада с ее конкурентно-конфликтной ментальностью и стремлением диктовать всему миру свою волю и правила игры. Имперский дух Рима, средневековых и новоевропейских империй (прежде всего Великобритании) отчетливо слышится в следующих словах крупнейшего теоретика и практика американского

¹ Булгаков С.Н. Душевная драма Герцена // Булгаков С.Н. Собр. соч.: в 2 томах. Т.2. Избранные статьи. М., 1993. С. 126-127.

глобализма З. Бжезинского: «Употребляя терминологию более жестоких времен древних империй, три великие обязанности имперской геостратегии заключаются в предотвращении сговора между вассалами и сохранении их зависимости от общей безопасности, сохранении покорности подчиненных и обеспечении их защиты и недопущении объединения варваров»¹. Но с другой стороны, деглобализация нередко ведет к расколам, противостоянию, изоляционизму.

Наряду с расколом по оси «богатый западный Север – нищий Юг», налицо углубившийся цивилизационный раскол мира по оси «Запад – Северная Евразия во главе с Россией», ставший явным после украинских событий 2014 года и особенно с началом военного конфликта на Украине. Под него новоимперскими идеологами Запада была подведена грубая идеологическая оппозиция: «западные демократии – тоталитарные режимы России и Востока», повторяющие старую дилемму времен «холодной войны»: «свободный Запад – коммунистическая Россия и Восток». Разница состоит только в том, что этому цивилизационному разлому Запад сознательно придал сегодня характер глобального культурно-экзистенциального противостояния, когда в европейских странах и в США стали запрещать русскую культуру и русский язык, подвергли тотальной обструкции российский спорт. Этого раньше в таких масштабах не было никогда, даже во времена острого вьетнамского и афганского столкновения СССР и США.

Весьма примечательна политическая и культурная мутации, которые претерпели восточные сателлиты западного глобализма – Южная Корея и Япония. Они словно выпали из культурного лона мегаавтоматизации Востока и, как результат, в последние десятилетия начали на глазах терять не только свое политическое, но и культурное, духовное «Я», что особенно коснулось молодежи этих стран, подвергшейся многослойной информационной вестернизации. Политика форми-

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М., 1999. С. 54.

рования колониально-прозападных элит в незападных странах всегда была важнейшей частью агрессивной стратегии вестернизации, и направлена она не только на встраивание незападных стран в западную цивилизационную модель, но и на сознательное расщепление национального самосознания, на уничтожительное отношение к собственным традициям и ценностям. Особенно это касается духовной истории восточных стран, забвения их великих эпох и имен. Духовную опасность вестернизации одним из первых четко зафиксировал Н.С. Трубецкой в одной из первых антиглобалистских работ «Европа и человечество». Он писал: «Европеизация является безусловным злом для всякого неромано-германского народа»¹. Последний и, быть может, самый трагический опыт тотальной вестернизации – это современная Украина. Попытку вестернизации сознания элит² пережила и Россия, не избавившись до сих пор от этой ядовитой прозападной идеологической прививки.

Нарастают процессы деглобализации в экономической сфере, когда страны начинают делать акцент на защите и развитии собственной экономики с неизбежными протекционистскими мерами, критикой глобалистских проектов, программ и институтов. Помимо позитивных следствий этого процесса, которые позволяют развивать важные секторы

¹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 89.

² В ней особую роль было призвано сыграть финансирование Дж. Соросом в 90-е годы прошлого века книжной серии «Обновление гуманитарного образования в России». По счастью, в России оказалось гораздо меньше ярых западников-русофобов, чем думалось Соросу и его российским единомышленникам. Поэтому в рамках этой серии вышли и вполне достойные научные работы, как, например, книга «Философия политики» А.С. Панарина. В ней он писал (совсем в русле проблем, которые обсуждаются в рамках данной монографии): «Общая цивилизационная перспектива указывает нам на постэкономического человека – личность, в системе приоритетов которой на первое место выходят ценности культуры, духа, творческой самореализации, качества жизни. Симптомы присутствия этого постэкономического человека в России ощущались уже давно и, возможно, значительно сильнее, чем на Западе» (Панарин А.С. Философия политики. М., 1994. С. 365).

национальной экономики и обеспечивать национальную безопасность, у него также есть и явные негативные тенденции. Как отмечает О.О. Комолов, «на фоне обостряющегося противостояния крупнейших субъектов мировой экономики все большую популярность набирают политики, стоящие на националистических позициях и исповедующие агрессивную изоляционистскую идеологию. Многие из них добиваются политических успехов. При этом повсеместная радикализация политического дискурса создает угрозы эскалации социальных конфликтов, а также вооруженного противостояния за передел рынков»¹.

Можно указать на еще одну – *религиозно-этническую – линию деглобализации*. Мегацивилизация Запада с давних пор ставила задачу навязать другим народам собственные идеалы и ценности, где социально-экономическая вестернизация шла рука об руку с тотальной европеизацией сознания, формированием комплекса стыда за собственную «отсталую» историю, религию, духовную культуру в целом². Это в значительной степени удалось осуществить англичанам в Индии, американцам в послевоенной Японии и Южной Корее, о чем мы писали выше. Сегодня эта ложная стратегия рыночно-либеральной унификации сознаний обернулась гегелевским «своим иным», то есть не просто глокализацией и регионализацией, а самым настоящим взрывом национализма и религиозного экстремизма. На примере Африки это хорошо показано нигерийским ученым Ф. Ая Агву. По его мнению, именно европоцентристская унификационистская политика западных стран спровоцировала рост африканского национализма и сепаратизма³. Любой национализм и религиозный экстремизм – это всегда болезненная реакция на космополитизм и воинствующее иррациональное безбожие.

¹ Комолов О.О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономики // Вестник Российского университета им. Г.В. Плеханова. 2021. №2 (116). Т.18. С. 44.

² Тут полезно вспомнить, что К. Ясперс писал про Азию.

³ Fred Aja Agwu. Foreign Policy in the Age of Globalization, Populism and Nationalism. New Geopolitical Landscape. Springer, 2021.

Наконец, следует отметить, что нынешнее цивилизационное размежевание человечества привело к *превращению многих мегавизионных фронтов в так называемые «пылающие» или до поры до времени «тлеющие» фронтиры*, а также усилило конфликтный потенциал цивилизационных горных «узлов». Это касается Балкан и Украины, Ближнего Востока и великого горного «узла» в районе Гиндукуша, Памира и Гималаев.

Забвение закона истории, ориентирующего на свободное единение различных социальных и цивилизационных общностей, и здесь, как мы видим, обернулось трагическими «разломами» и индивидуального, и коллективного бытия, чреватого катастрофами. Если нет воли человека, государства, цивилизации к миру и единению через преодоление личного и национального эгоизма, то неизбежно придут межэтнические и межрелигиозные конфликты, вражда и войны.

Третий исторический закон утверждает: без примата духовной культуры и высших ценностей бытия, которые утверждают наука, религия, искусство и философия; без защиты национальных святынь и заботы государства о носителях духовных ценностей (работниках культуры, учителях и ученых), а также об университетах, театрах, музеях и библиотеках, – никогда не будет ни гармонии человека с природой, ни нормального рачительного хозяйства, ни единства между людьми, странами, народами и цивилизациями.

Выдающийся отечественный художник, путешественник, писатель и общественный деятель Н.К. Рерих, стопятидесятилетие которого человечество отметило в 2024 году, так писал о роли Духа и духовной сферы в человеческом бытии: «Каждый чувствует всемирный кризис. Но некоторые недальновидные думают, что это материальный кризис. Ничуть не бывало! Это духовный кризис. Человечество забыло истинные ценности, которые стоят в основе жизни и не могут считаться отвлеченными»¹.

¹ Рерих Н.К. Держава света; Священный дозор. Рига, 1992. С. 232.

Действительно, если люди и народы не стремятся воплотить в жизни и творчестве высшие ценности Добра, Красоты, Истины, Любви и Справедливости; если они забывают о духовной истории человечества, его великих именах, деяниях и эпохах, то, как писал В.С. Соловьев в статье «Мир Востока и Запада», «человек, который довольствуется своею человеческой ограниченностью и не стремится выше, неизбежно тяготеет и ниспадает до уровня животности. Точно также и исторический народ...»¹.

Мы видим сегодня эти зримые черты духовного разложения повсеместно, особенно на Западе, будь то пропаганда однополых связей и браков, попытки разрушить нормальную двуполую семью, подвергнуть осмеянию великие деяния и судьбы, лишить человека национального и культурного самосознания.

Но это все лежит на поверхности. Реже обращают внимание на то, что *забвение высших ценностей и святынь возвращает людей и народы к глубокой архаике и варварству*, несмотря на все их успехи в области науки и техники. Это одним из первых на Западе подметил Э. Кассирер в своей последней работе «Миф государства», где он анализирует удивительное срашивание в нацистской Германии военно-технической мощи и самых архаических германских мифологических представлений. У нас на это приблизительно в то же время обратили внимание С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев. Последний писал: «Механическая, уравнивающая, обезличивающая и обесценивающая цивилизация с ее диавольской техникой, слишком уж похожей на черную магию, есть лжебытие, призрачное бытие, вывернутое бытие. Буржуазная цивилизация есть предел некосмичности мира. В ней гибнет внутренний человек, подменяется внешним, автоматическим человеком... В колossalной технической цивилизации точно выпущены на свободу злые демоны, мстящие падшему человеку за его царственное притязание»².

¹ Соловьев В.С. Мир Востока и Запада // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 2 томах. Т.2. М., 1989. С. 604.

² Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 495.

Сегодня, спустя век, кризис потребительской цивилизации только углубился, а архаизация бездуховного сознания резко усилилась. Примеры этого процесса цивилизационного падения и «варваризации» человека многочисленны. Так, вновь вернулось, восходящее еще к грекам жесткое западное архаическое деление мира на «своих» и «чужих», на «цивилизованный» и «свободный» Запад и «варварскую», «тоталитарную» Россию с возможностью запрета ее культуры.

Налицо прямой расцвет самой дикой архаической мифологии, если посмотреть на язычество украинских националистов из батальонов «Азова» и «Кракена» с их культом стали и крови, ненависти к русским, с многочисленными татуировками, которые всегда свидетельствуют о крайне низком уровне интеллекта и духовной деградации, когда внутренняя «тьма» души словно проецируется на поверхность тела. Кстати, массовая татуировка тел, свойственная самым архаическим племенам Земли, стала популярной не только на Западе, но и у российской молодежи. Сюда же относится и назойливая тематизация тела в западной философии, и стремление сохранить молодое тело через разного рода пластические операции, пересадку органов, прием химических препаратов и, как естественный финал бездуховного бытия – культ телесного совокупления во всех мыслимых и немыслимых формах.

Откровенной черной древней магией веет от практики замораживания трупов и мозгов богатых клиентов в американских частных клиниках для их «воскрешения» в будущем или от программ трансгуманистов по механическому совершенствованию человеческой природы, прямо противостоящих ноосферной программе проявления внутренних созидательных сил природы и духовных сил в человеке, о чем мы писали выше. Так, один из идеологов трансгуманизма Я.И. Корчмарюк пишет, что «информацию, которая содержится в мозге человека, можно воспроизвести на другой физической основе, скажем, при помощи некой кибернетической машины. В таком случае можно попытаться продлить жизнь личности, независимо от того, сможет ли наука бороться со старением тела. То есть сохранить человеческое “я”

с его опытом, способностями, характером, переживаниями и страстями, «переселившись» в специальную машину»¹.

Эти идеи опираются прежде всего на «модное» направление развития искусственного интеллекта (ИИ), хотя относительно его перспектив и возможностей постоянно идут дискуссии. Они связаны с самыми различными проблемами, начиная от философских, нейрофизиологических и психологических – что, собственно, мы должны понимать под интеллектом, учитывая множество новых фактов и теорий, касающихся сознания и разума? – и заканчивая сугубо прагматическими. Более того, некоторые авторы («технооптимисты», как сейчас их принято классифицировать) уверенно предрекают, что ИИ намного превзойдет человеческий интеллект. Но обоснованные сомнения в такой возможности высказывают целый ряд ученых. Так, в интервью 2023 года, данном газете «Нью-Йорк Таймс» известнейшим специалистом в данной области Наумом Хомским пишет: «Какими бы полезными ни были эти программы в некоторых узких областях... мы знаем из лингвистики и философии познания, что они сильно отличаются от того, как люди рассуждают и используют язык. Эти различия накладывают значительные ограничения на то, что могут делать эти программы, и делают их неисправимо дефектными... Человеческий разум, в отличие от ChatGPT и ему подобных, не является громоздким статистическим механизмом для сопоставления шаблонов, который поглощает сотни терабайт данных и экстраполирует наиболее вероятный ответ на вопрос в разговоре или наиболее вероятный ответ на научный вопрос. Напротив, человеческий разум – это удивительно эффективная и даже изящная система, которая работает с небольшими объемами информации; она стремится не выявлять грубые корреляции между точками данных, а создавать *объяснения*»².

¹ Цит. по: Сакирко Е.А. Идеи постгуманизма и трансгуманизма // Художественная культура. 2012. №2(3). URL: <https://artculturestudies.sias.ru/2012-2/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/404.html>

² Noam Chomsky: The False Promise of ChatGPT // The New York Times. 8.03.2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/03/08/opinion>

При механистически-технократическом подходе законы природы, человеческого физического и духовного бытия оказываются эфемерными и несущественными, этакими «идеальными конструктами» человеческого сознания, которые можно безнаказанно игнорировать и отменять ради утопического желания земной самости продлить до бесконечности свою телесную жизнь. А если уж смотреть в корень проблемы – сохранить те вожделенные удовольствия тела, которые человек неизбежно утрачивает со старостью и смертью.

Можно сделать общий вывод, что движение против всеобщих природных и исторических законов ведет к деградации человека и общества, возрождает худшие черты прежних мегацивилизационных укладов: ненависть к «другому», архаические верования и чернью магию, снижение общего уровня интеллекта, разгул однополых связей и общую моральную распущенность – что мы встречаем, например, в Иране в позднюю эпоху Ахеменидов, в Греции и Риме времен упадка, в современных западных странах.

И наоборот: в «осевые» эпохи духовной истории – времени Перикла и царя Ашоки, эпохи Тан, правления династии Саманидов в Средней Азии и Марка Аврелия в Риме – действия власти как раз воплощают исторические законы: направленность на единение с природой, миролюбие и укрепление связей между людьми, культурами и народами; поддержка высокой культуры и образования, ориентация на синтез знаний. Самое же главное, что здесь частично уже реализовалось единственно верное и закономерное направление движения человечества – к осознанию и посильному проявлению в личной и общественной жизни высших духовных ценностей.

Отсюда можно определить и **направленность и главный смысл мировой истории**: общественная жизнь и деятельность государства должны создавать все более благоприятные условия для всестороннего, прежде всего духовно-

нравственного развития человека, что невозможно вне единства человека и природы; вне единства народов, культур, цивилизаций и мегацивилизаций и, самое главное, вне опоры на вечные ценности человеческого бытия.

В отечественной духовной традиции эти вечные ценности выражены в коренных словах русского языка, которые можно назвать «категориями национального духа»: мир, правда, братство, воля, соборность, софийность, нестяжательство, верность, добросердечие и т.д.¹.

Претензии российской цивилизации на мегацивилизационное лидерство при переходе к ноосферному укладу и «эпохе Духа» проявляются, в частности, в том, что именно отечественные мыслители первыми уловили эту общую направленность и смысл мировой истории.

В своей программной речи 5 декабря 1818 года на торжественном собрании Российской Академии наук Н.М. Карамзин сказал: «Для того ли образуются, для того ли возносятся Державы на земном шаре, чтобы единственно изумлять нас грозным колоссом силы и его звучным падением; чтобы одна, низвергая другую, через несколько веков обширною своею могилою служила вместо подножия новой Державе, которая в чреду свою падет неминуемо? Нет! и жизнь наша и жизнь Империй должны содействовать раскрытию великих способностей души человеческой; здесь все для души, все для ума и чувства; все бессмертно в их успехах! Сия мысль, среди гробов и тления, утешает нас каким-то великим утешением»².

Позднее Ф.М. Достоевский в полемике с А.Д. Градовским, который упрекнул его в том, что в своей речи о Пушкине он много говорил о личной нравственности, а вот об общественных идеалах ничего не сказал, – так отве-

¹ Более подробно категории национального духа раскрыты в работе: Иванов А.В. Российская цивилизация и ее ценности. Барнаул, 2024.

² Цит. по: Лотман Ю.М. Колумб русской истории // Карамзин Н.М. История государства российского. Сопроводительные статьи к reprintному воспроизведению издания 1842–1844 гг. Кн.4. М., 1988. С. 14.

тил известному русскому западнику: «Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной? А нравственные идеи только одни: все основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования...»¹.

Ту же самую идею о главных задачах государства мы находим у таких разных русских мыслителей, как либерал С.Л. Франк и правовед евразийской ориентации Н.Н. Алексеев. С.Л. Франк пишет: «Государство и право должны ограждать жизнь от гибельных последствий греховной воли, ограничивать свободу действий, но не могут заниматься задачей внутреннего перевоспитания человека, которое есть дело только его автономной воли – и Бога. Единственное, что может и должно здесь делать право и государство, – это, не касаясь непосредственно нутра человеческой души, создавать *внешние условия*, наиболее благоприятные для свободного внутреннего самосовершенствования человека, для прорастания в нем его богосродного и богослитного существа»².

Ему вторит Н.Н. Алексеев: «Праведное государство призвано создать те условия, при которых человеку дана была бы возможность на полное духовное совершенствование»³. Можно также вспомнить высказывание А.П. Чехова, что в человека «все должно быть прекрасно», и мысль материалиста А.И. Герцена из «Писем к старому товарищу», что «нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они

¹ Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 30 томах. Т.26. Л., 1984. С. 164. Нравственную правоту Достоевского с его идеями о безусловном примате нравственного и духовного преображения человека по сравнению со всеми общественными преобразованиями почувствовали и наиболее глубокие мыслители Запада. О. Шпенглер, отношение которого к России было довольно противоречивым, писал, что «христианство Достоевского принадлежит будущему тысячелетию» (Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.2. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998. С. 201).

² Франк С.Л. Реальность и человек. С. 333.

³ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 317.

освобождены *внутри*... В сущности, все формы исторические nolens volence ведут от одного освобождения к другому... Государство везде начинается с полного порабощения лица и везде стремится, перейдя известное развитие, к полному освобождению его»¹.

Эту сквозную русскую мысль о необходимости везде и во всем видеть именно живого человека и необходимость его развития можно обнаружить и у советских писателей, в частности, у Андрея Вознесенского, что «все прогрессы – реакционны, если рушится человек»².

Здесь возникает целый ряд вопросов: какие еще объективные ресурсы, кроме идеальных и духовных, есть у России, чтобы она вместе с другими странами и народами Северной Евразии возглавила переход к ноосферному цивилизационному укладу? Какие условия необходимы сегодня в условиях новой информационной среды для всестороннего развития человека? Какие соблазны и ловушки подстерегают нас на этом сложном пути, ведь есть не только расхождения между субъективными целями и объективными возможностями их достижения, но и между истинными и ложными целями, способными завести в цивилизационный тупик?

Анализу этих проблем будут посвящены второй и третий разделы монографии. Во втором разделе мы вернемся к теме, затронутой в первой главе, а именно – к проблематике цивилизационных и мегацивилизационных коридоров, которые проходят через Северную Евразию и являются важнейшей предпосылкой как собственного развития России, так и нового объединения Евразии и всего человечества. В этом разделе мы также попытаемся показать, какую огромную роль играет

¹ Герцен А.И. Избранные философские произведения. В 2 т. Т.2. М., 1946. С. 297.

² Вознесенский А.А. Стихотворения. М., 2018. С. 342.

конкретная личность в прокладке и осмыслении этих цивилизационных коридоров, памятуя, что никакие исторические законы не действуют вне и помимо воли конкретных людей.

В третьем разделе мы коснемся исторических, ценностных и культурных ресурсов, которыми обладает российская цивилизация для духовно-экологической трансформации и которые требуют деятельной актуализации в новых исторических условиях.

РАЗДЕЛ 2.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОРИДОРЫ РОССИИ В ЕВРАЗИИ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

В данном разделе мы существенно уточним и содержательно конкретизируем развивающийся в монографии синтетический цивилизационный подход в его пространственном и временном аспектах, сосредоточив внимание на понятии «цивилизационного коридора», которое ввели в первой главе². Цивилизационные коридоры имели и имеют, как мы постараемся показать ниже, огромное значение для существования России как наиболее протяженного государства Северной Евразии, связующего Север и Юг, Запад и Восток евразийского континента. Исторически цивилизационные коридоры обеспечили становление российской цивилизации как именно евразийской державы, позволившей ей обогатиться культурными достижениями и восточной, и западной мегацивилизаций, но сформировать при этом свой образ жизни, систему ценностей и государственные устои существования. С осознанием стратегического значения этих коридоров и их практическим использованием в новых исторических условиях можно связывать надежды на возрождение страны и ее активное – лидерское – участие в становлении ноосферного мегацивилизационного уклада.

Эффективно действующие цивилизационные и межцивилизационные коридоры – это узы, которые призваны сплачивать людей, народы и цивилизации, гасить «пожары» на «межцивилизационных фронтирах» и разносить вести из цивилизационных горных «узлов», поскольку горы бережно

¹ При анализе меридиональных цивилизационных коридоров использованы материалы статьи: Иванов А.В., Попков Ю.В. Меридиональные цивилизационные коридоры Евразии: ретроспектива и перспективы // Евразийский ежегодник. 2024. №2. С. 52-74.

² Ниже мы будем использовать понятие «цивилизационный коридор», поскольку речь пойдет именно о российской цивилизации, хотя понятно, что большинство коридоров, проходящих через Россию, выполняют именно мегацивилизационные функции.

хранят в своих долинах и ущельях память о прошедших эпохах, в том числе, и о великих эпохах духа; а также, как ныне Алтай, могут явить образцы взаимного уважения и продуктивного сотрудничества народов, для которых горы – это их общий родной дом, сберечь который можно только сообща.

ГЛАВА 3. Меридиональные цивилизационные коридоры России в Евразии

§1. Исходные методологические и концептуальные замечания

Активное развитие международного сотрудничества в рамках так называемой Большой Евразии¹ и особенно – усиленно продвигаемый Китаем с 2013 года амбициозный проект «Один пояс – Один путь» – породили многочисленные варианты прокладки международных транспортных и энергетических континентальных коридоров, дополняющих или существенно корректирующих китайский проект.

В частности, целым рядом отечественных авторов подчеркивается значение не только широтных коридоров, связывающих Восток и Запад, но и идущих в меридиональном направлении, интегрирующих Север и Юг Евразии. В отечественной литературе этому посвящены, в частности, работы Ю.В. Крупнова с соавторами², а также капитальный доклад

¹ Под ней сейчас понимают новую формирующуюся геополитическую общность, объединяющую Россию и страны Востока, основанную на принципах равноправия, поликультурности и всестороннего учета национальных интересов стран, входящих в те или иные политические или экономические объединения, типа ШОС, ЕвразЭС или БРИКС.

² Громыко Ю.В., Крупнов Ю.В. Транспортное цивилизационное продвижение – конкретный сценарий развития России. Стратегиче-

Изборского клуба¹, где справедливо подчеркивается, что транспортные коридоры выполняют не только функции «коридоров развития», но и средств интенсификации диалога различных цивилизаций. В этой связи нам представляется целесообразным в данном разделе монографии системно прояснить понятие цивилизационного коридора и дать краткое описание существующих и только формирующихся цивилизационных коридоров, от которых в значительной степени зависит судьба земного сообщества.

Введение понятия цивилизационного коридора² позволяет подчеркнем это еще раз, существенно расширить арсенал методологических средств цивилизационного подхода, так как дает возможность по-новому взглянуть не только на пространственные (синхронические) взаимодействия различных цивилизаций, но и на закономерности временных (диахронических) контактов между ними, о чем мы писали выше.

ский доклад D8. Концептуальное расширение российской повестки дня G8 – 2006. Москва, 2007; Крупнов Ю.В. Сибирь – новая Центральная Россия, или как Юг Западной Сибири станет экономическим центром Планеты. Проектно-аналитический доклад. М., 2013.

¹ Аркаим XXI век – концепция геостратегического усиления России и ее союзников // Изборский клуб (Русские стратегии). 2023. №1-2 (109-110).

² В отечественной литературе понятие цивилизационного коридора использует Д.А. Нисевич, но понимает его в сугубо политико-экономическом и темпоральном ключе, как канал перехода к постиндустриальной модели цивилизационного существования (см: Нисевич Ю.А. Постиндустриальный цивилизационный транзит: институциональный аспект // Общественные науки и современность. 2020. № 1. С. 77-88). Данное понятие употребляет также Ю.А. Подберезкина. Хотя она обращает внимание на особенности стран, которые выступают в качестве государств-цивилизаций, суть цивилизационных коридоров связывает с технологическими механизмами транспортных коридоров. Именно транспортные и экономические коридоры она называет цивилизационными (см.: Подберезкина О.А. Цивилизационные коридоры // VIPERSON. 2024. URL: <https://viperson.ru/articles/tsivilizatsionnye-koridory#:~:text> (дата обращения 15.11.2024)). Мы предлагаем иную трактовку данного феномена, о чём пойдет речь дальше.

Ключевой тезис данной главы заключается в том, что в становлении и развитии России как великой евразийской и мировой державы, огромную роль играли и будут играть **три широтных цивилизационных коридора** (Великая степь, Транссиб и Северный морской путь), а также **четыре меридиональных коридора: два речных и морских, лежащих в европейской России** (Днепровско-Черноморский и Волжско-Каспийский); и **два сухопутных, расположенных в Зауральской России** (Алтай – Гималаи и Бурятия – Монголия – Тибет).

Эти семь коридоров обеспечили связи России не только с Востоком и Западом, но также с Севером и Югом Евразии, обусловили ее срединное геополитическое, геоэкономическое и геокультурное положение, способствовали становлению таких черт национального характера, которые помогли связать воедино в рамках российской евразийской цивилизации представителей самых разных территориальных, этнокультурных и религиозных цивилизационных и субцивилизационных сообществ. Дух «всемирной отзывчивости» русского народа как этнокультурного стержня многонациональной российской цивилизации формировался в ходе освоения и многовекового использования именно этих цивилизационных коридоров.

Под *цивилизационными коридорами* мы будем понимать *устойчивые пространственно-временные каналы обмена материальными и духовными ценностями, опытом создания экономических, государственно-правовых и военных институтов, а также научно-техническими, художественными и хозяйственно-бытовыми достижениями между различными мегацивилизационными, цивилизационными и субцивилизационными сообществами*.

Цивилизационные коридоры, в которых органично соединяются природные и социокультурные параметры¹, рождаются в разное время и под действием различных фак-

¹ В силу чего не будет ошибкой назвать их *структурообразующими элементами культурного ландшафта* Северной Евразии и всего евроазиатского континента.

торов; они могут временно прерываться, а потом вновь восстанавливаться; входить в различные государственные образования, приобретая со временем новые черты и функции. Они могут быть дорогами и мира, и вражды; по ним могут циркулировать и ценности, и антиценности; как истинные, так и ложные знания, но даже во времена войн и смут они никогда полностью не утрачивают своих созидательных транспортных, торговых, информационно-просветительских, культурно-коммуникативных и паломнических функций.

Цивилизационные коридоры – это как бы *становые мегацивилизационные жилы*, переносящие живительную «кровь» материальных и человеческих ресурсов, знаний и технологий, продуктов социального и духовного творчества между различными странами и народами Земли. Важно отметить, что меридиональные коридоры пересекаются с широтными коридорами, причем в узлах этих пересечений расположены крупные торговые, политические и культурные центры, сыгравшие и играющие важнейшую роль в мировой истории. Таковы Киев и Астрахань, Дербент и Хорезм, Нижний Новгород и Казань, Урумчи и Турфан, Яркенд и Улан-Батор.

Правомерно также уподобить систему пересекающихся меридиональных и широтных цивилизационных коридоров *глобальной политической, торговой, этнокультурной и интеллектуальной сети*, от века обеспечивавшей целостность развития всего евроазиатского континента как единой мирсистемы. Любые значимые политические, технические, научные, художественные или религиозные флуктуации в различных участках этой сети довольно быстро становились известными другим ее сегментам; а деструктивные процессы, угрожающие сломом сложившегося международного порядка, позволяли элементам этой сети заранее подготовиться к разрушительным отклонениям от устоявшихся созидательных трендов и норм.

В нынешнюю информационную эпоху ситуация значительно изменилась, но и сегодня не информационные, а именно реальные потоки больших масс людей, вещей и энергии по торгово-транспортным цивилизационным коридорам

обеспечивают устойчивую связь между народами, государствами и территориями. Их разрывы, наоборот, порождают всеобщий хаос и деградацию и никому не приносят пользы, что мы можем наблюдать сегодня, в условиях беспрецедентных санкций Запада против России и угроз применения аналогичных санкций в отношении других стран.

Есть основания констатировать: **сознательное и одностороннее блокирование цивилизационных и мегавизуализационных коридоров¹ – это один из злых показателей стагнирующих государств и даже мегавизуализаций**, неспособных достойно и морально, то есть подлинно цивилизованно, отвечать на исторические вызовы, а также понять и принять существование других цивилизаций и их «образов мира». Санкции тем более порочны и антигуманны, что в первую очередь затрагивают не политические элиты и не олигархов, а простых людей.

И еще одна закономерность, касающаяся возникновения и функционирования цивилизационных коридоров, важная с точки зрения того, о чем речь пойдет в дальнейшем: цивилизационный коридор может первоначально зародиться как *региональный канал взаимодействия и культурного обмена* между локальными сообществами, а потом в силу новых природных и исторических обстоятельств, приобрести *глобальный характер*, связывая воедино большие субцивилизационные, цивилизационные и мегавизуализационные общности. Это особенно касается Северного (или Арктического) коридора, как это будет показано в следующей главе.

Цивилизационные коридоры в истории чаще всего складываются и функционируют стихийно, но могут использоваться сознательно и целенаправленно, становясь важной частью государственной политики, особенно таких пространственно обширных и многонациональных держав, как Россия

¹ Любопытно, что полностью прервать действие цивилизационного коридора, особенно в нынешнюю эпоху, попросту невозможно. Живые связи между странами, народами и цивилизациями все равно в той или иной форме будут налаживаться. Другое дело, что с ущербом для всех сторон.

или Китай. От стратегически выверенного использования цивилизационных коридоров зависит и внутреннее развитие страны, и ее авторитет на международной арене.

Кто владеет цивилизационными коридорами, а, главное, развивает и информационно продвигает их, – тот объединяет всю Евразию на своих правилах «цивилизационной игры», желательно альтруистических, а не эгоистических, то есть в интересах не только собственного, но и других народов. В этом смысле вряд ли случайным является тот факт, что именно народы России и, прежде всего, русский народ внесли и, надеемся, будут и дальше вносить исключительный вклад в становление и развитие цивилизационных и мегацивилизационных коридоров Евразии.

И, наконец, последний принципиальный момент: историческое взаимодействие цивилизаций и мегацивилизаций, о чем мы тоже говорили выше – это ни в коем случае не анонимный и не безликий процесс в духе географического, экономического или социологического детерминизма. У цивилизационных коридоров всегда есть *значимое личностное измерение*, поскольку они прокладываются, научно и художественно осмысливаются выдающимися представителями разных народов: путешественниками, политиками, учеными, религиозными подвижниками и художниками. Через них, в первую очередь, происходят наиболее продуктивные контакты между цивилизациями, через их жизнь и творчество появляются новые звенья в духовной истории человечества и осуществляются процессы глубинной цивилизационной рефлексии, о чем будет специально вестись речь ниже.

При анализе меридиональных цивилизационных коридоров мы меньше внимания уделим двум первым из них (Днепровско-Черноморскому и Волжско-Каспийскому), расположенным в европейской части России, поскольку они давно известны и хорошо изучены, а сосредоточимся на двух других – зауральских и сухопутных – коридорах, изученных в гораздо меньшей степени.

Что касается широтных коридоров, то мы не будем детально касаться знаменитого пояса Великих степей, по кото-

рому проходила северная ветка Шелкового пути и который классик евразийства П.Н. Савицкий назвал «степным океаном». Цивилизационной миссии Великой степи и ее роли в судьбе России посвятил свою известную работу Л.Н. Гумилев¹. Основное же внимание мы уделим Северному морскому пути и Арктическому, только еще формирующемуся глобальному цивилизационному коридору.

§2. Днепр и путь «из варяг в греки»

Данный цивилизационный коридор сыграл важнейшую роль в формировании древнерусского государства, испытавшего, как известно, многообразные цивилизационные влияния с севера (варяги) и юга (Византия). Древняя Русь со столицей в Киеве оказалась также причастной к широтному цивилизационному коридору Великой степи, соединившему ее с западным и восточным культурно-географическими мирами.

Осевое цивилизационное значение Днепра, где сходятся пути, связывающие Север и Юг, Восток и Запад, отчетливо осознается уже автором «Повести временных лет». Он пишет, что, двигаясь по Днепру на север, можно через волок попасть в Ловать и Ильмень-озеро, оттуда в Варяжское море, а через него доплыть до самого Рима и вернуться морским путем обратно к Царьграду и Черному морю, то есть фактически обогнуть весь европейский континент. И далее автор продолжает: «Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет, а идет на север и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает... в море Хвалисское. Так же и из Руси можно идти по Волге в Болгары и в Хвалисы...»².

¹ См.: Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1982.

² Повести временных лет // Златоструй. Древняя Русь X-XIII вв. М., 1990. С.39. Мы здесь отвлекаемся от известной исторической проблемы – насколько активно и систематически использовался труднейший путь из Днепра в реку Ловать и озеро Ильмень, связанный с промежуточным волоком в притоки Западной Двины и только оттуда в

Знаменательно, что становление Древней Руси, возникшей на пересечении различных цивилизационных и мегацивилизационных влияний, символизировано в древних летописях двумя персонажами, связанными с Днепром. Первый – легендарный Олег, приколачивающий щит к вратам Царьграда. Он как бы воплощает государствообразующее светское начало Руси, принесенное с Севера¹; в то время как приплывший с Юга апостол Андрей воплощает духовное – православно-византийское – цивилизационное влияние. Доплыv от устья Днепра до киевских холмов, апостол говорит своим ученикам: «”Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, и будет город великий и воздвигнет Бог много церквей”. И взошел на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где позднее возник Киев»².

Через Днепр Древняя Русь вывозит в Южную Европу свои основные экспортные товары, связанные с хозяйственным использованием лесов Северной Евразии: меха, мед, воск, потом строевую древесину. Днепровский цивилизационный коридор в последующие столетия оказался во многом «перерезанным» пришедшими с Востока степными кочевыми народами, а потом – Крымским ханством. А с севера, со стороны Балтийского моря, он оказался блокированным шведским государством.

Как справедливо подмечает А.В. Головнев, ссылаясь здесь на Д.С. Мережковского³, Петр I не столько прорубает

Ловать. Гораздо проще было попасть в Балтийское море из Константинополя через единственный волок в Западную Двину.

¹ В.О. Ключевский справедливо замечает: «Русское государство основалось деятельностью Аскольда и потом Олега в Киеве: из Киева, а не из Новгорода пошло политическое объединение русского славянства; Киевское варяжское княжество этих витязей стало зерном того союза славянских и соседних с ним финских племен, который можно признать первоначальной формой Русского государства» (Ключевский В.О. Собр. соч.: в 9 томах. Т.1. Курс русской истории. Ч. I. М., 1987. С. 159).

² Повести временных лет... С. 39.

³ Мережковский пишет о Петре I: «Говорит, что начал впервые думать о море, когда прочел сказание летописца Нестора о морском

новое «окно в Европу», сколько восстанавливает старое древнерусское «окно на Север»: «Подобно своим далеким предшественникам, древнерусским князьям, — пишет А.В. Головнев, — он строил “империю флота” с ключевыми портами на севере и юге, только на этот раз место Ладоги занял Петербург, а Киева – Воронеж»¹.

Однако лишь с выходом России к Черному морю, завоеванием устья Днепра и основанием Севастополя днепровский цивилизационный коридор снова заработал в полную силу, превратив Россию в могущественную европейскую державу, активно участвующую в жизни Балкан, Кавказа и Малой Азии. Позднее борьба с Османской империей на Черном море за Босфор и Дарданеллы, за Константинополь станет одним из приоритетов российской внешней политики, поскольку это позволяло не только быть причастным к основному внутреннему морскому коридору Европы, но и активно участвовать в политической жизни Южной Европы, Северной Африки и Ближнего Востока, где южная ветка сухопутного Шелкового пути выходила к средиземноморским стратегически значимым портам на территории современного Ливана, Израиля, Сирии и Египта.

С географических и geopolитических позиций можно говорить о существовании сквозного мегацивилизационного водного коридора Балтийское море – Средиземное море, который, правда, контролировался в истории самыми разными государствами и народами и неоднократно прерывался, прежде всего, кочевыми племенами с Востока. Только в эпоху Византии IX–XI веков и Киевской Руси, да и то с известными оговорками, он действовал относительно устойчиво и обеспечивал мирное движение товаров по меридиональному водному пути между севером и югом Европы. Возможно,

походе киевского князя Олега под Царьград. Если так, то он воскрешает в новом древнее, в чужом родное. От моря через сушу к морю – та-ков путь России» (Мережковский Д.С. Собр. соч.: в 4 томах. Т. II. М., 1990. С. 414).

¹ Головнев А.Н. Музы и науки «продвигаются к северу»: Петр I и северность России // Евразийский ежегодник. 2023. №1. С. 95.

этому глобальному варяжско-славянско-греческому цивилизационному коридору когда-то будет суждено обрести вторую жизнь. Не исключено, что началом могло бы стать его поэтапное этно-историческое туристическое восстановление с возможностью пройти на ладьях по древнейшим водным путям Евразии, но для этого на Днепре и вокруг него должны перестать грохотать пушки и летать боевые дроны.

Значение Днепра и днепровского цивилизационного коридора впоследствии получает многообразное художественное осмысление. Здесь достаточно вспомнить и знаменитые гоголевские строки, что «редкая птица долетит до середины Днепра», и полотна А.И. Куинджи, и множество стихотворений, посвященных Днепру, от Тараса Шевченко и Ивана Бунина до Самуила Маршака и Александра Твардовского. Здесь физический существующий цивилизационный коридор приобретает *не только личностное, но и духовное измерение*.

Важнейшей цивилизационной миссией этого меридионального коридора является также то, что Днепр, протекая через Россию, Белоруссию и Украину, в течение многих столетий служил важной пространственной скрепой восточнославянских народов. В результате трагического распада СССР он во многом утратил эти функции, а после начала СВО фактически превратился в коридор цивилизационного размежевания и конфронтации.

Сегодня мы стоим перед важнейшей дилеммой: или Днепр вновь станет осью единения восточных славян и воссоздания в той или иной форме единого союзного государства, что было бы наиболее благоприятным geopolитическим и цивилизационным сценарием; или же он окончательно превратится в вечно пылающий западный фронтir Северной Евразии с перспективой жесткого размежевания не только Украины и России, России и Запада, но Северной Евразии и Южной Европы, то есть грозит окончательным расколом славянской и православной цивилизационных общностей.

Ответственная российская политика, в какие бы трагические и сложные времена ее ни приходилось проводить, ни в коем случае не должна позволить перерубить днепровскую

становую цивилизационную жилу Северной Евразии. Днепр вновь должен начать единить народы и культуры. Из ныне кровавого с разрушенными плотинами он должен вновь стать лазурным и чистым, работая на мир и процветание всех населяющих его берега братских славянских и православных народов. По нему опять должны поплыть ладьи мира, экономического сотрудничества и высокой культуры.

§3. Волга как цивилизационный коридор связи Руси-России с исламским миром, Ираном и Индией

Волга наиболее тесно связывает север и юг европейской части Северной Евразии, а также ее меридиональные и широтные транспортные и торговые пути. Древняя Русь использует волжский коридор с самого начала своего возникновения, что отмечается уже в приведенном выше фрагменте из «Повести временных лет». Древнейшие транспортные водные коридоры были проложены по нескольким путям: один шел из озера Ильменя в реку Ловать и через ее притоки в систему озер Селигера, а оттуда в Волгу. Второй пролегал через также впадающую в озеро Ильмень реку Мсту в один из главных притоков верхней Волги – Тверцу, где впоследствии Петром Первым была основана знаменитая Вышневолоцкая водная система. Путь по Мсте осложнялся бурными мстинскими порогами там, где река пробивается через граниты Валдайской возвышенности.

Оба пути сходились в Волоке Ламском, где, дабы избежать долгих странствий по северной волжской дуге, был проложен волок из Ламы, притока волжской Шоши – в реку Волошню, которая впадала в Рузу, приток Москвы-реки. Путь по Москве-реке и Оке существенно сокращал путь до волжских низовьев. На этом пути возникали русские «осевые» пограничные и торговые города: Торжок, Тверь, Руза, Звенигород, Москва, Коломна, Рязань, Нижний Новгород –

опорные первоначальные пункты становления русского мира и всей российской цивилизации в целом.

Существовал еще один водный путь, связывавший юг и север Евразии. Он шел из Балтийского моря через подъем по Западной Двине к верховьям Волги, но и он не мог миновать Ламский волок.

Первоначально Хазария и Волжская Булгария стали важнейшими торговыми посредниками между Русью и странами Востока. Русские купцы, по свидетельству арабского писателя IX века Хордадбе, спускаясь через нижнее течение Волги в Каспийское море, доходили потом на верблюдах до Багдада¹. Предметы восточной роскоши (ювелирные украшения, шелк, кашемир, фарфор, пряности), а также научные знания, в том числе и медицинские трактаты Авиценны², поступают с юга на Русь именно по этому великому волжскому цивилизационному коридору, а одежду персидских и арабских владык украшают северные русские меха.

Данный цивилизационный коридор, как и днепровский, то успешно работает, то прерывается. После крушения Хазарии и проникновения в южнорусские степи кочевых племен (печенегов и половцев), он с IX века фактически прерывается и вновь начинает эффективно функционировать только со второй половины XIII века, когда вся Великая степь подпадает под власть Монгольской империи. XIV век – расцвет торговых волжских городов, где Нижний Новгород фактически превращается в главный оплот Руси на Востоке. Однако в это время Волга – не только коридор мирной торговли, но и водный путь для разбойничьих походов новгородских ушкуйников, а также широкого распространения работторговли с центром в Казани, откуда рабы и рабыни из северных славянских земель будут продаваться на восточных невольничих рынках.

Волжский цивилизационный коридор перестанет быть безопасным для купцов после «Великой замятни» в Золотой

¹ Ключевский В.О. Собр. соч.: в 9 томах. Т.1. Курс русской истории. Ч.1. М., 1987. С. 140.

² На Руси они были известны под названием «Овсиева мудрость».

Орде, приведшей к ее распаду на Казанское и Астраханское царства, Крымское ханство и Ногайскую орду в XV веке. Трудности использования этого важнейшего цивилизационного коридора отражают приключения тверского купца Афанасия Никитина, ограбленного в низовьях Волги ногаями.

Полностью этот торговый коридор будет восстановлен только в XVI веке через завоевание московскими войсками сначала Казанского, а потом и Астраханского ханств в 1556 году. С начала XVII века, а по некоторым данным и еще раньше, Астрахань превращается в важнейший центр торговли и межцивилизационного диалога Руси-России с мусульманским Востоком и с Индией. Там, в частности, в течение многих лет будет располагаться индийская торговая фактория со складскими помещениями, гостевыми домами и индуистскими храмами.

У этого важнейшего для России цивилизационного коридора есть свой великий первопроходец, ставший символом единения России, Персии и Индии, а еще точнее, единения России с мегацивилизацией Востока. Имя первопроходца – уже упоминавшийся выше Афанасий Никитин. Его труд «Хожение за три моря» был включен в состав русских государственных летописей наряду с другими важнейшими документами той эпохи. Свое путешествие он совершил с 1466 по 1472 годы, и его описание ценно не только сведениями о культуре и быте Ближнего Востока и Индии, но и наличием элементов того, что может быть названо цивилизационной рефлексией¹, то есть попытками осмыслить свою культуру сквозь призму других культур, а также сделать важные синтетические мировоззренческие выводы, которые невозможно осуществить вне ситуации живого межцивилизационного диалога.

Труд простого тверского купца, но явно незаурядного человека – это удивительный пример того, какую важную объединительную духовную роль могут играть цивилизации

¹ Как и упоминавшийся во второй главе знаменитый труд «Индия» Абу Рейхана Бируни.

онные коридоры. Афанасий Никитин, попав в чуждую ему религиозную среду и постоянно испытывая угрозу насилиственной исламизации, периодически возвращается на страницах своего труда к теме собственного культурного и религиозного самосознания: «...А правую веру бог ведает. А правая вера – единого бога знать и имя его во всяком месте чистом в чистоте призывать»¹, то есть подлинность религиозного опыта ставится в зависимость от чистоты и искренности молитвы.

Очень интересно суждение Афанасия Никитина о своем отечестве, явно вытекающее из его цивилизационного сопоставления с другими странами с иным государственным устройством и образом жизни. Он искренне пишет: «А Русскую землю бог да сохранит! Боже, храни ее!.. На этом свете нет страны, подобной ей. Но почему князья земли Русской не живут друг с другом как братья! Пусть устроится Русская земля, а то мало в ней справедливости»². Тут проявляется очень важная цивилизационная ценность отечественного национального самосознания – *справедливость*, которая не получает, по мысли Афанасия Никитина, реального воплощения на его родине.

Впоследствии Волжско-Каспийский цивилизационный коридор между Северной и Южной Евразией будет работать достаточно продуктивно и эффективно, особенно после освобождения Индии от колониальной зависимости. В современной ситуации обострения отношений России с Западом меридиональный геополитический, энергетический, торговый и культурный цивилизационный коридор Волга – Каспийское море – Иран – Персидский залив – порты Индии приобретает особое значение. Его комплексному анализу, а также механизмам современного практического использования посвящен уже упоминавшийся выше капитальный коллективный доклад Изборского клуба.

¹ Хожение за три моря Афанасия Никитина. М., 1986. С. 55.

² Там же. С. 53.

В самое последнее время создание железнодорожного сегмента этого транспортно-торгового меридионального коридора с участием Азербайджана обсуждалось на встрече Владимира Путина и Ильхама Алиева¹. Это говорит о том, что цивилизационные коридоры могут обретать второе дыхание в новых исторических условиях, как бы заново проявлять свой латентный созидательный и диалогический потенциал.

Отметим также, что связь России с Ираном и Индией также подвергается глубокому художественному осмысливанию, то есть особым образом преломляется в культурном пространстве и становится частью духовной истории человечества. Здесь достаточно вспомнить есенинские «Персидские мотивы», которые сложились у него после посещения Азербайджана; мотив «Белой Индии» в поэзии Клюева; «Шехерезаду» Римского-Корсакова, восточные мотивы в живописи Верещагина, «Поэму начала» Н. Гумилева и т.д.

Есть примеры прямого поэтического осмысливания речных цивилизационных коридоров России и ее общей собирательной мегацивилизационной миссии также и в советской литературе. Приведем в этой связи стихотворение «Допою свои песни земные» прекрасного русского поэта Николая Тряпкина:

«Допою свои песни земные,
Догляжу свои сны до конца.
Ах, плыvите вы, струги резные,
С моего золотого крыльца!

Устремляйтесь, жемчужные реки,
С ворожейных ступенек моих.
Запевайте, варяги и греки,
У раскрашенных вёсел своих.

¹ См.: Грандиозные проекты, сопротивление Западу: что объединяет РФ и Азербайджан. URL: <https://news.ru/cis/grandioznye-proekty-soprotivlenie-zapadu-chto-obedinyaet-rf-i-azerbajdzhan/> (дата обращения: 11.01.2025)

Не желаете ль меда и хлеба?
Не хотите ль моих соболей?
Под лучами российского Феба
Дорогих принимаю гостей.

И едва лишь на званом соборе
В золоченые гонги пробьют,
Восподнимутся лебеди с моря –
И по этим струнам поплынут.

Только выгнутся белые шеи,
Засияет луна под крылом...
Заходите, любезные свеи,
Не скучайте за нашим столом!

Пронесёмся на берег урманский,
Вознесёмся на жёлтый Тибет.
Под навесом моим шемаханским
Ничего невозможного нет...

Ах, плывите же, струги резные,
С моего золотого крыльца!
Допою свои песни земные,
Догляжу свои сны до конца»¹.

Это стихотворение с упоминанием «желтого Тибета» делает естественным наше обращение к Зауральскому сухопутному цивилизационному коридору, связывающему мегацивилизационное пространство Северной Евразии с восточным культурно-географическим миром.

§4. Культурно-паломнический и научный коридор Бурятия – Монголия – Тибет

Это самый восточный и исторически поздно возникший сухопутный цивилизационный коридор, имеющий в первую очередь культурно-паломнические истоки и значение. Он

¹ Тряпкин Н. Допою свои песни земные // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2013/05/25/399> (дата обращения: 23.12.2024)

начинает формироваться с XIII века, когда буддийские идеи впервые проникают в Монголию, а с XVI века начинает действовать на постоянной основе. С севера на юг идут к святыням и монастырям Тибета многочисленные монгольские паломники-буддисты, в том числе и молодые ламы, желающие получить религиозное и медицинское образование в многочисленных тибетских монастырях. Караваны паломников везут с собой в Тибет сибирские меха и дары для буддийских монастырей. С юга на север, из Тибета через восточные провинции Китая во Внутреннюю и Внешнюю Монголию транспортируют многочисленную буддийскую религиозную и медицинскую литературу, предметы религиозного искусства и культа. Начиная с XVIII века в состав караванов, идущих из Монголии в Тибет, во все возрастающем количестве начинают входить паломники из Бурятии.

Через этот цивилизационный коридор Россия устанавливает систематические контакты с буддийским миром, Тибетом и опосредованно – с Индией. Наличие знатоков тибетского и монгольского языков среди бурят, а также привезенные непосредственно из Тибета буддийские религиозно-философские, медицинские и искусствоведческие тексты позволили поднять на новый качественный уровень востоковедческие исследования в России, создать впоследствии мощные, мирового уровня буддологические научные центры в Улан-Удэ и во Владивостоке.

Очень важную роль в укреплении российско-буддийских и российско-тибетских связей сыграл бурят Агван Доржиев, который молодым человеком отправился в Тибет и достиг там высоких ступеней в буддийской иерархии, став в 1888 году духовным наставником Далай-Ламы XIII. Он был инициатором строительства в 1909 году первого буддийского дацана в Петербурге, в специальный, созданный для этой цели комитет которого входили выдающиеся российские востоковеды В.В. Радлов, С.В. Ольденбург, Ф.И. Щербатской, князь Э.Э. Ухтомский, знаменитый врач и ученый П. Бадмаев, художник Н.К. Рерих.

Установление прочных связей между Россией и народами Центральной Азии, интенсификация межрелигиозного диалога между буддистами и православными христианами внесли свой важный вклад в общее укрепление геополитических позиций нашей страны на Востоке, позволили российской власти выстроить достаточно взвешенную общую политическую линию относительно такой влиятельной мировой религии, как буддизм, и буддийского мира в целом.

Особенноозвучной православному русскому сознанию оказалась миротворческая позиция буддизма, его открытость широкому межкультурному диалогу, а светской российской интелигенции – готовность буддизма творчески взаимодействовать с наукой. Ю.Н. Перих писал, подводя итоги распространения буддизма в Евразии: «Распространение буддизма по ту сторону Гималаев имело одно важное последствие – оно принесло послание Будды в Монголию и позднее, в XVII веке, в Сибирь. Неуклонное движение буддизма на север завершилось возведением буддийской вихары в Петербурге, нынешнем Ленинграде, который был освящен в 1913 году. Он стоит до сих пор, пережив вражескую бомбардировку во время незабываемой блокады Ленинграда в ходе второй мировой войны»¹.

О влиянии этого цивилизационного коридора для объединения Севера и Юга Евразии, интенсивности контактов между Россией и народами Центральной Азии сохранились любопытные свидетельства официального представителя Ост-Индской компании англичанина Дж. Богла, посетившего Тибет в 70-ые годы XVIII века. Его отчет был обнаружен известным отечественным историком науки А.В. Постниковым в отделе рукописей французской Национальной библиотеки. Там Дж. Богл описывает прием, который был ему оказан в Лхасе высшими иерархами ламаистской Церкви, где «для теплоты и удобства Таши Лама дал англичанам одежду, украшенную шкурами сибирских лис и соболей... Таким об-

¹ Перих Ю.Н. Буддизм и культурное единство Азии. Сборник статей. М., 2002. С. 15.

разом, как отмечает Богл, они были одеты по-русски¹. При дальнейшем общении буддийские иерархи обнаружили прекрасную осведомленность о том, что происходило на российско-китайской границе, а также прямо задали английскому посланнику вопрос о характере англо-русских отношений. От ответа на этот сложный вопрос Богл, по его словам, дипломатически уклонился².

Важно отметить, что путь европейцам в Тибет в последующие века будет закрыт и с севера, и с юга. Русские путешественники второй половины XIX – начала XX веков, имеющие безусловный приоритет в исследовании Центральной Азии, так и не сумеют официально попасть в Лхасу. Ее, в частности, не сможет достичь наш знаменитый путешественник Н.М. Пржевальский.

Первым же ученым, который, рискуя жизнью, пройдет по этому цивилизационному коридору от Урги (Улан-Батора) до Лхасы в 1899 году под видом бурятского паломника, детально опишет свой маршрут и даже тайно сделает фотографии, будет известный бурятский путешественник, востоковед и общественный деятель Гомбожаб Цэбекович Цыбиков³. В каком-то смысле он окажется таким же первопроходцем этого азиатского цивилизационного коридора, как и Афанасий Никитин для волжского, а его знаменитый труд «Буддист-паломник у святынь Тибета», как и никитинское «Хожение за три моря», будет переведен на многие европейские языки и станет на несколько десятилетий «научным путеводителем» по этому великому меридиональному цивилизационному пути.

Важно подчеркнуть, что труд выдающегося бурятского ученого вовсе не является сухим экспедиционным отчетом-описанием. Он полон глубоких замечаний и размышлений

¹ Постников А.В. Первое путешествие просвещенного европейца на Тибет (1763–1769 гг.) // 80 лет Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха. Материалы Междунар. научно-обществ. конф. 2008. М., 2009. С. 188.

² Там же.

³ Где, кстати, установит контакт с А. Доржиевым и получит от него поддержку.

именно этнокультурного характера, касающегося быта и мировоззрения китайцев, монголов и тибетцев. В нем есть страницы, подчеркивающие важность контактов России с восточными народами, а также необходимость систематического научного изучения культурного наследия Центральной Азии – великого цивилизационного перекрестка языков, культур и религий. Прекрасно понимал Г.Ц. Цыбиков и значение Тибета для России и Сибири. Он прямо говорил об этом в докладе о своем путешествии на заседании Русского географического общества: «Россия едва ли может рассчитывать на Тибет как на выгодный рынок сбыта своих товаров, но иметь сношения с Тибетом для нее важно в том отношении, что это центр ламаизма, к которому прикованы помыслы современных монголов, из коих около полмиллиона под названием бурятов и калмыков находится в русском подданстве»¹.

Судьба этого великого цивилизационного коридора в XX веке оказалась трагической. Сначала победа монгольской революции и социалистическое развитие Монголии оборвали ее религиозно-культурные связи с Тибетом, а впоследствии оккупация Тибета Китаем в середине прошлого века фактически ознаменовала конец независимой тибетской теократии. Огромное количество тибетских монастырей было разрушено, монахи были или репрессированы, или вынуждены бежать в соседнюю Индию.

Однако цивилизационные коридоры имеют не только физическое, но и культурное пространственное измерение, особенно в современную «цифровую» эпоху. Связи между цивилизациями могут восстанавливаться и приобретать новые формы, опираясь на иные средства транспорта и коммуникаций. Так, культурно-религиозные связи между Бурятией, Монгoliей и Тибетом стали удивительно быстро восстанавливаться начиная с 90-х годов прошлого века. Монгольские и бурятские ламы ныне обучаются в тибетских школах и мона-

¹ Цыбиков Г.Ц. Избранные труды: в 2 томах. Т.2. О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. Новосибирск, 1991. С. 25.

стырях, переместившихся на территорию Индии, в частности, в район Индийских Гималаев, где находится штаб-квартира Далай-ламы.

В свою очередь, многие тибетские религиозные подвижники и знатоки восточной медицины участвуют и ведут врачебную практику в возродившихся монгольских и бурятских буддийских монастырях, а также в светских научных центрах Монголии и Бурятии. Значительную роль в возрождении монгольского буддизма и восстановлении связей с тибетскими школами сыграл трагически погибший выдающийся монгольский духовный подвижник, художник, скульптор и поэт лама Пуревбат. Один из авторов данной главы имел с ним личное общение. Ламе Пуревбату, в частности, принадлежат весьма символические стихи, подчеркивающие миротворческий и духовно-преобразовательный потенциал буддизма, весьма близкий, несмотря на все доктринальные и конфессиональные различия, отечественному православию:

«Великие воины мира
Сегодня сокрушают внутренних врагов греха и невежества,
Дабы прекратить страдания
Всех смертных существ.
Искусство внутренней битвы
Приносит сокровища, которые
Накапливаются воинами культуры.
И эти алмазы духовной культуры
Освобождают смертные существа от страданий»¹.

Эти стихи, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что важность разведения профанной и духовной истории осознается представителями самых разных культур и религий.

И еще об одном символическом примере продолжающего существовать цивилизационного коридора, связывающего

¹ Lama Purevbat. Cultural Warriors // An Annual Magazine from the Mongolian Institute of Buddhist Art. 2006. No. 1. P. 79-80.

Тибет и Россию уже в *научном* плане, надо обязательно упомянуть. Несколько лет назад глава тибетских буддистов Далай-лама XIV предложил создать объединенную научную группу из российских ученых и тибетских монахов, которая занялась бы экспериментальным изучением эзотерической буддийской психотехнической практики тукдам – «посмертной медитации». Ее возглавил с российской стороны известный специалист по исследованию мозга С.В. Медведев. С промежуточными результатами этого подлинно межцивилизационного научного исследования можно ознакомиться в недавно вышедшей книге Е.В. Кокуриной¹.

Мы не является специалистами в этой области, однако сам факт обращения Далай-ламы XIV именно к российским, а не к западным ученым косвенно говорит о доверии к России как срединной цивилизации, обладающей синтетическим культурным потенциалом для продуктивного диалога между наукой и религией, интуитивным Востоком и рациональным Западом, а также способной пролагать мирные и духовные цивилизационные коридоры между различными народами и культурами Евразии.

И последний момент, касающийся современного функционирования этого коридора. В августе 2024 года художники из России, Монголии и Китая провели совместный пленэр «Путями Периха», двигаясь по монгольскому маршруту экспедиции Н.К. Периха 1927 года от Улан-Батора до приграничного с Китаем пункта Юм-Бейсе. Этот путь пролегает по одной из древних караванных троп, связывающих воедино монгольско-тибетский буддийский мир. Картины, созданные художниками на этом маршруте, будут экспонироваться в Монголии и Китае, а также во многих городах России. Тем самым этот важный меридиональный цивилизационный коридор Евразии получит не только научное, но и *художественное* измерение.

¹ См.: Кокурина Е.В. Тибетские закаты. В поисках тонкого сознания. М., 2023.

§5. Великий меридиональный мост Алтай – Гималаи

Этот меридиональный цивилизационный коридор является самым древним и самым малоизученным, связывающим воедино Северную и Южную Евразию, Россию и Индию. Поэтому на его истории и посреднических функциях мы остановимся подробнее. Впервые о его существовании в явной форме высказался наш выдающийся художник, путешественник, мыслитель и общественный деятель Н.К. Рерих, о котором мы говорили выше и сто пятьдесят лет со дня рождения которого человечество отмечало в 2024 году. Он писал: «Истинно “Алтай – Гималаи” – два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских»¹.

Не будем рассматривать здесь весь сложный и важный комплекс вопросов, связанный с параллелизмом биосферных функций горных регионов Алтая и Гималаев, общности их роли в поддержании глобальных и региональных климатических балансов, удивительным сходством этнокультурных и хозяйственных процессов, что в целом подтверждает приведенное выше суждение Н.К. Рериха. Этому посвящена специальная коллективная русско-индийская монография, в написании которой принимали участия оба автора данной главы. К ней мы и отсылаем заинтересованного читателя².

Нас же будет интересовать именно цивилизационный коридор, с давних времен связывавший Евразию по меридиональной оси Алтай – Гималаи. Отметим символический факт: Н.К. Рерих не просто теоретически высказал тезис о древнем пути, связывавшим два великих горных региона, но он сам вместе с семьей первым из европейцев прошел от Индии до Алтая, преодолев труднейшие перевалы Трансгималаев, Ладакха и Каракорума в 1925 году. Обратный же путь рериховской экспедиции, о чем мы писали выше, пролегал из России

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974. С.268-269.

² См.: Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии / под ред. А.В. Иванова, И.В. Фотиевой. Барнаул, 2017.

в Индию через паломнический коридор Монголия – Тибет в 1927–1928 годах, причем ее участников, как в свое время и Пржевальского и также из-за интриг британской разведки, не пустили в Лхасу. Семья Рерихов вследствие этого была вынуждена зимовать в летних палатках на горных высотах тибетского плоскогорья Чантанг и выжила каким-то чудом.

Н.К. Рерих во всем многообразии своего творчества как бы лично персонифицирует существование великих цивилизационных коридоров Евразии, благодаря которым народы обмениваются материальными и духовными ценностями, расширяют горизонты миропонимания, вспоминают об общем прошлом и совместно устремляются в будущее. Он не только оставил художественные полотна и пейзажные зарисовки двух великих восточных сухопутных путей Евразии, но, будучи еще совсем молодым художником, многие свои работы посвятил Днепру и Волге, словно интуитивно чувствуя и художественно выражая их коренные функции цивилизационных трансграничных коридоров. Таковы его известные полотна: «Заморские гости», «Гонец», «Ярослав Мудрый», «Славяне на Днепре», «Валдай – исток Волги», «Нижний Новгород. Кремлевская башня». Есть у него одна известная работа, которая символически выражает самую суть неустанного пути, на котором только и могут обретаться великие культурные достижения и познаваться духовные устои мирового бытия. Эта картина называется «Странник светлого града». На ней тонко совмещены и текущая река, как связующая жила, объединяющая народы; и горы, которые, как естественные цивилизационные «узлы», не разъединяют, а будят у людей разных религий и культур «волю к общему делу», зовут их к духовному восхождению и преодолению земных границ. Именно бесконечные цепи гор лежат на пути обоих сухопутных восточных коридоров, связывающих Север и Юг Евразии.

Однако вернемся к цивилизационному коридору Алтай – Гималаи. На каких фактах основывается наше утверждение, что по нему с древнейших времен двигались и вступали в интенсивное взаимодействие народы Евразии?

Обратимся к данным археологии и древним письменным, прежде всего китайским, источникам. Они свидетельствуют, что древнейшим населением, жившим на огромных пространствах между Алтаем и Гималаями, были древние индоевропейцы. Именно они, известные по китайским хроникам как *динлины*, служили, по-видимому, исходным этнокультурным звеном, связывавшим Север и Юг континента. Одним из первых эту гипотезу высказал выдающийся исследователь Центральной Азии Г.Е. Грумм-Гржимайло в своем трехтомном капитальном труде «Западная Монголия и Урянхайский край». Позднее его поддержал Л.Н. Гумилев, приведя дополнительные аргументы, что динлины являются древнейшим европеоидным населением Центральной Азии: «Гипотеза Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло о существовании в Центральной Азии в период до X в. н.э. европеоидного местного населения нашла подтверждение как в археологии на территории СССР, так и в новых исторических сведениях, касающихся территории Китая. Древняя белая раса в Центральной Азии действительно существовала. Южносибирская долихоцефальная (*динлины*) и северокитайская брахицефальная (*ди*) относились друг к другу как расы второго порядка европейского расового ствола. Прямой связи с европейцами динлины не имели, являясь ветвью, отклонившейся еще в палеолите»¹.

Важным археологическим свидетельством в пользу того, что именно древние индоевропейцы населяли этот центрально-азиатский коридор, служат находки мумий в различных степных и пустынных районах Синьцзяна (в бассейне реки Тарим и близ Турфанского оазиса), как раз пространственно располагающихся между Алтаем и Гималаями. Сегодня найдено уже несколько сотен мумий, возрастом свыше трех тысяч лет. В них представлен типично европеоидный тип людей высокого роста (до 2-х метров), светловолосых и с

¹ Гумилев Л.Н. Динлинская проблема. Пересмотр гипотезы Г.Е. Грумм-Гржимайло в свете новых исторических и археологических материалов // Известия Всесоюзного Географического общества СССР. 1959. Т. 91. №1. С. 17-26.

прямым носом. О них Г.Е. Грумм-Гржимайло писал: «Рыже-волосый элемент до настоящего времени удержался кое-где в юго-западном Китае, в глухих ущельях Гималаев и Индокитайских гор. По крайней мере такого рода указания мы находим у архим. Палладия Кафарова и Потанина. Засим, о “тангутах” окрестностей Лавранского монастыря, в Амдо, Бадзар Барадийн говорит как о народе, типом лица, а иногда и белокурым цветом волос, в сильной степени напоминающем европейцев»¹.

Современное изучение ДНК синьцзянских мумий во многом подтверждает гипотезу Г.Е. Грумм-Гржимайло и Л.Н. Гумилева о том, что происхождение таримских мумий – смешанное: европейское и сибирское. Археологические находки в Синьцзяне говорят о высоком уровне развития ювелирного искусства, кожевенного дела и ткачества у древнейшего индоевропейского населения Центральной Азии.

Но можно ли говорить о существовании в то далекое время не просто единого населения Центральной Азии, но и о его миграциях в меридиональном направлении? Грумм-Гржимайло отмечает, что динлинский элемент удержался «в глухих ущельях Гималаев и Индокитайских гор». Действительно, на связь между центрально-азиатским ареалом динлинской культуры и регионом Гиндукуша и Гималаев указывает наличие в могилах Синьцзяна эфедровых палочек, использовавшихся в медицинских и ритуальных целях в ведийской традиции Ирана и Индии.

Гипотеза о проникновении древних индоевропейцев через Гималаи в Северную Индию активно разрабатывается сегодня рядом индийских ученых. По их мнению, эти племена назывались *кхаши*. «Кхаши происходят от арийских племен Центральной Азии, которые проникли в западные Гималаи с северо-запада еще задолго до того, как были созданы гимны Ригведы. Они расселились по предгорьям Гималаев от Каш-

¹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Белокурая раса в Средней Азии. СПб., 1909. URL: <http://dinlin.livejournal.com/4744.html> (дата обращения: 12.11.2024)

мира до Непала. Позднее, они были вынуждены уйти вглубь гор под давлением волн иммигрантов с юга»¹.

В доведийский период кхаша активно взаимодействуют с коренным дравидийским населением Индии, позднее – с ведийскими ариями. По мнению известного исследователя истории и культуры индийских Гималаев профессора О.Ч. Ханды, кхаша в древности населяли огромные территории «от Кашгара до Непала во внутренних Гималаях»² и составляли основной массив населения Балха и Бадахшана. «Их этническое доминирование, – пишет О.Ч. Ханда, – хорошо подтверждается названиями мест, которые с ними непосредственно связаны. Кхашалайая (Кхашал), Кхашир (Кашмир), Кхашагар (Кашгар), Кхашвад (Кишватвад) в штате Джамму и Кашмир, и Кхашадхар, Кхашапат, Кхарсали, Кашани и т.д. в штате Химачал-Прадеш являются именно такими местами»³. В Западных Гималах и на Гиндукуше до сих пор живут многочисленные представители индоевропейской дардской группы языков с обычаями и традициями, уходящими в глубокую арийскую древность, в том числе и племя калашей (кхалашей?), которые населяют горы Гиндукуша на северо-востоке Пакистана. Таким образом, можно говорить о важной роли древних индоевропейцев в жизни цивилизационного горного «узла», расположенного в месте схождения великих горных хребтов Центральной Азии.

Что касается присутствия древней динлинской культурной традиции на Алтае, то на связь динлинов с индоевропейскими племенами афанаасьевцев (III тыс. до н.э.) и андроновцев (II тыс. до н.э.) указывал тот же Л.Н. Гумилев⁴. С ним согласен и В.П. Алексеев, рассматривая взаимодействие древнейшего населения Восточного Туркестана с племенами Южной Сибири в специальной главе «Антропологический

¹ Singh M.G. Himachal Pradesh: History, Culture & Economy. Shimla, 2010. P. 34.

² Handa O.C. Buddhist Monasteries of Himachal. New Delhi, 2004. P.28.

³ Ibid. P. 29.

⁴ Гумилев Л.Н. Динлинская проблема...

очерк населения древнего и раннесредневекового Восточного Туркестана»¹.

Следует, конечно, быть аккуратным в любых обобщениях, касающихся столь отдаленного прошлого при ограниченном объеме эмпирического археологического материала, однако даже с учетом имеющихся данных вывод о существовании этнокультурного меридионального коридора между Севером и Югом Евразии в то далекое время можно сделать с достаточной степенью обоснованности.

Есть также все основания утверждать, что цивилизационный коридор между Алтаем и Гималаями продолжал действовать и в более поздний – *скифо-сарматский* – период истории Центральной Азии, относящийся к I тысячелетию до нашей эры.

Приоритет в археологическом открытии подобного единства также принадлежит семье Рерихов в ходе их Центрально-Азиатской экспедиции. Открытые ими памятники скифо-сарматской культуры со знаменитым «звериным стилем» были впоследствии обнаружены на огромных пространствах Евразии от Алтая и Тибета до Причерноморья. Они многочисленны также в Синьцзяне и в верховьях Инда, что позволяет говорить о регулярном движении в это время скифо-сарматских племенных объединений по линии Север – Юг Евразии². Они служили этнокультурной «скрепой» между народами Сибири, Центральной Азии и северной Индии, превращая это пространство в единое целое. О наличии древнейших торговых и культурных связей между Алтаем и Гималаями свидетельствуют также находки индийских бронзовых зеркал и раковин каури в скифских могилах на Алтае³, а

¹ Восточный Туркестан в древности и средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 388-405.

² Комиссаров С.А., Астрелина И.В. Олennые камни Восточного Туркестана (Синьцзяна) как свидетельство культурных контактов древних кочевников Евразии // Общество и государство в Китае: XXXV научная конференция. М., 2005. С. 25-34.

³ Васильков Я.В. Древнейшие индийские зеркала из скифо-сарматских курганов Алтая и Южного Приуралья // Степи Евразии в

в могиле знаменитой «принцессы Укока» была найдена ру-
башка из шелка дикого гималайского шелкопряда.

Обратим внимание на один очень важный факт, говоря-
щий не просто о культурных контактах и заимствованиях в то
время, но и о явлении генетического смешения живших в то
время народов: в курганах Пазырыка на Алтае мы встречаем
могилы военной и жреческой знати с антропологическими
характеристиками как европеоидного (динлинского), так и
монголоидного типов.

Следующая эпоха продуктивного функционирования
этого великого цивилизационного коридора относится уже к I
тысячелетию н.э. Связана она, во-первых, с широким распро-
странением буддизма в Центральной Азии, а, во-вторых, с
устойчивым взаимодействием этого меридионального пути с
тремя ветками широтного Великого Шелкового пути, две из
которых огибают с юга и севера мертвую пустыню Такла-
Макан и сходятся в г. Кашгар; а третья – самая северная –
начинается с Турфанского оазиса (важнейшего межцивили-
зационного средокрестия Евразии), огибает с севера величе-
ственный горный массив Богдо-Ола и выходит через знаме-
нитый Джунгарский проход и озеро Алаколь на пространство
Великой степи. От этой северной ветки в районе г. Урумчи
древняя караванная тропа уходит через степи и пустыни
Джунгарии дальше на север к Алтайским горам.

Находясь на этой меридиональной караванной дороге в
Синьцзяне, Н.К. Перих, опираясь на неизвестные нам пока
источники, пишет, «что через эти именно места сам Будда
проходил во время пути своего к Алтаю»¹. Выдающиеся памятники
буддийской архитектуры, скульптуры и живописи разных эпох и стилей с влиянием китайской, уйгурской, ти-
бетской и индо-гималайской культурных традиций встречаются во всех городах Синьцзяна, лежащих на различных вет-

древности и средневековые. Книга II. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2003. С. 28-33.

¹ Перих Н.К. Алтай – Гималаи: Путевой дневник. Рига, 1992. С. 172.

ках Шелкового пути¹. Вплоть до исламского завоевания Средней и Центральной Азии в IX–X веках именно буддийский цивилизационный субстрат обеспечивал культурное единство мегацивилизации Востока и народов Северной Евразии и в широтном, и особенно в интересующем нас здесь меридиональном направлении.

Проникновение с Востока мусульманских завоевателей в Центральную Азию, их столкновение с Китаем, а также усиление кочевых государственных объединений на пространстве Великой степи на долгие века превратили Восточный Туркестан (Синьцзян), и особенно его северную часть – Джунгарию – в арену жестких цивилизационных (этнических и религиозных) противостояний и вооруженных столкновений. И если широтный Шелковый путь продолжал успешно действовать, поскольку обеспечивал большие торговые прибыли для всех государств, которые его контролировали, то великий меридиональный цивилизационный коридор Алтай – Гималаи фактически распался. Остались эффективно функционировать лишь его отдельные сегменты, например, торгово-паломнические пути из Китая через южную ветку Шелкового пути в Северную Индию с особым значением городов Хотана и Яркенда. Сохранились также торговые связи между населением Алтая и Синьцзяна, пока существовало независимое кочевое Джунгарское ханство.

Разгром Джунгарского ханства и жестокое завоевание Цинским Китаем Западной Монголии и Синьцзяна в XVII–XVIII веках фактически окончательно ликвидировали этот меридиональный цивилизационный коридор, а Синьцзян, Тибет и Юго-Западный Китай превратились в территории, практически закрытые для европейцев.

Активная внешняя политика пришедшей в Сибирь России, необходимость выстраивать продуктивные отношения с кочевой Джунгарией и Цинским Китаем заставили россий-

¹ Анализу домусульманских буддийских памятников Восточного Туркестана III–IX веков н.э. посвящена отдельная глава фундаментального труда Ю.Н. Рериха. См.: Рерих Ю.Н. История Средней Азии. В трех томах. Том II. М., 2007. С. 155–214.

ские власти и ученых обратить самое серьезное внимание на системное научное изучение Центральной Азии. Не будет преувеличением сказать, что именно благодаря России вновь заработал великий меридиональный цивилизационный коридор между Севером и Югом Евразии, причем впервые в истории не торговля, не политика и не религиозное паломничество, а именно **наука стала подлинным связником между культурами, народами и целыми цивилизациями**.

И как в случае с Афанасием Никитиным и Г.Д. Цыбиковым, новым первоходцем этого цивилизационного коридора и одновременно первым субъектом его научного осмысления стал выдающийся русский офицер, путешественник, ученый и казахский просветитель Чокан Чингизович Валиханов. Под видом купца, переодевшись, как позднее и Г.Д. Цыбиков, в восточные одежды и вместе с торговым караваном, он в сентябре 1858 года достигает Кашгара. Пользуясь прекрасным знанием восточных языков, Ч.Ч. Валиханов собирает ценнейшие сведения о настоящем и прошлом Кашгарии (южная часть Синьцзяна) – ее народах, религии, экономике. Ему удалось приобрести ценные восточные рукописи, собрать уникальную коллекцию восточных монет, завести полезные знакомства среди представителей политической и торговой элиты этого региона. Русско-казахский ученый прекрасно понимал значение Кашгара, лежащего, как и Турфан, на перекрестке широтных и меридиональных торговых и культурных путей Евразии. Вернувшись в Россию в апреле 1859 года, он писал в статье «О состоянии Алтышара и шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)», опубликованной в «Записках императорского российского географического общества» за 1861 год: «Кашгар был главным пунктом, через который Восток получал произведения из Китая. Торговый путь из Ферганской долины через Теректы и Кашгар был известен еще Птолемею»¹.

Статья Ч.Ч. Валиханова о Синьцзяне была оценена исключительно высоко как российской, так и западной научной

¹ Валиханов Ч.Ч. Избранные сочинения. Алма-Ата, 1989. С. 175.

общественностью. Она была переведена на многие европейские языки, ее автор произведен в чин штаб-ротмистра, награжден орденом Св. Владимира и принят на работу в Азиатский департамент МИД России. К сожалению, жизнь этого выдающегося человека, большого друга Ф.М. Достоевского, с которым они познакомились в Омске, оборвалась очень рано¹.

Путешествие Ч.Ч. Валиханова открыло эпоху выдающихся русских географических исследований Центральной Азии и, в том числе, территории Джунгарии, Кашгарии, Западной Монголии и Западного Китая, по которым проходил меридиональный цивилизационный коридор Алтай – Гималаи. Помимо Н.М. Пржевальского, здесь можно упомянуть имена таких выдающихся русских ученых и путешественников, как Г.Н. Потанин, Г.Е. Грумм-Гржимайло, П.К. Козлов, М.В. Певцов. Их подвижническими путешествиями и трудами был фактически научно и культурно восстановлен великий цивилизационный коридор между Севером и Югом Евразии, Россией и Индией, Алтаем и Гималаями, а экспедиция семьи Перихов 1925–1928 годов явилась как бы завершающим синтетическим аккордом этого процесса и, будем надеяться, началом возобновления деятельности этого меридионального евразийского коридора на новом витке истории.

Вместе с нашим индийским коллегой П.М. Гуптой из университета гималайского штата Химачал-Прадеш нам уже доводилось писать о возможности прокладки транспортно-энергетического коридора с Алтая в Индию через территории

¹ Жена писателя А.Г. Достоевская вспоминала, что самые свои драгоценные рукописи и документы великий русский писатель хранил в палисандром ящике, подаренном ему Ч.Ч. Валихановым (Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1981. С. 87). Быть может, именно жизнь и мысли его безвременно ушедшего казахского друга вдохновили Федора Михайловича на следующие пророческие размышления из «Дневника писателя»: «...Русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!» (Достоевский Ф.М. «Человек есть тайна...». М., 2003. С. 462). Звучит как никогда актуально.

Восточного Казахстана и/или Западной Монголии и Западного Китая¹.

Помимо взаимовыгодного торгового обмена между Севером и Югом Евразии (газ, пресная вода, зерно и мука – с севера; фрукты, туристические услуги, рабочая сила – с юга), наличие высокоскоростных железнодорожных магистралей, качественной связи и придорожной инфраструктуры могло бы обеспечить создание вдоль этого меридионального коридора сети интернациональных научно-производственных высокотехнологических кластеров, а также заповедных природных территорий и опытных экологических площадок по совместному восстановлению почв, лесов, борьбы с нарастающими процессами обезлесивания и опустынивания, затронувших огромные пространства Центральной и Средней Азии, Монголии и Южной Сибири. Одновременно это позволило бы резко интенсифицировать межнациональный и межрелигиозный диалог между евразийскими и восточными народами, ускорить и придать новые грани обмену духовными ценностями.

Продолжая тему **научных и культурных** форм существования цивилизационных коридоров в нынешнюю эпоху цифровых технологий, отметим прочные научные связи, которые установились, в частности, между индийскими и алтайскими учеными. Помимо упоминавшегося выше коллективного российско-индийского труда «Алтай и Гималаи как уникальные культурные и биосферные регионы Евразии», изданного в 2017 году, можно указать на коллективную монографию «Алтай – Гималаи: два устоя Евразии»², а также на материалы международного российско-индийско-монгольского семинара, состоявшегося в 2015 году, посвященного устойчивому развитию горных регионов Евразии³.

¹ См.: Иванов А.В., Попков Ю.В., Фотиева И.В., Гупта П.М. Трансевразийские транспортные мегапроекты: проектные замыслы // Регион: экономика и социология. 2017. №4 (96). С. 267-284.

² См.: Алтай – Гималаи: два устоя Евразии. Барнаул, 2012.

³ См.: Алтай – Гималаи: традиционные знания и инновации в развитии горных и предгорных регионов Евразии: материалы 1-го

Последним из совместных исследований алтайских и гималайских ученых стала монография, посвященная современному взаимодействию научного и религиозного знания, изданная в 2023 году¹.

В русле развиваемых в данной книге идей о необходимости перехода человечества к новой духовно-экологической модели цивилизационного развития именно меридиональный цивилизационный коридор Алтай – Гималаи, предстающий в различных ипостасях (сырьевой, торговой, научно-технологической, политической, художественной) и объединяющий важнейшие цивилизационные и субцивилизационные сообщества Евразии, мог бы стать одной из соборных дорог человечества к общему лучшему будущему.

И последний момент, на котором нам бы хотелось остановиться в данной главе. Если учесть, что с Алтайских гор стекают реки Катунь и Иртыш – два крупнейших притока Оби, впадающей в Северный ледовитый океан, то с известными оговорками можно говорить **о сквозном цивилизационном мегакоридоре Евразии**. Он связывает воедино ее южные и северные территории; носит и сухопутный, и речной характер (с выходом в океан), проходит через все ее широтные цивилизационные коридоры, включая Арктический, о котором речь впереди.

Здесь нельзя не отметить один любопытный исторический факт, свидетельствующий о том, насколько давно и ясно осознается geopolитическая и торговая значимость меридиональных торгово-транспортных коридоров Евразии нашими давними стратегическими geopolитическими противниками. Так, еще в 1614 году, когда вся Центральная Азия, да и Юго-Западная Сибирь являлись территориями, совсем не исследованными европейцами, тогдашний английский посол Джон Мирик просил в Москве дозволения основать вольную торговлю по р. Оби с Индией и Китаем, но получил отказ. Мос-

rossийско-индийско-монгольского семинара, 19–20 июня 2015. Барнаул, 2015.

¹ См.: Наука и религия: нераздельность и неслияность.

ковские бояре, спрошенные о своем мнении, отвечали, что «Сибирь далеко, до первых городов с полгода ходу и то зимою; сами туземцы не знают, откуда Обь-река вышла и куда вошла, сторона та самая студеная, больше двух месяцев тепла никак не живет, а на Оби всегда лед ходит, никакими судами нельзя пройти...»¹.

Первым же, кто прошел в 1736 году по речному обскому коридору из Тобольска через Иртыш и Обь в Северный ледовитый океан, был лейтенант Д.Л. Овцын. Он же в 1737 году на боте «Обь-почтальон», выйдя из Обской губы, добрался до Енисейской губы, оставив подробное описание арктического побережья. Тем самым Д.Л. Овцыным был проложен зауральский меридиональный речной транспортный коридор Обь – Северный Ледовитый океан, выходящий к Арктическому широтному коридору². К анализу широтных цивилизационных коридоров, проходящих в основном по пространству Северной Евразии, мы теперь и переходим.

¹ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 г. Сургут, 1993., С. 58-59.

² См. описание его жизни и научных открытий в работе: Глушанков И.В. Птенцы гнезда Петрова // Славные навигаторы российские. Хабаровск, 1986. Тяжелой, но героической судьбе лейтенанта Д.Л. Овцына В.С. Пикуль посвятил ряд глав своего замечательного исторического романа «Слово и дело».

ГЛАВА 4.

Широтные цивилизационные коридоры России. Арктический коридор

§1. Пояс Великой степи

К наиболее значимым широтным цивилизационным коридорам Евразии относятся, как мы уже отмечали выше: а) Великий шелковый путь, который своей северной ветвью проходит по пространству Великой степи, тянущейся от монгольского хребта Хинган на востоке до венгерской Трансильвании на западе; б) совсем еще молодой по историческим меркам цивилизационный коридор в виде Транссибирской железнодорожной магистрали, проходящий через азиатскую и европейскую Россию от Тихого океана до Балтики; в) только еще формирующийся Арктический океанический цивилизационный коридор.

Великой степи и Великому шелковому пути, издревле связывавшим Восток и Запад, посвящены сотни исследований, поэтому нам нет смысла на них останавливаться подробно. Отметим только, что они всегда пролегали по землям многих стран и народов и всегда являлись территориями, за военный и политический контроль над которыми в течение многих столетий разворачивалась нешуточная борьба. Тот, кто их контролировал, – получал многочисленные политические и хозяйствственные дивиденды. Скифы, гунны, тюрки, хазары, половцы, монголы, арабы, китайцы – здесь всегда частные торговые и экономические интересы играли определяющую, как бы субстанциальную роль, а обмен знаниями и культурными достижениями между различными цивилизациями выступал как сугубо производный или акциденциальный. Иными словами, на этом сухопутном путевом пространстве разыгрывались в основном сценарии профанной, а не духовной истории человечества.

Более того, Великая степь и южные ветви Великого шелкового пути были ареной отнюдь не только мирного движения товаров и караванов, миграции и политического взаимодействия народов. Здесь жестко сталкивались именно частные (государственные и корпоративные) интересы, вспыхивали политические конфликты и кровавые войны, в том числе религиозного и этнического характера. Эти сухопутные цивилизационные коридоры – бесконечная череда курганов и братских могил, представляющих значительный интерес для современных археологов.

Соответственно, эти древние широтные коридоры Евразии были **каналами не только взаимодействия, но и конфликта цивилизаций**, а иногда и местом сознательного уничтожения чужого культурного и духовного наследия, чужих святынь и чужой культурной памяти.

Здесь достаточно вспомнить уничтоженную до основания в IX веке н. э. енисейскими киргизами столицу Уйгурского каганата город Хара-Барлас в знаменитой монгольской долине Орхона или обезображеные воинствующими исламистами буддийские фрески долины «Тысячи будд» в Турфанском оазисе Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Да и в близкие нам исторические времена в районах южной ветви Великого шелкового пути талибами в Бамианской долине Гиндукуша в Афганистане в 2001 году были уничтожены гигантские скульптурные изображения Будды, искусно вырубленные в скалах. Они были созданы во времена Кушанского царства, славившегося своей веротерпимостью, где, как мы отмечали выше, был явлен один из первых образцов гармоничного синтеза культур Востока и Запада.

В совсем уж недавние времена, в 2015 году в Сирии боевиками ИГИЛ была осквернена Пальмира, одна из столиц державы Александра Македонского – выдающийся пример синтеза архитектурных традиций античности и древнего Ирана. В частности, боевики разбили статую «Льва Аллата» I в. н.э., взорвали храм Баалшамина III н.э. и часть храма Бэла, замучили и казнили директора Национального музея Пальмиры.

Все это – еще одно свидетельство **глубочайшего кризиса нынешней цивилизации**, что проявляется в возрождении самых диких архаических верований и эскалации воинствующего религиозного обскурантизма, уничтожающего памятники духовной истории и угрожающего основам культуры человечества. И это, повторимся, на фоне гигантских темпов научно-технического прогресса.

А ведь в этом древнейшем южном сухопутном цивилизационном коридоре между Востоком и Западом, если вспомнить историю исламской цивилизации, исключительной духовной терпимостью отличались династии Аббасидов и Саманидов, творили Авиценна и Абу Рейхан Бируни, а уже в веке XX к религиозной терпимости и уважению духовной истории других народов призывал выдающийся философ и поэт мусульманского мира Мухаммад Икбал, родившийся в Пенджабе в мусульманской семье, но происходивший от индийских брахманов. В конце жизни им были созданы поэтические циклы с символическими названиями «Крыло Гавриила» и «Удар посоха Моисея», а в стихотворении «Новый храм» он обращается к брахману с такими словами:

«Смотри: разорены вконец
Селения людских сердец –
Давай же новый, светлый храм в отчизне нашей возведем,

Да будет этот храм добра –
Как лучезарная гора,
Все храмы мира он затмит, купаясь в небе голубом.

Гимн величавый по утрам
Пусть оглашает этот храм,
Всех обращенных напоим любви живительным огнем.

Да, есть и сила и покой
В молитвах, льющихся рекой,
Но только в братстве и любви освобожденье мы найдем»¹.

¹ Молнии и лотосы. Индийская лирика XX века. Пер. С. Северцева. М., 1975. С. 44-45.

К сожалению, и сегодня на пространстве Ближнего и Среднего Востока и в Малой Азии, где живут мусульмане, христиане и иудеи, царят вражда и хаос. Напряженные отношения существуют между Ираном и Израилем, восточнее – между Афганистаном и Пакистаном, Пакистаном и Индией, а та же попытка Китая позиционировать свой широтный проект «Один пояс – один путь» в качестве проекта всеобщей дружбы и экономического процветания народов наталкивается на достаточно настороженное и сдержанное отношение со стороны многих евразийских и центрально-азиатских народов (алтайцев и монголов, узбеков и таджиков, уйгуров и тибетцев), которые не только помнят жестокую политику Китая, особенно во времена правящей династии Цин, в отношении покоренных ими территорий, но переживают культурные и религиозные притеснения от китайцев и сегодня, как уйгуры в Синьцзяне и тибетцы. Весьма прохладно относится к китайским сухопутным проектам и Индия.

Сказанное отнюдь не означает, что у древних сухопутных трансевразийских путей через Южную и Среднюю Азию нет будущего. В том же китайском проекте «Один пояс – один путь» много ценных идей и начинаний. Он заслуживает доброжелательного отношения и поддержки, учитывая, какие огромные средства Китай вкладывает в развитие дорожной инфраструктуры многих стран Северной Евразии. Это же касается и монгольского проекта «Степной путь», нацеленного на максимально широкое развитие дорожной сети Монголии и ее активное подключение к евразийским транспортным и энергетическим коридорам.

Однако, как мы увидим ниже, сформировавшиеся многое позднее и до сих пор только формирующиеся северные широтные цивилизационные коридоры Евразии имеют ряд неоспоримых геополитических и экономических преимуществ. Первое из них – в том, что они проходят по территории одной страны, которой является Россия. Это гарантирует устойчивость торгово-экономического использования коридора, если со страной, по которой они пролегают, поддерживаются добрососедские и партнерские отношения.

Второе преимущество связано с быстрым изменением климата, объективно влияющим на перспективы того или иного цивилизационного коридора. С одной стороны, северные коридоры очищаются от снегов и льдов, а с другой, налицо зарождающиеся проблемы и конфликты между странами, лежащими на том же Великом шелковом пути, из-за нарастающих процессов опустынивания и дефицита водных ресурсов¹. Наконец, третье преимущество заключается в том, что у северных коридоров, проходящих по территории России, вполне очевиден внушительный потенциал развития, в том числе и в силу нарастающих в мире геополитических конфликтов, снижающих эффективность деятельности южных – водных и сухопутных – транспортных коридоров.

§2. Транссиб как широтный транспортный и цивилизационный коридор

Уделим сначала внимание широтному цивилизационному коридору, связанному со знаменитым Транссибом. Идею о необходимости связать железной дорогой Россию европейскую с Россией азиатской высказал еще в середине XIX века выдающийся русский государственный деятель Н.Н. Муравьев-Амурский, ясно осознавая, насколько она важна для освоения восточных территорий Российской империи и для обеспечения ее безопасности. В 50-е годы XIX века он трижды подавал императору Николаю I предложения о строительстве сибирской железной дороги, но каждый раз получал отказ от столичной имперской бюрократии. Постройена она была лишь в конце XIX – начале XX веков, связав единой железнодорожной магистралью и саму Россию, и Восток с Западом. Благодаря ей стало возможным пересечь

¹ См.: Лихачева А.Б. Мутные воды Большой Евразии: возможное место России на рынке водоемкой продукции // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии. М., 2019.

на поезде весь евроазиатский континент от Тихого океана до Атлантики, от Владивостока до Лиссабона.

Думается, нет необходимости подробно останавливаться на той роли, которую Транссиб сыграл и продолжает играть в развитии России, благодаря использованию колоссальных ресурсов сибирского региона. Обратим лишь внимание на возрастание его глобальной экономической, геополитической, а также социокультурной значимости в настоящее время. В целом она определяется обострением отношений России с коллективным Западом и невиданным в истории санкционным давлением с его стороны, что вызвало острую необходимость существенного усиления восточного вектора нашей внутренней и внешней политики (нового «поворота на Восток»¹). К сожалению, это происходит не столь масштабно, комплексно и последовательно, как того требует сложившаяся кризисная мировая ситуация. Поэтому для характеристики текущего состояния восточного вектора нашей политики больше подходит используемая некоторыми экспертами метафора «недоповорота на Восток». Как отмечали участники прошедшего в сентябре 2024 года во Владивостоке XIV съезда востоковедов, даже и такая оценка во многих отношениях является излишне оптимистичной.

Десять лет назад проект модернизации Транссиба как именно межцивилизационного коридора был предложен тогдашним президентом РАО РЖД В.И. Якуниным и ректором МГУ В.А. Садовничим. Он получил название «Транс-Евразийский пояс РАЗВИТИЕ (RAZVITIE)», ТЕПР. Проект подразумевал сотрудничество евразийских стран (прежде всего России, Белоруссии, Казахстана и Китая) в создании единой транспортной, энергетической, промышленной и телекоммуникационной широтной инфраструктуры, которая, должна была связать порты Приморья и пограничные пункты

¹ Иванов А.В., Попков Ю.В. Новый восточный поворот: Россия и Сибирь в евразийском социокультурном пространстве // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 112–125

Китая с западной границей Белоруссии. На втором этапе планировалось проложить широтный транспортный коридор в Америку через Берингов пролив, обеспечивая бесперебойный и экономически рентабельный поток грузов по оси Европа – Северная Евразия – Америка.

Важно отметить, что этот мегапроект подразумевал не просто создание международного транспортного коридора с опорой на технологически обновленный Транссиб, а пояс комплексного развития территорий, через которые он пройдет. Особое внимание уделялось Дальнему Востоку и Сибири с акцентом, что очень важно, на экологическую безопасность, культурное сотрудничество народов и солидарное решение встающих перед ними социальных проблем, таких как улучшение материального положения людей, снижение безработицы, повышение образовательного и профессионального уровня местного населения, освоение малонаселенных территорий.

Было заявлено, что проект «даст импульс развитию Сибири и региональной экономике, свяжет отдаленные регионы с центром, позволит создать новые рабочие места и социальную инфраструктуру. Свободные пространства Сибири и Дальнего Востока послужат площадкой для создания индустрий и поселений нового техно-промышленного и социокультурного уклада»¹.

Данный проект в силу целого ряда объективных и субъективных причин, которые мы здесь обсуждать не будем, так пока и остался на уровне привлекательной декларации, хотя системная модернизация Транссиба была и остается важнейшей государственной политической и хозяйственной задачей, стоящей перед Россией. Без этого российский стратегический поворот на Восток в принципе невозможен. В резком увеличении объемов грузоперевозок по этому транспортному

¹ Одиннадцатого марта 2014 года состоялось очередное заседание Российской академии наук // Российская академия наук. URL: http://www.ras.ru/news/news_release.aspx?ID=0c3705ee-0c1d-4830-963a-e7fe4ad99569&print=1 (дата обращения: 22.11.2024)

коридору заинтересована не только Россия, но также многие страны Тихоокеанского региона¹.

Глобальный экономический и геополитический потенциал Транссиба при условии его перманентной модернизации еще в 1897 году отмечал проектировавший его инженер, поляк по национальности, Генрих Краевский: «Все мировое пассажирское движение из Европы в Японию и обратно, а также отчасти из восточных штатов Северной Америки будет совершаться через Сибирь»². Краевский рассчитывал на правильную экономическую и тарифную политику, благодаря чему через эту дорогу во все возрастающей степени пойдут международные грузы, что должно обеспечить широкое развитие российской внешней торговли с Азией.

Позднее один из главных инициаторов прокладки Транссиба известный российский государственный деятель С.Ю. Витте рассматривал Транссиб как важнейший канал переброски населения России из ее западной в малозаселенную восточную часть, что призвано было стать важнейшим фактором развития Зауральских земель. Он писал: «В моих понятиях устройство Великого Сибирского пути связывалось с вопросом о переселении. Этим путем, с одной стороны, разрежалось население в Европейской России и там... являлось больше свободы для земельного быта крестьян, а с другой стороны – этим оживлялась великая наша сибирская окраина; затем благодаря переселению можно было надеяться на то, что Сибирский путь в близком будущем сам себя будет окупать»³.

Пока все эти оптимистические предсказания полностью не сбылись, но стратегическую задачу модернизации Транси-

¹ Транзит по Транссибу. Как он возник, как развивается и каким будет? // Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза «Союзный наратив 2050» URL: <https://www.sonar2050.org/storage/files/Доклады/СОНAP/Транзит%20по%20Транссибу.pdf> (дата обращения: 12.11.2024)

² Краевский Г. Ф. Мировая-транзитная Сибирская железная дорога: сообщение, сделанное в Собрании инженеров Путей сообщения... Иркутск, 1898. С. 4.

³ Витте С.Ю. Воспоминания в 3-х т. Т.1. М., 1960. С. 441.

ба как важнейшего железнодорожного и одновременно цивилизационного коридора, связывающего Россию с Востоком и Западом, никто не отменял. И работы в этом направлении сегодня ведутся. К сожалению, предпринимаемые усилия и темпы модернизации Транссиба далеки от реальных потребностей и несопоставимы с периодом статридцатилетней давности. Так, сообщается, что на Восточном полигоне за последние 6 лет построено 800 километров нового полотна¹. Это меньше среднегодовых темпов при его строительстве в позапрошлом веке.

Данную печальную тенденцию необходимо преодолеть, так как, согласно стратегическому предсказанию М.В. Ломоносова, эффективно осваивать зауральские земли можно только параллельно – через развитие сухопутных и морских транспортных путей, что напрямую указывается в его знаменитом предсказании: «...Российское могущество прирастать будет Сибирию и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке»².

В сущности, этот глобальный проект Ломоносова в условиях нынешнего разворота российской политики на Восток остается актуальным, особенно его ключевой пункт про «отменные привилегии и вольности»³ для сибиряков, чего, увы, никогда не было и до сих пор нет. Однако без этих широких государственных преференций не только для жителей Дальнего Востока, но и Сибири (о чём авторам неоднократно доводилось писать!)⁴, ни о каком хозяйственном и социокультурном подъёме наших зауральских земель речь идти не может. Отток населения России из ее восточной в европейскую часть, особенно в крупные столичные мегаполисы, будет

¹ В конце 2024 года года на БАМе и Транссибе был введён ряд ключевых объектов. URL: <https://dzen.ru/a/Z3diuCbj0llJpZ5>-(дата обращения 25.12.2024).

² Ломоносов М.В. Для пользы общества. М.: Советская Россия, 1990, С. 354-355.

³ Там же, С. 351.

⁴ См. указанную выше коллективную монографию «Цивилизационная миссия Сибири...».

только нарастать. Даже превращение сегодня нашей западной границы в «пылающий фронтir» не переломит эту печальную миграционную тенденцию до той поры, пока отечественная государственная власть всерьез и надолго не повернется лицом к стратегически значимым сибирским территориям, пока от «недоповорота» не перейдет к решительному повороту на Восток.

§3. Российская Арктика как потенциальный цивилизационный коридор

Однако вернемся ко второй части высказывания великого русского ученого и патриота о связи могущества России с освоением Северного Ледовитого океана. Здесь была начертана целая программа прокладки будущего Северного морского пути, что осуществилось в советское время и сыграло важную роль в истории хозяйственного освоения Арктики и арктического побережья нашей страны.

Сегодня арктический регион официально признан глобально значимой территорией Российской Федерации. Приняты важные государственные решения, направленные на его комплексное развитие в виде образования специального министерства РФ (по развитию Дальнего Востока и Арктики) и принятия нового варианта Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2035 года, которая непосредственно связывается с обеспечением национальной безопасности страны. Утверждены также важные общие и специальные программы по реализации данной Стратегии.

Истории освоения и проблемам современного развития Арктики посвящен значительный массив научной литературы, в том числе и обобщающие труды¹. С точки зрения внутренней значимости для России ее арктической зоны, план по ее комплексному освоению оценивается специалистами в ка-

¹ См.: Российская Арктика: современная парадигма развития / под ред. академика А.И. Татаркина. СПб., 2014.

честве самого сложного мегапроекта из тех, которые были предложены в последнее время. По своему масштабу и значимости его сравнивают с историческими космическим и ядерным советскими проектами¹.

Не менее значимо развитие арктической зоны и для всего мирового сообщества. В этой связи важно вспомнить, что многие выдающие мыслители прошлого проявляли интерес к Северу, расселенным здесь народам, их культуре, философии, а также к той важной роли, которую данный регион играет в развитии человеческой цивилизации. Отметим, например, античные мифологемы о существовании «золотого века» в регионах Севера, легендарных Гипербореи и Аркторе; полярную концепцию происхождения человечества французского ученого и первого председателя национального собрания революционной Франции Ж.С. Байи; опубликованную в 1885 году книгу американского историка, ректора Бостонского университета У.Ф. Уоррена «Найденный рай: колыбель человечества на Северном полюсе»; гиперборейский дискурс Ф. Ницше; концепции Б.Г. Тиллака об арктической прародине древних ариев в Ведах².

Но Север является не только важным объектом научного и философского осмысливания прошлого. Его можно рассматривать как территорию будущего, которая привлекает к себе все большее внимание мировых держав. Поэтому всесторонняя рефлексия Севера сегодня объективно становится философией будущего человечества. В свою очередь, тематизация будущего в философии Севера выступает неотъемлемой частью будущего самого Севера³.

¹ Ивантер В.В., Лексин В.Н., Порфириев Б.Н. Арктический мегапроект в системе государственных интересов и государственного управления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. Т. 7. №6. С. 6.

² Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард; Новосибирск, 2006.

³ Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Философия Севера – философия будущего // Геоисторические и геоэтнокультурные образы и символы

Если говорить применительно к современности, то здесь показательна следующая оценка: «Фактически можно говорить, что Арктика XXI в. потенциально может стать аналогом Средиземного моря античного Древнего мира, Балтийского моря Ганзейского периода и Атлантического океана эпохи Великих географических открытий»¹.

Признавая фундаментальную роль Арктической зоны России в формировании «геостратегических осей» всего евразийского континента, а также для развития «сердцевинных» регионов внутри страны², большинство авторов многочисленных публикаций все же отдают приоритет использованию ее природно-ресурсного, производственного и транспортно-коммуникационного потенциалов, а также подчеркивают ее геополитическую и военную значимость. Глубокий анализ проблем и перспектив освоения Арктики, в том числе и в плане укрепления международного сотрудничества, представлен в экспертном обсуждении проблемы под эгидой Изборского клуба³.

Но при этом в тени остается еще одна, но принципиально важная сторона рассматриваемой темы, которая до сих пор не выступала предметом специальной рефлексии. Речь идет именно о цивилизационном влиянии Арктики и осуществляемых здесь грандиозных проектов *на развитие всей Северной Евразии и других регионов Земли*. На этом важном аспекте темы мы хотим остановиться специально, подчеркнув, что Арктика имеет потенциал и реальные возможности стать важнейшим северным широтным цивилизационным коридором.

Традиционно в связи с Арктикой говорят о Северном морском пути как транспортной скрепе, связывающей воедино северные территории России, без которой невозможно ре-

освоения арктического пространства: Материалы VII Поморских чтений по семиотике культуры, Онега, 09–14 июля 2011 года. Онега, 2012. С. 69–78.

¹ Российская Арктика: современная парадигма развития... С. 16.

² Там же. С.13.

³ См. Государство Российское. Новый этап. Арктический вектор. М., 2016.

сурсное и промышленное освоение арктического побережья. В настоящее время Северный морской путь обеспечивает в основном добычу и перевозку нефти, сжиженного газа и рудного концентраты в северных широтах, а также грузы для инвестиционных проектов в Арктике. Важнейшая его функция с самого начала существования – Северный завоз. Навигация в зимний период оказывается здесь крайне затрудненной, а использование ледоколов даже в летний период делает этот транспортный коридор дорогим и технически сложным. Однако существуют достаточно оптимистические и экономически обоснованные планы развития Северного морского пути. Приведем прогноз, который дает заместитель главы дирекции Северного морского пути ГК «Росатом» Максим Кулинко: «...К 2030 году перевозки через арктические моря станут рутинной операцией – к тому времени должны заработать 13 ледоколов, а “ледовый навигатор” и спутниковая группировка “Роскосмоса” будут снабжать суда информацией в реальном времени. Срок прохода корабля должен будет составлять около 10 дней круглый год: хотя Арктика умеет преподносить сюрпризы, в “Росатоме” верят, что сумеют укротить ледяную стихию. К тому же сроку ожидается масштабирование и расширение международного сотрудничества: компания New Shipping Line из КНР начала транзитные перевозки грузов из китайских портов в 2023, и на данный момент pilotный запуск признан успешным обеими сторонами»¹.

Сегодня начинают также вполне серьезно обсуждаться планы превращения Северного морского пути в мировой транспортный коридор, существенно сокращающий путь из Азии в Европу и потенциально являющийся альтернативой морскому пути через Красное море и Суэцкий канал. Грузооборот по Северному морскому пути в 2024 году вырос до 40

¹ Arctic Russia – Северный морской путь 2023: предварительные итоги года и планы на будущее // Инвестиционный портал Арктической зоны России. URL: <https://arctic-russia.com/article/severnyy-morskoy-put-2023-predvaritelnye-itogi-goda-i-plany-na-budushchee/> (дата обращения: 12.11.2024)

млн тонн¹. Заинтересованность в его использовании демонстрируют сегодня не только Китай, но также другие страны глобального Востока и Юга, а в самое последнее время даже США². Последние претензии президента Америки на обладание Гренландией – прямое доказательство исключительного значения Арктики для всего мирового сообщества.

Соответственно, при благоприятных условиях российская Арктика может превратиться уже не просто в важнейший транспортный, но в **новый цивилизационный коридор**, связывающий воедино не только мегацивилизации Северной Евразии, Востока и Запада, но также глобального Севера и глобального Юга.

Так может сбыться не только гениальное предсказание М.В. Ломоносова об особой роли российского Севера, но и уже упоминавшееся нами предвидение классика отечественного евразийства, культуролога, географа и geopolитика П.Н. Савицкого о неуклонном смещении центра цивилизаций из южных в северные регионы Земли³. Предсказание о повышении роли северных территорий в будущем мы находим также в учении «Живой Этики», где говорится о грядущем «открытии тундр» и о том, что «при перемещении оси земли открываются новые земли, теперь закрытые»⁴.

Какие же есть объективные основания говорить о возможности превращения сугубо транспортного и сурового арктического океанического коридора в новый важнейший сухопутно-океанический цивилизационный коридор?

¹ «Больше конкурентных преимуществ»: перспективы Северного морского пути // Радио Sputnik. 29.03.2024. URL: <https://radiosputnik.ru/20240329/sevmorput-1936680158.html> (дата обращения: 12.11.2024)

² СМИ: Запад из-за хуситов обратил внимание на подконтрольный РФ Севморпуть // Радио Sputnik. 01.06.2024. URL: <https://radiosputnik.ru/20240601/sevmorput-1949827481.html> (дата обращения: 12.11.2024)

³ См. его известную работу: Савицкий П.Н. Миграция культуры // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 371-382.

⁴ Агни йога. Братство. Новосибирск: Сибирское отделение изд-ва «Детская литература», 1991, С. 216.

Во-первых, следует констатировать северную природу и северную идентичность России. Наиболее обоснованно и системно об этом пишет А.В. Головнев, посвятив данному вопросу специальное фундаментальное исследование¹. Хотя наиболее известными и официально признанными геополитическими и пространственными ориентациями России были в истории «европейский Запад, ордынский Восток, византийско-христианский Юг», в реальности, по мысли А.В. Головнева, она есть «самая северная страна планеты по расположению, природе и культуре»². С этих позиций «вся Россия – Север»³, причем под «северностью» России автор имеет в виду отнюдь «не только географию и климат, но и антропологию с этнографией, где главными фигурантами выступают не территория и температура, а люди – северянин-человек и северяне-народы с их судьбами, мотивами, ценностями»⁴.

Памятая о том, что мы говорили выше о возможности превращения локальных цивилизационных коридоров в глобальные, вполне логично сделать вывод о том, что российская Арктика уже представляет собой исторически сложившийся локальный северный цивилизационный коридор с исключительным многообразием культур, языков, этносоциальных укладов, самобытных хозяйственных промыслов и бытовых традиций народов Севера. Эти северные локальные сообщества, во многом благодаря пришедшим сюда русским первопроходцам (особенно поморам), вступили между собой в сложнейшие симбиотические отношения с многообразными культурными, хозяйственными и бытовыми заимствованиями, разделением труда и экологических ниш существования. На российском Севере причудливо и неповторимо переплелись оседлость и кочевой динамизм в существовании российских этносов, а также обнаружилась глубокая диалектика

¹ См.: Головнев А.В. Северность России. СПб., 2022.

² Там же С. 2.

³ Там же С. 147

⁴ Там же С. 7.

традиционности и готовности народов к модернизации своего хозяйственного и культурного бытия.

А.В. Головнев отмечает принципиальную значимость изучения народов Севера для понимания всей России, ее многонациональности и «цветущей сложности», если использовать удачное словосочетание К.Н. Леонтьева. В частности, А.В. Головнев пишет: «Позиционирование северности как основного измерения России принципиально меняет место и значение культур и народов Севера, которые в этом ракурсе предстают не окраинными, а опорными. Археологические и историко-этнографические исследования выявляют не только огромный фонд материального и нематериального культурного наследия Российского Севера, но и необходимость его актуализации. Эта перспектива предполагает переосмысление этнической истории и культуры новгородцев, поморов, карелов, коми-зырян, ненцев, хантов, эвенков, якутов, чукчей и других сообществ Северной Евразии как актуальной и фундаментальной для России этноисторической тематики»¹.

Наличие северного цивилизационного коридора (еще локального, как быprotoцивилизационного с глобальной точки зрения), где русские выступают в качестве носителей уже сформировавшейся многонациональной и динамичной культуры, проявляется в многочисленных фактах этнического и межкультурного синтеза, в переплетении жизненных устоев многих северных этносов. Тот же А.В. Головнев отмечает, что «русское (московское) движение на восток было обратной волной монгольского движения на запад и не порождало цивилизационного фронтира, а шло по давно проторенным путям, лишь слегка обновляя устойчивую картину многонациональности. Лучшим подтверждением тому может служить обилие браков между пришельцами и туземцами, а также включение местной знати в имперский нобилитет. На севере Евразии отношения с древности были настроены скорее на поддержание связей, чем на размежевание. Этнические границы, заданные экологическими рубежами и системами се-

¹ Там же С. 371.

зонных миграций, часто служили не полосой отчуждения, а перекрестками торговых и военных связей и путей, где формировались новые этнокультурные очаги (например, на Ладоге, где сходились маршруты скандинавов, финнов и славян, в устье Оби, где пересекались пути ненцев, хантов, коми и русских)»¹.

Другое дело, что пока этот северный коридор взаимодействия народов объединяет исключительно Северную Евразию. Он сыграл важную роль в истории становления российской цивилизации, если учесть, что русское движение по Сибири на восток изначально шло по приполярным землям, и только потом начало смещаться к югу. В этом плане Северный Ледовитый океан еще не стал глобальной дорогой человечества, где встречаются цивилизации Востока и Запада, Севера и Юга. Однако к этому есть, на наш взгляд, объективные хозяйствственные, социо- и этнокультурные предпосылки.

Во-вторых, если переходить на глобальный уровень цивилизационного анализа, то можно констатировать неуклонно идущий процесс потепления мирового климата, который наиболее явственно проявляется именно в Арктике. Последние научные модели предсказывают, что максимум через двадцать лет Арктика полностью освободится ото льда². Это наряду с отрицательными климатическими последствиями (повышение уровня мирового океана, повышением температуры, ливнями и наводнениями)³ расширяет возможности ведения хозяйства на освободившихся от снега землях и развития судоходства в северных широтах. В этом плане именно Северный ледовитый океан претендует на то, чтобы рано или поздно стать магистральным всеевразийским и мировым широтным транспортным коридором. Возможно, он даже пре-

¹ Там же С. 376-377.

² Ученые предсказали полное освобождение Арктики ото льда через три года. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/674d2c579a79477ec724beee>

³ На серьезных экологических рисках и вызовах глобального потепления в Арктике, которые нельзя недооценивать, мы еще специально остановимся ниже.

взойдет по своему хозяйственному потенциалу сухопутные транспортные коридоры, включая Транссиб.

В отличие от сухопутных широтных коридоров, особенно нового Шелкового пути, Северный морской цивилизационный коридор не пересекает границ государств, не зависит от возможных локальных конфликтов и смены политических режимов. Он не требует капитальных вложений в поддержание железнодорожной и автомобильной инфраструктур. Это вовсе не означает, что водные и сухопутные цивилизационные коридоры надо противопоставлять друг другу. Наоборот, здесь должен действовать своеобразный «принцип цивилизационной дополнительности».

Количественное возрастание числа проходящих по Арктике кораблей потребует качественного совершенствования инфраструктуры с новыми центрами ремонта и заправки судов, узлами сопряжения морской, железнодорожной, автомобильной и авиационной логистики. Интернациональный состав экипажей и качественное разнообразие грузов, в свою очередь, будут способствовать развитию их технологического, информационно-аналитического и культурно-гуманитарного сопровождения через подготовку соответствующих специалистов-переводчиков, лоцманов, диспетчеров, менеджеров и логистиков, владеющих иностранными языками и навыками межкультурной коммуникации. Здесь в интенсивный диалог вступят не только представители мегацивилизаций Востока и Запада (Европы, США, Китая и Японии), но и южных цивилизационных и субцивилизационных общинностей, заинтересованных в сотрудничестве со странами глобального Севера, прежде всего с Россией. И такие связи России с азиатскими, африканскими и латиноамериканскими странами все более усиливаются.

В-третьих, Россия, в отличие от Запада, всегда преимущественно была ориентирована на сотрудничество и равноправие, а не на политическое и хозяйственное доминирование отдельных стран и блоков. Поэтому Северный морской путь, наряду с Транссибом, мог бы стать дорогой миротворчества и союза народов, их интенсивного цивилизационного взаимо-

действия и взаимопонимания. Мирное сотрудничество народов способствовало бы совместному *рациональному и экологически ответственному* хозяйственному освоению богатств Севера в интересах не только ныне живущих, но и будущих поколений. Арктику нельзя разделить между странами, и в Арктике категорически нельзя воевать. Общий хрупкий арктический дом, как правильно подчеркивают многие исследователи, **можно сохранить и обустроить только сообща, в интересах всех стран и народов Земли, особенно в условиях глобального изменения климата**, о чем мы еще ниже будем говорить.

Если посмотреть на проблему в еще более широком контексте, то сегодня Арктика – это тот цивилизационный коридор, который мог бы geopolитически, геокультурно и экологически примирить ныне враждующие народы и цивилизации, открыть для них новые пути диалога и конструктивного взаимодействия, учитывая, что и исторически, как отмечалось выше, арктические территории были не столько ареной противоборства народов, сколько сотрудничества и выработки навыков коллективного (соборного, говоря языком русской философии) выживания и существования.

Когда-то наш выдающийся религиозный мыслитель С.Н. Булгаков проницательно заметил, что «единство мыслей достигается только жизненным единением»¹. Этот продуктивный диалог в жизненно значимых для всех народов цивилизационных коридорах отличается от «повисающего» в пространстве и во времени абстрактного и бесплодного призыва С. Хантингтона, что «людям всех цивилизаций следует искать и стремиться распространять ценности, институты и практики, которые являются общими и для них, и для людей, принадлежащих к другим цивилизациям»². Но те же европейцы, зацикленные на ценностях партийной демократии, толерантности и рынка, то есть на сугубо европейских и

¹ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Речь на докторском диспуте // Булгаков С.Н. Собр. соч.: в 2 томах. Т. 1. М., 1990. С. 308.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 235.

относительных социально-политических ценностях, вряд ли примут русские духовные ценности соборности, братства, нестяжательства и правды. Для этого нужен не просто открытый и непредвзятый цивилизационный диалог, но именно *общее – жизненно важное – дело*, помогающее отделить цивилизационные ценностные зерна от плевел.

В-четвертых, северный цивилизационный коридор подразумевает обязательное взаимодействие не только политических и хозяйственных, но также и **научных элит** разных стран, изучающих Арктику¹. Подобное продуктивное научное сотрудничество было существенно подорвано в последние годы, хотя без постоянного обмена эмпирическими базами данных, передовыми методами и методиками исследований, новыми концептуальными моделями – научное обеспечение и прогнозирование мореходства, хозяйствования и состояния природной среды в северных широтах попросту невозможно.

Совместное изучение процессов, происходящих в Арктике, их влияние на климат и экономическую деятельность человека, построение научно обоснованных биосферных прогнозов – это то, что также объективно сближает народы и культуры, позволяет им совместно и своевременно отвечать на все более усиливающиеся климатические вызовы. В 2018 году вступило в силу Соглашение по укреплению арктического международного сотрудничества. И очень важно, что в последнее время ученые стали осознавать глубину традиционных знаний народов Севера о сохранении здоровья и принципах рачительного хозяйствования в полярных зонах, в том числе эксплуатации местной флоры и фауны. В упомянутом Соглашении подчеркивается «важность традиционных знаний и знаний коренных народов для развития научного сотрудничества, поскольку разные системы знаний, в том числе, конечно, инновационные, являются взаимодополняющими»².

¹ См. о правовых основах научного сотрудничества в Арктике: Соколова Н.А. Международное арктическое научное сотрудничество: институционализация правового режима //Актуальные проблемы российского права. 2020. Т.15. №9 (118). С. 120-130.

² Там же, С. 125.

Во взаимодействии с биосферой человечество не может не выступать единым и сплоченным целым, так как природа, как известно, «не знает границ» и над ней, по большому счету, не властны никакие наши желания и технологии. Не знает разделений на страны и народы также и научный интеллект, призванный посильно давать рациональные и всеобщие ответы на природные вызовы. И Арктика как особенно сложный и динамичный в природном отношении регион требует принятия взвешенных и опять-таки соборно продуманных научных решений, с опорой на традиционные знания местных народов и исторический опыт.

В-пятых, если учитывать все, что мы говорили выше об исключительном культурном многоцветье арктических народов, Северный морской путь мог бы создать благоприятные возможности для развития мирового туризма. При правильной его организации жители южных цивилизационных и субцивилизационных сообществ получили бы возможность познакомиться с целой россыпью самобытных северных культур – от славян-поморов до ненцев, якутов и чукчей. Это, в свою очередь, открыло бы новые горизонты для сравнительных этнографических, этносоциальных и кросскультурных исследований, для поиска родства и пересечения пространственно далеко расположенных сегодня друг от друга культур, которые когда-то, возможно, имели общие корни.

Особый интерес могут представлять многочисленные мегалитические сооружения Севера, тянувшиеся от Атлантики до Тихого океана. К наиболее известным из них относятся Стоунхендж в Англии и Карнак во Франции. Огромное количество мегалитов в виде каменных менгеров, кромлехов и сейдов находится на Кольском полуострове, в Карелии, на Соловках и других северных землях России. О происхождении этих сооружений и об их функциях¹, а главное, о создавших их народах до сих пор ведутся жаркие научные дискуссии, в том числе с привлечением гипотез о существовании в

¹ Хотя ясно, что они выполняли астрономические и ритуальные религиозные функции.

далеком прошлом легендарных Гипербореи и Арктоиди¹. В любом случае российский Север хранит многие исторические тайны, которые сулят новые неожиданные открытия, в том числе и те, которые имеют самое прямое отношение к древнейшим цивилизационным (пра-цивилизационным) коридорам человечества.

Туризм цивилизационно значим и в том плане, что представители других народов и культур, особенно южных, смогли бы познать и по достоинству оценить те исключительно суровые природно-климатические условия, в рамках которых северные евразийские народы сумели организовать свою хозяйствственно-бытовую жизнь, создать и сохранить самобытные культурные и духовные традиции.

В-шестых, повторим, что в освоении Сибири когда-то особую роль сыграли поморы. «Потомки поморов, – пишет в этой связи В.Н. Калуцков, – приобрели неоценимые навыки выживания и хозяйственного освоения северных территорий. Не удивительно, что плацдармом и ресурсной базой продвижения в Сибирь явился русский Север. Но самыми важными при освоении новых земель ресурсами выступали ресурсы человеческого опыта и знания. Поэтому поморы и составили костяк сибирских землепроходцев»². В лице поморов и донских казаков, составивших костяк отряда Ермака³, особенно ярко проявились такие человеческие качества русского этноса, как дух всемирной отзывчивости и умение находить пути к сердцу самых разных этнических групп, способность не чураться инородцев, а родниться и брататься с ними. Этот северный русский дух освоения нового пространства через ор-

¹ См., в частности: Григорьев А.А., Паранина Г.Н. Древние памятники наследия Северо-Запада России. Географические аспекты. СПб., 2012.

² Калуцков В.Н. Русский Север и Сибирь: историко- и культурно-географические аспекты взаимодействия // Вестник АРГО. 2017. №6. С. 148-156.

³ Недаром В.И. Суриков специально едет на Дон, чтобы подобрать типажи для своей знаменитой картины «Покорение Сибири Ермаком».

ганическое «врастание» в иные этнокультурные миры должен сыграть свою объединительную роль и в нынешних сложных исторических условиях на пространствах северного цивилизационного коридора.

Вспомним в этой связи один из важнейших факторов формирования и пространственного расширения России как великой евразийской державы: именно суровые условия жизни будят волю к общему делу, где люди и народы умирают в одиночку, а выживают и встают на путь процветания только сообща. Северный цивилизационный сухопутно-океанический коридор, пролегающий по суровым арктическим территориям России, как раз и призван пробудить у народов Востока и Запада, Севера и Юга новую волю к общему делу в нынешней ситуации глобального кризиса техногенно-потребительской цивилизации, нарастании технократического варварства, усиливающейся архаизации сознания и сопутствующей ей религиозной розни. И русский народ, учивая его исторический опыт «переступания через границы» своего национального эго, мог бы здесь еще раз сыграть важную собирательную миссию уже не в рамках локального, а именно глобального северного цивилизационного коридора.

В-седьмых, выше мы писали о том, что в результате открытия в XVIII веке и последующего практического использования Обского речного транспортного коридора, выводящего в Арктику, – сухопутный меридиональный цивилизационный коридор Алтай – Гималаи потенциально был продлен до Северного Ледовитого океана. В том случае, если будут проложены современные меридиональные железнодорожные и автомобильные пути из Индии через Китай, Казахстан и/или Монголию в Россию, то тем самым мы можем обрести подлинно **«осевой» меридиональный мегацивилизационный коридор**, накрепко соединяющий Юг и Север Евразии и проходящий через все ее широтные цивилизационные коридоры.

Мы убеждены, что рано или поздно этот глобальный проект будет практически реализован, и это будет часом великого торжества идеи Единой Евразии и братства ее народов.

Но здесь важно вернуться к теме сохранения исключительно хрупкой природы Арктики. В условиях глобального потепления наиболее заметные изменения климата проявляются именно здесь. Ученые предсказывают целый ряд серьезных и даже, по ряду оценок, катастрофических последствий: повышение уровня Мирового океана и затопление огромных прибрежных территорий многих стран (США, Северной Европы, Китая и др.); нарушение баланса экосистемы, следствием которого может стать крах рыболовных предприятий, истощение запасов пресной воды, опасные погодные аномалии, стихийные бедствия и др.

Не случайно проблемы экологии Севера были комплексно рассмотрены в «Арктическом обозрении» (органе Международного экспертного совета по сотрудничеству в Арктике) в №3 за 2017 год, когда еще отношения между приполярными странами не были столь конфронтационными, хотя и тогда уже становилось понятным, что судьбы Арктики и Антарктики касаются всех государств и народов планеты, а не только приполярных и южных стран, имеющих выход к Северному и Южному полюсу. В своем приветственном слове В.В. Путин совершенно верно констатировал, что принципиально важно «сохранить Арктику пространством конструктивного диалога, созидания и равноправного взаимодействия»¹, а тогдашний Генеральный директор Центра стратегических оценок и прогнозов, председатель Международного экспертного совета по сотрудничеству в Арктике С.Н. Гриняев отметил, что «не случайно Китай и Индия пришли в Арктический совет именно с идеей международного контроля над климатом через совместное изучение Арктики. Вопросы изучения климата сегодня являются во многих стратегических документах арктических и околоарктических государств важнейшим и основополагающим тезисом формирования всей их “полярной политики”»².

¹ Арктическое обозрение. Экология Арктики: проблемы и пути решения. 2017. №3. С. 4.

² Гриняев С.Н. Будущее за международным контролем над полюсами Земли. С. 12-13.

Тем не менее уровень реального (а не только научно-теоретического) сотрудничества в данной сфере и степень практического решения экологических проблем, связанных с Арктикой, пока что явно оставляют желать лучшего.

Так, в упомянутом «Арктическом обозрении» большая часть вопросов касается промышленного освоения территории, а абсолютно необходимые – и неизбежно строгие – экологические ограничения, предлагаемые специалистами, остаются во многом в качестве благих пожеланий. Все также доминируют экономические интересы, когда во главу угла ставится максимизация прибыли, и по-прежнему налицо момент соперничества стран за приоритет в освоении данной территории. Очевидно, что при таком подходе предсказываемые учеными глобальные катастрофы – причем именно планетного масштаба – становятся весьма вероятными. При реализации худших экологических сценариев перспективный проект Северного цивилизационного коридора рискует остаться лишь проектом «на бумаге».

Исходя из сказанного, можно заключить, что в определенном смысле Арктика сегодня становится лакмусовой бумагой для проверки готовности стран действительно, а не на словах, сотрудничать друг с другом, – причем в тех вопросах, которые требуют незамедлительных решений. Хочется все же надеяться, что сохранение и экологически взвешенное использование пространственных, хозяйственных и культурных сокровищ Севера – этой *общей «ледовой крыши» мира* – научит людей вновь по-соседски и по-братьски распоряжаться общими ресурсами в земном доме, где кооперация намного выгоднее конкуренции, худой мир лучше доброй ссоры, а бескорыстное дарение и взаимопомощь, в конце концов, обираются самой большой прибылью.

Тезис можно даже усилить: именно *борьба за мирное и духовно-экологическое, а не военное и техногенно-сырьевое освоение Арктики* является сегодня, быть может, важнейшим полем соперничества между силами отживающего техногенно-потребительского и нарождающегося духовно-экологического мегацивилизационного уклада. И линия размежевания проходит здесь не только по границам стран и цивилизаций, но по пространству сердца человеческого, еще раз

подтверждая важнейшую историософскую максиму о краеугольной роли личности в истории.

§4. Еще раз о личностном факторе в становлении и осмыслиннии цивилизационных коридоров

Цивилизационные коридоры, напомним еще раз, всегда имеют ярко выраженное антропологическое измерение в лице своих первооткрывателей и первопроходцев, ученых, художников и святых подвижников, впервые подвергающих их научной или художественной рефлексии. Так, для балтийско-днепровского цивилизационного коридора, вдоль которого формировалась Древняя Русь, вобравшая в себя варяжские, византийские, индийские и степные культурные влияния, значимы святой апостол Андрей и легендарный Олег. Для волжско-каспийского коридора, связавшего Русь с Персией и Индией, важнейшей фигурой является тверской купец Афанасий Никитин. Для сухопутного коридора Алтай – Гималаи – русский офицер и казахский просветитель Ч.Ч. Валиханов. Наконец, первым ученым, который прошел и описал цивилизационный торгово-паломнический коридор Бурятия – Монголия – Тибет был выдающийся бурятский ученый и общественный деятель Г.Ц. Цыбиков.

Провозвестником Транссиба стал выдающийся отечественный государственный деятель Н.Н. Муравьев-Амурский. Для русского Севера и судеб всей Арктики исключительно значима могучая фигура М.В. Ломоносова. Он не только персонифицирует лучшие качества помора и русского человека, единящего народы и культуры, но научно прорисовывает контуры будущего северного цивилизационного коридора и предрекает ему особое значение в судьбах России: «Северный океан есть пространное поле, где... усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою, чрез изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку»¹.

¹ Ломоносов М.В. Для пользы общества. М.: Советская Россия, 1990, С. 290-291.

И, конечно, нельзя не вернуться к выдающейся фигуре Н.К. Рериха, который, как мы отмечали выше, в той или иной мере был связан и с днепровским, и с волжским цивилизационными меридиональными коридорами; который всегда отмечал исключительную роль северных территорий в становлении Руси-России и сам имел северные варяжские родовые корни; кто, наконец, в ходе своей беспримерной Центрально-Азиатской экспедиции 1925–1928 годов проехал по Транссибу и своими ногами прошел с юга на север и обратно с севера на юг двумя великими сухопутными азиатскими цивилизационными коридорами: Гималаи – Алтай и Монголия – Тибет – Индия. Ему принадлежат слова, которые имеют самое прямое отношение к цивилизационным коридорам и, смеем надеяться, к будущему объединенному человечеству, преодолевшему розни и смуты заката техногенно-потребительской цивилизации: «Великие переселения народов не случайность... В соприкосновении с новыми соседями расширяется сознание и куются формы новых рас. Потому живая передвигаемость есть один из признаков мудрости. В глубинах Азии – этой колыбели всех духовных и созидательных движений – в давние времена передвижение рассматривалось как завершение образования»¹.

Есть все основания считать, что великая задача возрождения старых и прокладки новых цивилизационных коридоров Евразии выдвинет новых ломоносовых и рерихов, валихановых и цыбиковых, ведь только великие исторические задачи призывают под свои знамена выдающихся личностей. И только так творится духовная история человечества.

Подводя общие итоги анализа меридиональных и широтных цивилизационных коридоров Евразии, еще раз подчеркнем в конце данного раздела, что они были и остаются важ-

¹ Рерих Н.К. Обществу славянской культуры // Культтуру в жизнь. URL: https://culture-into-life.ru/nikolaj_rerih_obshestvu_slavianskoj_kultury/ (дата обращения 12.12.2024)

нейшими каналами обмена материальными, социально-политическими и культурными ценностями между народами ее различных регионов. Эти коридоры, как мы пытались показать выше, имеют не только физическое, но также научное, экологическое и, что очень важно, **личностное и духовное измерения**. В нынешнюю эпоху цифровых технократических утопий это представляется особенно ценным.

В условиях нарастающих процессов деглобализации, о которых мы говорили в первом разделе монографии, необходимо сознательно и целенаправленно актуализировать во многом еще спящий (латентный) синтетический и именно духовный потенциал цивилизационных коридоров. Они должны вновь стать коридорами прочного мира, дружбы и сотрудничества между народами, преподать высокие человеческие уроки духовных устремлений, гражданского, научного и религиозного подвига, а не превращаться в кровавые межи и пылающие фронтиры «профанной» истории, которыми отгораживаются от друзей и братьев народы-эгоисты и, увы, цивилизации-эгоисты.

Горькая судьба Украины и нынешнего Днепра, некогда бывшего общей столбовой дорогой процветающего славянства, является очевидным и печальным фактом, подтверждающим этот тезис. Источником же исторического оптимизма служит закон периодического возрождения евразийских цивилизационных коридоров, причем в новых и, зачастую, совершенно неожиданных для нас формах. Это, надеемся, обеспечит **духовно-экологическую** глобализацию нового типа, выгодную не только Евразии, но всем странам и народам нашей единой земной цивилизации.

Но если именно российская цивилизация претендует со своим срединным положением между Востоком и Западом, со «средокрестием» своих многочисленных цивилизационных коридоров на роль нового объединителя человечества, то это со всей остротой ставит вопрос о ее собственных цивилизационных основах существования и о том, что она может предложить нового всему остальному миру. Об это и пойдет речь в третьем, заключительном разделе монографии.

РАЗДЕЛ 3. ДУХОВНЫЕ СОБЛАЗНЫ И УСТОИ БУДУЩЕЙ РОССИИ

ГЛАВА 5. Два лика русского западничества

§1. Черты русского западничества и этапы его эволюции

В свете стратегических перспектив формирования но-осферного цивилизационного уклада, в условиях, когда Россия противостоит даже не объединенному Западу, а отживающему техногенно-потребительскому мируустройству, со всей остротой встают вопросы, во-первых, мегацивилизационной преемственности и, во-вторых, преодоления идеологии русского западничества (европоцентризма), принесшей нашему отечеству неисчислимые беды.

Европоцентризм, как известно, подразумевает признание европейской истории «осевой» линией мировой истории, а европейские культурные достижения – вершиной всей мировой культуры. Соответственно, классическая западническая идейная установка, которая навязывалась неевропейским народам в течение столетий, нацеливала, да и до сих пор нацеливает их на признание политического и культурного лидерства Запада во всех сферах жизни и на безоговорочное усвоение его ценностей, что автоматически влечет за собой смирение с «вторичностью» и «отсталостью» собственной культуры.

В крайней форме западничество порождает чувство стыда за свою национальную культуру и даже ненависть к ней. Сущность русского западничества отчетливо выражена в словах одного из его первых идеологов П.Я. Чаадаева: «...Все в России... носит на себе печать рабства – нравы, стремления, образование и вплоть до самой свободы, – поскольку о ней может идти речь в этой стране. Не следует забывать, что по

сравнению с Россией все в Европе преисполнено духом свободы: государи, Правительства и народы. Как же после этого ожидать, чтобы эта Европа прониклась искренним сочувствием к России? Ведь здесь естественная борьба света с тьмой!.. Было бы полезно не только в интересах других народов, а и в ее собственных интересах – заставить ее перейти на новые пути»¹.

В XIX веке европоцентристская идеологическая установка вызвала резкий идейный отпор со стороны русских почвенников. Жесткую и точную критику европоцентризма параллельно с обоснованием культурной самобытности российской цивилизации мы находим у ранних славянофилов, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, а в XX веке у их идейных наследников – евразийцев. В работе «Европа и человечество» Н.С. Трубецкой показал, что некритическое принятие европейских идей, ценностей и институтов неизбежно ведет к деградации национальных культур и к превращению европеизировавшихся стран в колониально-сырьевые придатки и/или в политические сателлиты Запада. Что касается русского западничества, то идеология и практика его различных течений была глубоко проанализирована в работе Н.Н. Алексеева «Русское западничество», написанной в 1929 году. В ней он выделил следующие черты, общие для всех его разновидностей:

- западная культура признается единственной передовой и истинной;
- незападные культуры признаются отсталыми, а их народы подлежат «переделке» по западным культурным и политическим образцам;
- «...вера в преимущественную культурную силу учреждений, призванных к перевоспитанию “косного” народа, и преимущественное служение “правде внешней”, а не “правде

¹ Чадаев П.Я. Полное собр. соч. и избранных писем. Т.1. М., 1991. С. 569. Эти слова написаны Чадаевым в поздний период его творчества, что делает несостоительными все разговоры о «смягчении» его западничества.

внутренней”, идеалам общественным, а не идеалам личным»¹;

– непонимание национальных задач российской цивилизации, которые определяются своеобразием ее географического положения, истории и культуры. Все западники, пишет в этой связи Н.Н. Алексеев, «были убеждены, что для преуспеяния России достаточно было взять чужие учреждения со всеми свойственными им, чисто имманентными целями извне, пересадить их на русскую почву и осуществлять свойственные им цели так, как они применялись в первоисточнике (например, парламентаризм, как в Англии, социализм, как в Европе и т.п.)»².

В результате всегда выяснялось, что идеи и институты, хорошо работавшие на Западе, но механически пересаженные на русскую почву, – или вовсе не работают, или дают результаты, прямо противоположные ожидаемым.

Разрушительная сущность идеологии европоцентризма, нацеленного на политическое и экономическое господство Запада³, равно как и выделенные Н.Н. Алексеевым черты русского западничества, остались в целом неизменными. Однако в последние 30-40 лет кардинальным изменениям подвергся сам коллективный Запад, о чем мы писали в первом разделе монографии; а также существенно новые черты во второй половине XX – начале XXI веков приобрел феномен русского западничества, особенно в ходе так называемой перестройки («катастройки» по удачному неологизму А.А. Зиновьева).

¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 140.

² Там же.

³ Обстоятельный современный анализ идеологии и практики европоцентризма («западнизма») дан в работах А.А. Зиновьева. Он пишет: «Западизация некоторой... страны не есть просто влияние Запада на эту страну, не просто заимствование отдельных явлений западного образа жизни, не просто использование произведенных на Западе ценностей..., а нечто гораздо более глубокое и важное для этой страны... Это – перестройка самих основ жизни этой страны, ее социальной организации, системы управления, идеологии, менталитета населения» (Зиновьев А.А. Западнлизм // Феномен Зиновьева. М., 2002. С. 241).

Наконец, в нынешних исторических условиях идущей глобальной трансформации от техногенно-потребительского к духовно-экологическому укладу и сменой мегацивилизационного исторического лидерства исключительно важным представляется четкое разведение *созидающей* цивилизационной преемственности России с мегацивилизацией Запада и *разрушительным* комплексом незападной цивилизационной и национальной принадлежности, то есть между двумя различными ипостасями русского западничества.

Сформулируем сначала ключевые тезисы данной главы, подлежащие последующему обоснованию.

Во-первых, сознание русского западника с самого начала отличалось *утопичностью* и *мифологичностью*, где реальный Запад сплошь и рядом подменялся его идеальным конструктом в сознании, а внешняя благополучная обывательская картинка, открывавшаяся взору русского человека во время его кратких поездок в Европу, заменила необходимость глубокого и объективного анализа существенных черт западной цивилизации в сложной диалектике их плюсов и минусов. Отрезвление к русскому интеллигенту-западнику часто приходило тогда, когда ему доводилось долго пожить на Западе и столкнуться с подлинной, а не мифологизированной западной реальностью; выяснить подлинное отношение западных правящих элит к России. Неслучайно все активнее возвращаются сегодня в Россию те, кто уехал из нее с началом военных действий на Украине.

Впрочем, восхищение материальным достатком, научно-техническими и демократическими завоеваниями Европы было еще как-то объяснимо для не-европейцев в XIX веке, но в XX веке, по мере нарастания кризиса техногенно-потребительской цивилизации Запада, усиления его военно-политической агрессивности, экономического и идеологического давления на незападные страны – начинает необратимо разрушаться мировоззренческая, так сказать, онтологическая основа западничества.

Сегодня есть все основания говорить *о смерти идеологии и практики европоцентризма*, где вера в глобальное лидер-

ство Запада может поддерживаться только через политическое и вооруженное насилие, возможности чего все более суживаются; экономический шантаж и изощренное манипулирование сознанием людей с целью культивирования западнических мифологем. Неуклонно нарастающая, хотя и идущая достаточно противоречиво, интеграция незападных стран под эгидой ШОС и БРИКС – практическое подтверждение этого тезиса.

Во-вторых, можно констатировать не только внешний закономерный крах идеологии и практики европоцентризма, но и внутреннее изживание Россией всех форм западничества в первой четверти XXI века, особенно после начала военного конфликта на Украине.

Правомерно выделить и проанализировать три исторических формы русского западничества: досоветскую, советскую и постсоветскую, где общей закономерностью является его нарастающее идеиное и человеческое вырождение¹.

Первая историческая форма имеет разные ипостаси: французско-просветительскую, прусско-имперскую, революционно-демократическую и либеральную. Подражание «проповедной» и «свободной» Франции было свойственно русскому дворянству второй половины XVIII – начала XIX века. Оно – плод нашего культурного ученичества у Европы со всеми его плюсами и минусами. Отрицательные стороны этой ранней формы русского западничества в виде, говоря словами Грибоедова, «рабского, слепого подражанья» прекрасно описаны и подвергнуты убедительной критике в русской классической литературе. Помимо Грибоедова, можно вспомнить «Войну и мир» Л.Н. Толстого, многие произведения Ф.М. Достоевского. Определенным отрезвилием от этой формы западничества стала русская победа над Наполеоном и факты варварского отношения французских солдат к рус-

¹ Анализ различных форм русского западничества представлен в коллективной монографии: Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты / Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Барнаул, 2007 (Раздел 1. Параграф 1. Над руинами русского западничества. С. 6-33).

скому культурному и историческому наследию, особенно в ходе оккупации Москвы.

Прусско-имперское западничество наиболее зримо проявило себя в эпоху царствования Николая I. Этот проект, основанный на подражании немецким образцам самодержавного правления при засилье государственной бюрократии, псевдопатриотически прикрывал себя знаменитой уваровской идеологемой «православие, самодержавие, народность». Данной формы самодержавного западничества не принимали ни русские либералы, ни славянофилы-почвенники, ни революционные демократы. Блестящий краткий анализ николаевской России можно найти в упомянутой статье Н.Н. Алексеева¹.

Что касается русского западничества второй половины XIX века, то мы видим среди его представителей как либералов, ориентированных на ненасильственные методы преобразования России по западным либеральным образцам (И.А. Тургенев, В.П. Боткин), так и противостоящих им революционных демократов (Н.Г. Чернышевский, А.И. Герцен), сторонников радикальных методов борьбы с деспотическим русским самодержавием. В художественной форме эти противоположные типажи русского западничества блестяще представлены в романах западника И.С. Тургенева и почвенника Ф.М. Достоевского, непримиримых идейных оппонентов и в жизни, и в литературе.

При этом практически всех западников XIX века от западников XX века будет отличать одна существенная черта: откровенных предателей и русофобов, типа известного В.С. Печерина, среди них будут единицы. Большинство будет представлять просвещенное русское западничество, призывающее творчески перенять то лучшее (в экономическом, социально-политическом и идейном планах), что создала цивилизация Европы. Другое дело, что в этом искреннем и понятном стремлении «учиться у Европы», ее романтически-утопическое восприятие будет явно преобладать над критическим мышлением. И, к сожалению, в идейной борьбе того

¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 124-127.

времени к началу ХХ века победили не почвенники (Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев) и даже не православно-религиозные мыслители с западническими симпатиями, такие как В.С. Соловьев и Б.Н. Чичерин, братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие, в лице которых Россия только-только начинала системно осмысливать и свою национальную культуру, и свою мегавивилизационную историческую миссию, – а материалистически, позитивистски и атеистически мыслящие политические силы, ориентированные или на либерально-буржуазный, или на социалистический Запад.

Второй исторической формой идеологии и практики русского западничества стал победивший *марксистский советский проект*, который, при всех своих великих исторических завоеваниях и близости базовым ценностям традиционной русской культуры, потерпел в начале 90-х годов прошлого века трагическое историческое поражение. Подробно мы его рассматривать не будем, поскольку его достаточно обстоятельный и многогранный анализ представлен в постсоветской гуманитарной традиции¹. Отметим только, что марксизм на русской почве приобрел глубоко своеобразные, именно российские, даже почти православно-религиозные цивилизационные черты с культом общего блага, коллективизма, служения высшим (пусть и социалистическим) ценностям, устремленностью к будущему, презрением к мещанству. Совершенно не прав А. Тойнби, посчитавший, что русские переняли

¹ Сошлемся на три капитальных и достаточно панорамных работы, посвященных анализу истории Советского Союза и русского социализма с близких нам евразийских и почвеннических позиций: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга 1. От начала до Великой Победы. М., 2001; Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга 2. От Великой Победы до наших дней. М., 2002; Кожинов В.В. Россия. Век XX (1901-1939). М., 2005. Кожинов В.В. Россия. Век XX (1939-1964). М., 2005; Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век (к столетию образования СССР и становления евразийства) /под ред. И.Ф. Кефели. СПб., 2022. Свой анализ отдельных черт советского социалистического проекта мы дадим в двух последних главах данной работы.

«западную ересь, называемую коммунизмом»¹. Дело обстоит прямо противоположным образом: русские переняли как раз самую живую, антимещанскую, социально-политическую теорию Запада, но не сумели, к сожалению, избавиться от трех ее главных недостатков: воинствующего атеизма, пренебрежительного отношения к национально-историческим традициям и примата внешних государственных институтов по отношению к свободной воле человека.

Наконец, третьей и, смеем надеяться, последней формой русского западничества стала *рыночно-либеральная* ельцинская Россия, когда страна была насильственно вовлечена «пестройщиками» в западную стратегию глобализации, исторически, как становится понятным сегодня, полностью изжившую себя. Советский социалистический проект был по-настоящему творческим, во многом, повторимся, сохранившим и воссоздавшим самобытные русские ценности и идеалы². Советскую Россию строили в основном люди большого таланта, долга и чести, если вспомнить фигуры тех же «железных» сталинских наркомов и руководителей первых советских заводов. Народы нашей страны под руководством коммунистов выиграли Великую Отечественную войну, подняли Россию из руин, превратив ее в сильную и прекрасно образованную державу. Что же касается прозападных реформ

¹ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории: Сборник. М., 2002. С. 443.

² Недаром те же евразийцы весьма сочувственно относились ко многим идеям и практикам социалистической России, прежде всего к антиколониальной и антиимпериалистической политике СССР, а также к советскому государственному устройству и нестяжательским идеалам общежития. Этому посвящена уже упоминавшаяся, прекрасная и не утратившая до сих пор значения работа Н.Н. Алексеева «На путях к будущей России (Советский строй и его политические возможности) (Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (Советский строй и его политические возможности). Париж, [1927]). Авторский анализ базовых ценностей России, которые в той или иной форме воспроизвелись в практике отечественного социализма, представлены в работе: Иванов А.В. Категории национального духа // Изборский клуб (Русские стратегии). 2024. № 1. С. 88-111.

90-х годов прошлого века, то они поражают какой-то удивительной заемностью идей, интеллектуальной бездарностью и нравственной порочностью тех, кто осуществлял капиталистическое «обустройство» России. Это была, воистину, «революция смердяковых»

Отсюда, *в-третьих*, становится очевидной неуклонная идеиная и антропологическая деградация русского западничества на протяжении второй половины XX – начала XXI веков, особенно зримо проявившаяся после начала военного противостояния России с Западом на Украине. В русском западничестве стали нарастать такие черты, как усиливающийся от сознания своей чуждости России комплекс личной неполноты и вытекающие отсюда агрессивная русофobia, призывы к насилию над идеиными оппонентами, откровенное предательство национальных интересов. Постперестроечную разновидность западничества, пророчески проанализированную в романах Ф.М. Достоевского, можно в целом назвать «смердяковщиной».

Однако от лакействующего и русофобского – «смердяковского» – западничества следует отличать творческое и «живое» русское западничество, основанное на уважении к великим культурным завоеваниям европейской мегавилизации, нацеленное на будущий равноправный и взаимно обогащающий диалог с обновленным Западом.

Второй из высказанных выше базовых тезисов мы оставим без детального раскрытия и обоснования в силу ограниченного объема монографии, а первый и третий подробно обсудим ниже.

§2. «Смердяковское» преклонение перед Западом и творческое усвоение европейских уроков

Прежде всего, отметим еще раз мифологический и у托ический характер мировоззрения русского западника, у которого место реальных черт западной цивилизации занимает ее идеальный образ, а чаемое выдается за действительное.

Любопытно, что если русский коммунист-утопист считал, что несовершенное земное настоящее – это путь к общему счастливому будущему, то западник-утопист уверен, что счастливое земное будущее уже реально сбылось в настоящем бытии западных стран. Именно к этому западному настоящему – счастливому, сытому и благополучному – западник и призывает стремиться всем остальным народам Земли. Агрессивный западник даже согласен на насильтвенное приобщение нецивилизованных незападных народов к западному цивилизационному укладу.

Вот типичный образец этого мифологизированного и утопического западнического сознания. «Сегодня европейская цивилизация, – писала, например, д.ф.н. Л.А. Никитич¹, – это большое количество стран с высоко развитой инфраструктурой, развитыми промышленностью и сельским хозяйством, с высокой производительностью труда, высоко развитым образованием, здравоохранением, престижем классического образования, развитым музеинм и библиотечным делом, с университетами, занимающими первые места в мировых рейтингах, с высокими уровнем и качеством жизни людей, с отсутствием или очень низким уровнем коррупции, с гарантией безопасности человека и соблюдением и защитой его прав, с правовыми государствами, с подлинным разделением властей, с независимыми парламентами и судами. Европейская культура, европейское христианство воспитало человека, для которого справедливость стала привычкой, привычкой стало уважение прав других людей и норм закона, привычкой стало “жить не по лжи”. В современной европейской цивилизации существуют различные религиозные конфессии, а случающиеся напряжённости между ними в условиях развитого гражданского общества решаются демократическим правовым путём, становятся предметом дискуссий на всех уровнях существования общества»².

¹ Возможно, с той поры взгляды этого уважаемого автора претерпели существенные изменения под влиянием исторических обстоятельств, но выпущенное слово, как известно, назад не вернешь.

² Никитич Л.А. Говоря о Византии, вспомним Гегеля и задумаемся...// Вестник РФО. 2015. № 2(74). С. 111-114.

Исторические достижения западноевропейской цивилизации, ее Логоса, велики, о чем мы писали в первом разделе монографии. Влияние Запада, в том числе, и на русскую культуру, особенно начиная с реформ Петра, было значительным. На этом мы еще остановимся ниже. Однако характер этого влияния, по меньшей мере, неоднозначен, что ясно увидели те же славянофилы и евразийцы, а уж вклад западных стран в современную жизнь и культуру заслуживает куда более критической оценки, чем это представляется процитированному выше автору. Более того, непредвзятому аналитику должны быть очевидны разрушительные черты идеологии и политики западных стран. О них полезно напомнить, дополняя те черты кризиса западной мегавизилизации, о которых говорилось выше.

Так, именно агрессивная политика Запада в XX столетии стала главной причиной возникновения двух разрушительных мировых войн, а в последние десятилетия он превратился в откровенного мирового агрессора, если вспомнить войны НАТО против Югославии, Ирака, Афганистана и Ливии, его нынешнюю провокационную деятельность на Украине, чреватую возникновением третьей мировой войны.

Первые концентрационные лагеря были созданы англичанами для буров в Южной Африке, а их превращение в технически отлаженные фабрики смерти – продукт германского цивилизационного «творчества». Там же впервые стали ставиться «научные» эксперименты над военнопленными (правда, по степени зверства конкуренцию фашистской Германии могут составить японцы). Разворачивание американских военных биолабораторий по всему миру, в том числе и на Украине, с непредсказуемыми последствиями для всего мира – также известный факт.

Применение боевых отравляющих веществ на фронте впервые произошло в Европе в годы первой мировой войны (и здесь отличились немцы!), а массовая химическая обработка джунглей для борьбы с партизанами осуществлялась США во Вьетнаме в 60-е годы прошлого века. Приоритет в атомной бомбардировке японских городов и в сбрасывании

бомб с наконечниками из обедненного урана на головы мирных жителей (сербов, иракцев, афганцев, йеменцев) также принадлежит американцам. Так что с западной «справедливостью», которая стала привычкой» и с «уважением прав других людей и норм закона», о которых пишет Л.А. Никитич, дела обстоят явно не лучшим образом.

Обратимся теперь к европейской «привычке жить не по лжи». Агрессивное использование СМИ и всех средств технической цивилизации для массовой дезинформации чужого и собственного населения – также западное изобретение. Приоритет здесь, бесспорно, принадлежит Геббельсу и его ведомству. Сталинская коммунистическая пропаганда все же не додумалась до главного принципа западных пиар-технологий, сформулированного еще главным фашистским пропагандистом: ложь должна быть настолько чудовищной, чтобы в ней нельзя было усомниться. Яркие примеры современного воплощения этого геббельсовского принципа – откровенное замалчивание (а, значит, и косвенное поощрение) неонацистских движений в Прибалтике и на Украине параллельно с медиадемонизацией образа иранцев, северокорейцев, а теперь уже и русских. Словом, инкубатор современных «информационных войн», сеющих хаос по всему миру, также находится на Западе.

Именно в западных странах, а не на Востоке и не в « тоталитарной » России, впервые получили массовое распространение операции по перемене пола, суррогатное материнство, поощрение эвтаназии, попытки вживления в человеческий организм технических устройств для «усовершенствования» человека (программа так называемого трансгуманизма), пропаганда однополой любви и гомосексуальных браков. Именно западная мегацивилизация, начиная с эпохи Возрождения, сочла себя вправе насильственно переделывать мир по собственному усмотрению, не считаясь с его объективными законами. Бездумный конструктивизм и постмодернистский культ вседозволенности, где можно механически тасовать геном, менять гендерную ориентацию, культурные коды и ценности, неизбежно оборачивается апологией откровенного

зла. В ряде европейских государств сегодня легализованы проституция, «легкие» наркотики и однополые браки, а тоталитарной травле со стороны ювенальной юстиции, причем без всяких «правовых оснований и дискуссий», начинают подвергаться католические семьи, придерживающиеся традиционных убеждений и отказывающиеся от уроков в школе, где с малолетства учат толерантному отношению ко всем формам сексуальных связей, включая зоофилию.

Кажется, нет такой телесной похоти и прихоти, которые современный западный мир не попытался бы удовлетворить, даже если ради этого придется отказаться от таких вечных ценностей человеческого бытия, как моральная и физическая чистоплотность; мир между странами, народами и религиями; верность и целомудрие в любви; двуполая семья с нормальными папой и мамой, бабушками и дедушками; правом ребенка на светлый образ мира, где добро обязательно должно побеждать зло.

Все это заставляет констатировать не только исторический крах европоцентризма и западного глобализма, но и превращение современной западной мегавилизации (особенно англо-саксонской океанической цивилизации) в непосредственную угрозу всему миру, особенно в связи с военными действиями на Украине и готовностью стран НАТО пойти на все ради победы над Россией. Последняя же, при всех своих нынешних проблемах и недостатках, которые здесь мы обсуждать не будем, чтобы не превращать научную монографию в публицистический трактат, все более превращается в **хранительницу и защитницу вечных ценностей человеческого бытия, без которых немыслимо утверждение ноосферного (духовно-экологического) мегавилизационного уклада.**

Эти процессы не могли не привести к *маргинализации западничества*, в том числе и русского. В нем появились новые черты, а также стали явными те, которые раньше носили скрытый, латентный характер. Повторимся: любой национализм связан с комплексом неполноценности, когда ссылками на величие своего народа силятся прикрыть личное убоже-

ство и как бы «стяжать» то, что тебе лично не принадлежит. Однако либеральное западничество страдает тем же синдромом, когда ощущение личной и национальной неполноценности, своего духовного диссидентства и разрыва с собственным народом, пытаются компенсировать причастностью к западной «прогрессивной» культуре. Как справедливо подмечал В.В. Кожинов, «в “западниках” очевиден как бы некий надлом, или, пользуясь популярным определением, “комплекс национальной неполноценности”, который они стремятся изжить»¹.

Антинациональному западничеству, как и национализму, свойственно агрессивное неприятие позиции оппонентов. Отсюда и русофobia, как ненависть к своей стране и ее людям, которые не желают принимать твои взгляды, выраженные в печально знаменитых строках уже упоминавшегося выше В.С. Печерина: «Как сладостно отчизну ненавидеть! И жадно ждать ее уничтоженья... И в разрушении отчизны видеть всемирную денницу возрожденья». Число русофобствующих западников значительно возросло в XX веке, особенно среди диссидентов 50–80-х годов, покинувших Советский Союз. Сегодня многие уехавшие из России после начала СВО проявляют не просто неприятие войны, но именно ярую русофобию. Среди них мы видим и некогда пользовавшихся всенародным уважением и любовью известных деятелей искусства и культуры. Стало понятным, что для них Россия была не Родиной, не Отечеством, а исключительно страной пребывания и «местом кормления».

Одну из причин этой ненависти западников второй половины XX – начала XXI веков к России можно найти в кардинальном различии ценностей, которые исповедуют патриот России и западник. Это различие стало особенно явным в 90-е годы прошлого века. Для подлинно русского человека важны ценности служения своей стране, нестяжательства²,

¹ Кожинов В.В. О русском национальном сознании. М., 2002. С. 228.

² Ценности нестяжательства мы ниже посвятим отдельную главу.

правды, братства, соборного единения народов племен и культур¹. Что касается западника, то он исповедует западные ценности личного успеха, комфорта, материального достатка, индивидуалистически понимаемой свободы жизни и творчества. А.С. Панарин справедливо пишет: «...Сознание западнического типа, взыскающее одних только успехов, послаблений, потребительских благ и утех (все это оно и называет прогрессом) прямо-таки обречено не любить Россию как страну, постоянно обманывающую его ожидания...Западническому сознанию кажется, что это Россия “злостно не соответствует стандарту”. Поэтому сегодня это сознание ненавидит Россию»². Кстати, **именно ненависть является наиболее зрымым показателем нисходящего мегацивилизационного уклада и деградации нравственного уровня его носителей**, так как для русского человека ненавидеть другие народы представляется чем-то совершенно невозможным, ведь плохих народов нет в принципе, а есть плохие правительства, правящие элиты, отжившие социальные и политические институты, а также идеи и ценности (вернее антиидеи и антиценности).

Отсюда и иррациональное желание «западников-смердяковых» и «западников-печериных» прошлого и настоящего насильственно переделать «деспотическую» Россию и русского «человека-раба» через механическое внедрение западных политических институтов и систем образования, через приглашение западных специалистов, а в предельном случае – даже через прямую военную оккупацию «отсталой и темной» – не важно: царской, сталинской, брежневской или путинской – России просвещенным и культурным Западом.

Русофобское «смердяковское» западничество, сплошь и рядом прикрывающееся указаниями на политические, правовые и культурные недостатки, существующие в России, всегда чревато прямым предательством своей родины, что мы

¹ См.: Иванов А.В. Категории национального духа.

² Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003. С. 386-387.

видим в прошлом на примере власовцев и наблюдаем сегодня. О них очень точно высказался все тот же Ф.М. Достоевский устами князя Мышкина в романе «Идиот»: «Русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок; не на русские порядки, а на самую Россию»¹.

Показательно, что русофобы-западники не воспринимаются как свои и в Европе, поскольку отношение к предателям всегда и везде одинаково презрительное. О русских западниках очень точно поэтически высказался еще Ф.И. Тютчев:

«Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не сискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы»².

Если с лакейским либеральным западничеством, особенно восторжествовавшим у нас в годы ельцинского правления, надо решительно идейно бороться, то к **западничеству разумному и творческому – к «живому западничеству»**, – надо относиться с уважением и внимательно к нему прислушиваться, поскольку одна из особенностей культурного и просвещенного народа состоит в почитании своих учителей и в умении творчески усваивать чужой культурный опыт.

Так, есть глубокая историческая правота в русском западничестве XVIII – XIX веков. Влияние западной мегацивилизации на Русь и Россию было очень значительным. Это касается инженерных и художественных традиций, ведь главные храмы того же московского Кремля были построены архитекторами-итальянцами. На русскую философию капитально повлияло европейское философское Просвещение в

¹ Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 томах. Т.6. Ленинград, 1989. С. 336.

² Тютчев Ф.И. «Напрасный труд – нет, их не вразумишь...» // Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1988. С. 231.

лице французского свободомыслия и немецкой классической философии, особенно Шеллинга. Художественная культура России испытала определяющее влияние европейской живописи, музыки и театра. Через Запад мы приобщились к достижениям экспериментальной европейской науки и к университетской традиции. Именно в европейские университеты поедут учиться не только отечественные западники, но и славянофилы. Из Европы и те, и другие будут привозить новомодные идеи и активно творчески их перерабатывать. Позднее, правда, лично попав в Европу и долгое время прожив в ней, глубоко разочаруются в своих наивных европоцентристских верованиях наиболее выдающиеся русские западники от А.И. Герцена до П.И. Новгородцева и П.Н. Милюкова.

Да и сегодня мы должны быть благодарны европейскому Западу не только за отрицательные, но и за многие положительные уроки в науке, технике, экономике и особенно экологии. Современную западную науку и культуру надо внимательно изучать и знать, отделяя зерна от плевел, но, в свою очередь, пропагандируя национальные научные, культурные и социальные достижения. **Без открытости Западу не может быть полноценного мирового культурного диалога и прогресса, но это должен быть диалог равных и разных цивилизаций, а не культурный монолог**, к которому так привык Запад и от которого он пока никак не может отказаться.

Хочется надеяться, что народы Северной Евразии и Востока будут все активнее совместно изживать западнические утопии, обретать ясные горизонты национального существования и совместно вырабатывать пути и механизмы перехода к новому мегаавиализационному ноосферному укладу.

§3. Некоторые выводы на будущее

1. Сегодня можно уверенно говорить о смерти идеологии европоцентризма, утверждавшей, что история Запада есть осевая линия мировой истории, а европейская культура – вершина мировой культуры. Сегодня западный мир сам

находится в глубочайшем кризисе и нуждается в кардинальном как идеином, так и социально-экономическом реформировании, о чем мы писали выше.

2. Западничество лишилось сегодня своей онтологической основы, а призывы механически копировать западные институты, образ жизни и ценности являются безусловно реакционными и отбрасывающими назад как незападные (Южную Корею и Японию), так и сами западные народы. Закономерно, что российская перестройка, проводившаяся по либерально-прозападным образцам, обернулась для России и многих стран бывшего СССР неисчислимыми бедами и, как сегодня выясняется, большой кровью.

3. Следует различать «смердяковское» западничество, ведущее к иррациональной русофобии и утопическому преклонению перед Европой и США, от конструктивного «живого» западничества» как любви к высоким достижениям западной цивилизации и желания объективно изучать ее современные достижения, что только и способно обеспечить равноправный, рациональный и продуктивный культурный диалог.

4. Более того, творческое «живое» западничество, отрицающее европоцентризм и рабское преклонение перед его достижениями, обязательно сосредоточит основное внимание именно на духовной истории Запада с присущими ей «осеневыми» эпохами, текстами и великими именами, тем самым помогая самому Западу вернуться к своим традиционным и подлинно духовным идеям и ценностям, к своему вечному наследию. Парадоксальным образом нынешнее аргументированное антизападничество и доброжелательный антиевропоцентризм оказывают неоценимую услугу европейскому культурно-географическому миру, отвыкшему не только от цивилизационного диалога, но и от братской цивилизационной критики. Один из критериев того, что учитель перестал быть учителем – обида на критику своего повзрослевшего и перепросившего его, но благодарного ученика.

ГЛАВА 6. «Русский мир», Россия и Северная Евразия (о современных соблазнах национального самосознания)¹

§1. О новом этапе национального самосознания

Сегодня, на наш взгляд, можно уверенно говорить о новом этапе национального самосознания, в который вступила Россия в связи с событиями на Украине, политическим разрывом с Западом и глобальным цивилизационным кризисом в целом. Это самосознание началось еще в XIX веке со спора западников и славянофилов и получило разнообразное воплощение в последующей русской культуре, будь то литературная полемика между Ф.М. Достоевским и И.С. Тургеневым, философская полемика между К.Н. Леонтьевым и В.С. Соловьевым, В.Ф. Эрном и С.Л. Франком, музыкальное осмысление России в творчестве «Могучей кучки» или ее самопознание художественными средствами в творчестве «передвижников», где особое место принадлежит В.И. Сурикову². Впоследствии этот процесс затормозился, потому что восторжествовали политические и социально-философские идеи, далекие от задач цивилизационного самосознания России. Это касается, как отмечалось в предыдущей главе, социалистических и либерально-буржуазных проектов, приведших к двум великим российским потрясениям XX века: к Октябрьской социалистической революции и к так называемой «перестройке» 90-х годов прошлого века, носившей либерально-прозападный характер.

¹ Материалы данной главы частично опубликованы в статье: Иванов А.В., Артамонова Т.А. Русский мир и Россия (о современных соблазнах национального самосознания) // Идеи и идеалы. 2024. Т.16. № 4. Часть 1. С. 105-119.

² См.: Иванов А.В., Шишин М.Ю. «Философия Сибири» в творчестве В.И. Сурикова // Цивилизационная миссия Сибири. С. 326-339.

Сейчас, в условиях глобального кризиса техногенно-потребительского мирового уклада, мы на новом уровне возвращаемся к задаче **рационального и систематического самосознания и самопознания России**, когда в результате событий последних десяти лет стало очевидным, что Россия, испытав многофакторные внешние влияния, все же не принадлежит ни к западному, ни к восточному культурно-географическим мирам, имеет свое «цивилизационное лицо» и свои задачи в мировой истории. Подтверждением этого тезиса является то, что коллективный Запад, вопреки наивным двухвековым верованиям отечественных западников, категорически не желает принимать нас за своих, а цивилизации восточного культурно-географического мира, прежде всего Индия и Китай, выстраивают с нами сугубо прагматические отношения, а иногда и прямо подчеркивают свою цивилизационную инородность¹.

В этих условиях возобновившийся процесс российского цивилизационного самосознания и самопознания² является столь же естественным и необходимым, сколь и имеющим ряд подводных мировоззренческих и политических «камней», о которых следует помнить. Это в первую очередь касается рационального понимания и использования базовых категорий, посредством которых Россия познает саму себя: «Россия», «российская цивилизация», «евразийская цивилизация», «Русский мир». Мы использовали ряд этих понятий и в предыдущих разделах монографии, но здесь пришла пора остановиться на них более подробно. Выскажем ряд предварительных методологических соображений, которые помогут нам в дальнейшем.

Так, многие отечественные философы, литераторы и историки справедливо отмечали, что Россия – страна крайно-

¹ Ма Фэншу. Российско-китайские отношения в контексте сравнительного анализа культур // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2012. №2. С. 5-28.

² Весьма символичен и своевременен факт введения нового гуманитарного курса в российской Высшей школе «Основы российской государственности».

стей, которые, будучи доведенными до предела, диалектически переходят в «свое иное», в другую крайность, образуя «кровавые политические круги» русской истории, где деспотический авторитаризм рано или поздно оборачивается смутой и анархией, государственный застой и бездеятельность власти – разрушительными революциями. В идейном же плане радикально противоположные мировоззренческие позиции препятствуют обретению общественного единства и согласия, что, в свою очередь, провоцирует политические перевороты, революции, метания общества и власти из крайности в крайность.

Это подметил еще Н.А. Бердяев: «Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие иискание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт»¹.

В национальном вопросе отечественному сознанию бывает как-то особенно трудно избегать тупиковых крайностей, подпитывающих и переходящих друг в друга. Так, самодержавная российская имперскость², особенно со второй половины XIX века, и советский пролетарский интернационализм подпитывали национализм «малых» российских народов; а проснувшийся в годы «перестройки» национализм в бывших советских республиках вполне органично ужился с космополитическим преклонением перед западной цивилизацией и культурой. Разрушительную взаимоподпитку крайностей

¹ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 44-45.

² Критика попыток возродить имперскую терминологию дана нами в первой главе первого раздела монографии.

национализма и космополитизма, противостоящих как истинному патриотизму, так и подлинной всечеловечности¹, констатировал выдающийся русский консерватор К.Н. Леонтьев, писавший, «кто радикал отъявленный, то есть разрушитель, тот пусть любит чистую племенную национальную идею; ибо она есть лишь частное видоизменение космополитической разрушительной идеи»².

Что касается самого процесса национального самосознания, то здесь всегда есть соблазн иррационального переступания черты, где любовь к своему отечеству превращается в нарциссическое самолюбование, а патриотизм приобретает националистические черты. Такая мутация тем более возможна, если в течение долгого времени национальное чувство подвергалось ущемлению. Это отметил один из основателей евразийства Н.С. Трубецкой. В своей полемике конца 20-х годов XX века с украинским историком-националистом Д.И. Дорошенко он писал: «Заставляя украинцев забыть, что они не только русские, но и украинцы, дореволюционное русское правительство насиливало природу... Теперь совершается обратная ошибка: современное украинское правительство в согласии с крайними украинскими националистами принуждает украинцев забыть, что они не только украинцы, но и русские. Это тоже есть насилие над природой, которое тоже удастся не может... Украинское национальное са-

¹ Патриотизм и всечеловечность органически дополняют друг друга. Тот, кто творчески любит свой народ и свою культуру, всегда уважает истинный патриотизм и духовную культуру других народов как иное преломление всеобщих и всечеловеческих ценностей. Последние не одинаковы для всех культур, а подобны кристаллу с многочисленными гранями, которые отшлифовывает каждый народ на оселке собственной истории и культуры. Но это именно другая грань одного кристалла. Любопытно, что так называемые «общечеловеческие» ценности Запада в лице партийной демократии, рынка, конкуренции и толерантности, которые он навязывает миру в качестве абсолютных и обязательных для всех, являются не чем иным, как сугубо относительными социально-политическими ценностями именно Запада. К обоснованию и раскрытию этого тезиса мы обратимся в следующей главе.

² Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 42.

мосознание непременно должно заключать в себе оба элемента – общерусский и специфический – украинский»¹.

Можно поставить под сомнение правомерность термина «общерусский», использованного Н.С. Трубецким, поскольку точнее было бы сказать «общеславянский» или «общевразийский» элемент, объединяющий русских и украинцев, но одну из важных причин послеоктябрьского расцвета украинского национализма он определяет очень точно: это ущемленность национального украинского самосознания со стороны царской власти, вставшей на путь насилиственного формирования титульной русской нации в годы правления Александра III. Гонения на украинский язык, украинскую школу и литературу в то время дают свои ядовитые плоды до сих пор.

§2. Понятие «Русский мир» и его аспекты

Теперь самое время вернуться к нынешнему этапу самосознания России. В течение многих десятилетий – и при социализме, и при либеральном западничестве 90-х годов прошлого века – очевидному ущемлению подвергались русская культура и русское национальное самосознание. Достаточно вспомнить травлю русских писателей-«деревенщиков» (В. Белова, В. Распутина, Ф. Абрамова и др.) в 60–70-е годы прошлого века со стороны партийной советской номенклатуры. В постперестроечные времена защищались диссертации, где доказывалось, что русский народ – это концептуальный конструкт, а как объективная этнокультурная общность он не существует; отечественная же философская мысль, особенно религиозная, или лишалась всякой самостоятельности по сравнению с западной, или же объявлялась реакционным идеализмом и иррационализмом². Русская религиозная фило-

¹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 468.

² См. например известную монографию: Кувакин В.А. Религиозная философия в России: Начало XX века. М., 1980. Там уже в краткой аннотации сказано, что в книге «выявляются закономерности эволюции религиозного идеализма к крайним формам иррационализма».

софия начала возвращаться к нам из спецхранов только со второй половины 80-х годов XX века.

Поэтому вполне объяснимо, что ущемленное ранее русское национальное самосознание в современных условиях также будет подвержено националистическим соблазнам и угрозам идеиных перегибов. Одним из ключевых понятий, соблазняющих дать ему предельно расширенное и потому неадекватное истолкование, является «Русский мир». Это словосочетание известно давно. Его использует, например, В.О. Ключевский, описывая движение русского народа на север в заволжские земли¹; а также один из теоретиков евразийства П.Н. Савицкий, писавший, что «силой неустрашимых фактов русский мир призван к объединяющей роли в пределах Старого Света... В лице русской культуры в центре Старого Света выросла к объединительной и примирительной роли новая и самостоятельная историческая сила... В подобной обращенности одновременно и равномерно к Востоку и Западу – особенность русской культуры и геополитики»².

Оба указанных автора используют «Русский мир» как этнокультурное понятие, где именно русский народ (этнос), в силу присущих ему ценностных установок, идеалов и психологических качеств, во многом восходящим к православным религиозным корням, сумел объединить в пределах единой российской цивилизации и культурно-географического мира Северной Евразии многие другие миры (субцивилизации), народы и культуры. При этом следует помнить, что в куль-

¹ «Многочисленные лесные монастыри, – пишет В.О. Ключевский об освоении заволжских земель, — становились здесь опорными пунктами крестьянской колонизации: монастырь служил для переселенца-хлебопашца и хозяйственным руководителем, и ссудной кассой, и приходской Церковью, и, наконец, приютом под старость. Вокруг монастырей оседало бродячее население, как корнями деревьев сцепляется зыбучая песчаная почва. Ради спасения души монах бежал из мира в заволжский лес, а мирянин цеплялся за него и с его помощью заводил в этом лесу *новый русский мир* (выд. нами – авт.)» (Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 73-74).

² Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 297.

турно-географический мир Северной Евразии, кроме России, входят еще Монголия, а также новообразовавшиеся после трагического распада СССР страны Средней Азии, Кавказа и Белоруссия с Украиной. Нельзя забывать и того, что российской цивилизации на geopolитическом пространстве Северной Евразии исторически предшествовали скифские кочевые государственные образования, тюркские каганаты и монгольская империя Чингисхана¹.

Возвращаясь к «Русскому миру» (или русской субцивилизации), необходимо подчеркнуть, что, помимо него, в состав исторически сложившейся российской цивилизации входят также тюркский, монгольский, угро-финский и северный палеоазиатский этнокультурные миры, а также, кроме православной, еще исламская и буддийская религиозные цивилизации, вместе образующие исключительно сложный – многонациональный, поликультурный и поликонфессиональный – российский мир (цивилизацию), составляющий ныне становой хребет мегацивилизации Северной Евразии и связывающий своими цивилизационными коридорами все пространство Евразии (или Старого Света).

Этнокультурное понимание «Русского мира» как собирающего и консолидирующего начала Северной Евразии кажется наиболее рациональным и взвешенным. В кристаллизации ценностных оснований его бытия особую роль играют, помимо языка, сказок, пословиц и поговорок, краеугольных вех истории и национальных святынь – также и «осевые» произведения национальной культуры, где ценности народа подвергаются рациональному осмыслиению и художественному воплощению. В этом плане «Русский мир» немыслим без творений Пушкина и Достоевского, Глинки и Рахманинова, Сурикова и Нестерова, Хомякова и Флоренского².

¹ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000. С. 28-33.

² См. подробнее об «осевых» творениях русской культуры и роли ее великих культурных творцов в статье: Иванов А.В. Осевые творения национальной культуры и их значение в современную эпоху // 25 лет евразийской интеграции: от истоков к реализации: коллективная монография. Т.1.СПб., 2020. С. 120-139.

Этнокультурное самосознание – важнейший пласт общего процесса самосознания личности, формирования ее социального и духовного «я». Оно дает человеку чувство родной культурной почвы и живительных культурных корней, без которых полноценное и многомерное существование человека невозможно. Личность без родного языка, исторической памяти и культуры своего народа – это лишившийся национальной памяти «манкуорт» из романа Чингиза Айтматова «Буранный полустанок», в которого можно искусственно и насильственно вложить любые, в том числе и антинациональные, идеи и ценности. И, наконец, самое главное: процесс этнокультурного самосознания личности, где огромную роль играют системно выстроенные школьное и вузовское гуманитарное воспитание и образование¹, приобщает человека к духовной истории своего народа, а через него – и к духовной истории всего человечества, к его «осевым» эпохам, творениям и именам.

Однако в последнее время понятие «Русский мир» стало пониматься совсем в иных, предельно широких смыслах, где отрицается именно его первичный и истинный – этнокультурный – смысл. Еще в 90-е годы XX века термин «Русский мир» с подачи методологов и политтехнологов Петра Щедровицкого и Ефима Островского стал восприниматься как основа новой внешнеполитической доктрины и геоэкономической концепции Союза правых сил². Позже он прочно утвердился во внутриполитическом нарративе как понятие, свя-

¹ Соответственно, через разрушение национального гуманитарного образования и воспитания, а, тем более, через проведение соответствующей национальной политики, можно исказить и даже уничтожить рациональное этнокультурное самосознание и личности, и народа, чем у нас, по сути, долгое время и занимались «специалисты» по национальным проблемам во главе с академиком В.А. Тишковым. См. его известную работу с символическим названием: Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социальному-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

² Щедровицкий П. Русский мир и транснациональное русское // Русский архипелаг. URL: https://web.archive.org/web/20101030063959/http://archipelag.ru/ru_mir/history/history99-00/shedrovicky-transnatio (дата обращения 20.12.2024).

занное с идентификацией российских соотечественников, оказавшихся за рубежом. Это подчеркивает в своей статье В.И. Иванов¹.

Еще более объемную и расплывчатую трактовку «Русского мира» мы обнаруживаем у А.Г. Дугина, который своим неоевразийством и «евразийской миссией Нурсултана Назарбаева» изрядно дискредитировал евразийскую идею², а теперь, видимо, взялся и за «Русский мир». Приведем обширную цитату из его программного заявления «Русский мир и его Собор». В нем А.Г. Дугин пишет: «...Самое правильное и осмыщенное употребление термина “Русский мир” – речь идет о России как о цивилизации. И именно в этом смысле его понимает Всемирный русский народный собор – как объединение всех людей, которые считают русскую цивилизацию своей, независимо от того, где они живут и гражданами какого государства являются. В этом случае Русский мир совпадает с русской цивилизацией, но это, в свою очередь, никак не исключает другие народы, объединенные с русским общностью судьбы, но включает их. Отсюда близость понятия “Русский мир” к России-Евразии, как понимали ее философы-евразийцы. Это не просто страна, государство, но целый мир, соцветие этносов и культур, духовный исторический космос, объединенный веками вокруг ядра русского народа. Быть частью Русского мира в таком понимании – значит разделять дух и культуру, проявляющиеся во всем великолепии в многомерных и многополярных формах исторического созидания, охватывающего политику, экономику, искусство, промышленность, этику»³.

¹ Иванов В.И. Русский мир (экспертные суждения и оценки) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2010. №1. С. 5-16.

² Критика дугинского неоевразийства (или псевдоевразийства в терминологии авторов) дана в коллективной монографии: Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул, 2007 (Раздел I).

³ Дугин А. Русский мир и его Собор // Изборский клуб. 2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24992?ysclid=m6nn4xdoau38852186> (дата обращения 25.11.2024).

Оставляя в стороне бессмысленное утверждение о «многополярных формах исторического созидания», отметим, что у автора оказались «сваленными» в одну кучу три различных трактовки «Русского мира»: а) его отождествление с евразийской цивилизацией или, что более точно, с культурно-географическим миром (или мегавиализацией) Северной Евразии, чего сами евразийцы никогда не утверждали; б) с российской цивилизацией; в) с личным ощущением принадлежности к «Русскому миру» независимо от своей национальности, религии или страны проживания.

С последней расширительной трактовкой «Русского мира», которой придерживается в вышеупомянутой статье В.И. Иванов, в принципе, можно согласиться. Действительно, мы имеем массу случаев, когда человек, будучи, например, немцем, ощущает себя частью русского мира. Такова фигура упоминавшегося выше немца Вальтера Шубарта, написавшего очень глубокую и искреннюю книгу о России и переехавшего в нее жить¹. Человек может также считать себя «русским бурятом» или «русским татарином», принадлежащим именно к русскому миру, а не к тюркскому или буддийскому. Здесь понятие «Русский мир» лишено жесткой религиозной, пространственной и этнокультурной цивилизационной привязки, обозначая скорее *духовное сообщество людей*, для которых родными являются русская культура и русская система жизненных ориентаций; кто, образно говоря, чувствует себя русским, где бы он ни жил и на каком бы языке ни говорил. В этом, именно *духовном и глубоко личностном аспекте* «Русский мир», действительно, лишен географических, политических, этнокультурных и языковых привязок, отражая исконное право человека на *свободное* обретение своей духовной идентичности.

¹ Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000. К сожалению, судьба этого русского *немца* оказалась трагической. Он погиб в годы сталинских репрессий.

§3. Об опасностях расширительного толкования понятия «Русский мир»

Но подобное духовное самосознание должно быть сугубо добровольным, особенно в условиях многонациональной России. Никого нельзя насилино, «сверху» записывать в «Русский мир», ибо ничего кроме взрыва национализма «снизу», по нашему глубокому убеждению, это породить не может. Дугинское же механическое отождествление «Русского мира» с российским миром (цивилизацией) и тем более с геополитическим и геокультурным пространством Северной Евразии нам представляется и теоретически ошибочным, и политически вредным, особенно в нынешних условиях, когда Россия призвана вновь начать собирать народы на путях сорного перехода к ноосферному мегавиализационному укладу.

Показательна в этом плане позиция президента Белоруссии Александра Лукашенко. Как отмечают исследователи, Лукашенко в своих выступлениях не единожды подчеркивал, что белорусы являются русскими людьми, но при этом не относятся к «Русскому миру», то есть термин «русские» использован им в *этнокультурном* значении, где подчеркивается большая близость русских и белорусов, действительно выросших из общерусских славянских корней, а вот термин «Русский мир» – в *геополитическом*¹.

Понятно, что «Русский мир» объединил в рамках культурно-географического мира Северной Евразии разные народы, культуры, цивилизации и субцивилизации; выступил великой субцивилизационной «скрепой» всей российской цивилизации, но он ни в коем случае не поглотил и не нивелировал своеобразия других этнокультурных и религиозных миров. Как раз своеобразие российской цивилизации, в отличие от западной, и заключается в том, что в ее рамках не ис-

¹ Гронский А.Д. Русский Мир в поисках содержания: опыт славянских государств постсоветского пространства // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 4. С. 186-201.

чез и не потерял уникальных черт ни один, даже самый маленький народ. Недаром наш выдающийся литературовед, философ и публицист В.В. Кожинов когда-то остроумно заметил, что если Россия – это «тюрьма народов», то Европа – это «кладбище народов».

К явным политическим минусам расширительного толкования «Русского мира» и его отождествления с Россией и российской цивилизацией в целом относится провоцирование националистических настроений, когда представители других этнокультурных и религиозных общностей, входящих в российскую цивилизацию, например, татарин или бурят, начнут справедливо отстаивать свою принадлежность к тюркскому, монгольскому, исламскому или буддийскому мирам. И уж тем более ни о каком восстановлении в новых политических формах былого единства Северной Евразии, в целом почти совпадавшей с пространством бывшего СССР, и речи идти не может. Если мы казаха, таджика, киргиза, украинца или белоруса будем убеждать, что они принадлежат к «Русскому миру», то худшей услуги России и будущему новому евразийскому союзу народов окажать трудно. Повторимся, представители других народов и культур должны *сами* захотеть принадлежать к «Русскому миру», но их нельзя заставлять менять свое национальное Я, насильственно вмешиваться в их этнокультурное самосознание. Это приводит к ложной трактовке понятия «Русского мира» как исключительно геополитического концептуального конструкта, как орудия «мягкой силы», с помощью которого Россия продвигает свои национальные интересы в сообществе дружественных, в частности, славянских держав¹.

Показательно также, что предельно расширительная трактовка «Русского мира», как она представлена у того же А.Г. Дугина, логически оборачивается гегелевским «своим иным», то есть **утратой «Русским миром» его собственного – языкового, исторического, этнопсихологического и**

¹ Григорова Д. «Русский мир»: русская идентичность как «мягкая сила» на Балканах // Славяне и Россия. 2020. №1. С. 456-472.

ценностного – субцивилизационного своеобразия, хотя именно психологические качества и ценностные установки русского народа позволили ему сплотить вокруг себя все другие народы и культуры России. А.Г. Дутин пишет: «Под Русским миром ни в коем случае нельзя понимать только совокупность этнических великороссов, то есть восточных славян, сконцентрированных исторически в восточных областях Древней Руси... Такое толкование полностью искажает изначальный смысл, исключая из Русского мира как западных русских (белорусов и малороссов), так и все неславянские этносы самой России. Строго говоря, практически никто так Русский мир и не понимает, но его противники, напротив, пытаются искусственно исказить смысл и наделить это выражение совершенно несвойственным ему значением. Поэтому нeliшим будет еще раз подчеркнуть, что под “Русским миром” понимаются все восточные славяне (а значит, не только великороссы, но и белорусы и малороссы), а также все иные этносы, которые связали свою судьбу на том или ином этапе с русским народом. Поэтому к Русскому миру могут относиться, например, грузины, армяне или азербайджанцы, которые, хотя и оказались в данный момент вне России, сохраняют веру в историческую близость и духовное родство с русскими»¹.

Дело обстоит прямо противоположным образом: именно такое – иррационально расширенное по своему объему – понятие «Русского мира», которое как раз не разделяется ни одним серьезным отечественным историком, философом или социологом (о специалистах по национальным отношениям уж и говорить не приходится²), является самым чаемым для всех недругов России, ибо неизбежно провоцирует взрыв различных «национализмов» как со стороны нерусских народов, входящих в единый многонациональный российский мир, так и со стороны представителей новых государств на постсоветском пространстве. Здесь сразу просыпается «им-

¹ Дутин А. Русский мир и его Собор.

² За исключением разве что самых оголтелых конструктивистов.

перская память» малых народов, расположенных на окраинах бывшей Российской империи. И эта имперская память, увы, часто является совсем не доброй, о чем мы писали в первом разделе монографии, поскольку связана и с политическим произволом имперского чиновничества на местах, и с попытками насильственной русификации и христианизации со стороны царской власти, и с экономической эксплуатацией инородцев со стороны русской буржуазии. Много подобных фактов применительно к «сибирским инородцам» собрано в известной книге Н.М. Ядринцева¹. Поэтому совсем не удивительна отрицательная реакция на предельно расширенное толкование словосочетания «Русский мир» со стороны, например, украинских гуманитарных кругов, не разделяющих в целом позиций украинского национализма. «Концепт русский мир, – пишет Н.А. Козловец, – это огромной мощности мифологема: и культурно-историческая, и политическая, с соответствующим великодержавным оттенком. Создавая систему пространственно-временного сакрализованного текста национально-православной идентичности, полумифологический концепт “Русский мир” так или иначе связан с возращением “имперского величия” России и втягиванием Украины в орбиту российской ментально-пространственной матрицы. В доктрине “Русского мира” фактически нет места для украинской культуры, языка, Церкви»².

Показательно, что А.Г. Дутин, равно как и занимающий прямо противоположные идеиные позиции В.А. Тишков, не понимают или не хотят понимать, что принадлежность к великороссам, малороссам, тюрокам или карелам определяется вовсе не кровью и генами, не историческим родством и уж

¹ См. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. Книга Н.М. Ядринцева содержит явные революционно-демократические критические перегибы, но многие факты, собранные в ней, подтверждаются и другими источниками.

² Козловец Н.А. Концепт русский мир и национальная идентичность украинцев // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 6А. С. 59.

тем более не субъективными желаниями политиков и идеологов, жаждущих «сконструировать» ту или иную выгодную им идентичность, а объективными культурно-языковыми, психологическими и ценностными факторами повседневного бытия и мироощущения миллионов граждан России. Причем их нерусская этнокультурная идентичность вовсе не мешает им испытывать «историческую близость и духовное родство с русскими». Но эту близость и родство можно в один момент подорвать насильственным записыванием другого человека в чужой для него этнокультурный мир, как это хочет сделать А.Г. Дугин, или попыткой вовсе лишить его какой-либо этнокультурной идентичности, заменив ее идентичностью сугубо гражданской, как это проповедует В.А. Тишков.

Но подобные тупиковые крайности (или предельно расширительное толкование «Русского мира» – или отказ от всякой этнокультурной идентичности и от самого этого понятия) чреваты не только провоцированием националистических настроений у нерусских народов России, но и ростом шовинистических настроений у самих русских людей, особенно не очень далеких и не склонных к рефлексии. В одном случае – это будет реакцией на попытку ущемить, а в другом – искусственно «раздуть» их национальные чувства.

Русский народ действительно обладает выдающимися личностными качествами (трудолюбием, упорством, терпимостью, дружелюбием), однако никогда не следует выпячивать здесь этнический момент, потому что этими качествами обладают и представители других народов, а многим ныне живущим русским их, наоборот, явно недостает. Поэтому за горделивой фразой «мы, русские, объединили столько народов в рамках русского мира» может скрываться, повторимся, типичный комплекс неполноценности, когда личную ущербность пытаются компенсировать ссылками на величие своего народа. Но право принадлежать к великому народу и наследовать его великие исторические традиции надо оправдывать, в первую очередь, собственными благими действиями, достойным поведением и творчеством.

Русский мир «пророс» во все другие этнокультурные и религиозные миры, входящие в единый российский мир, а также во все культурно-географическое пространство Северной Евразии. Он «пророс» и в мировое пространство, и в мировую культуру, но это вовсе не означает, что нет коренных русских земель, где русский народ зарождался как этнос (междуречье Оки и Волги), где находятся его исконные святыни – природные (Волга, Днепр, озеро Светлояр), ратные (Бородинское поле, Куликово поле), культурные (церковь Покрова на Нерли, архитектурный ансамбль Московского кремля) и религиозные (Троице-Сергиева Лавра, Саввино-Сторожевский монастыри). Они есть и у других народов, входящих в единый российский мир.

Вся суть рационального национального самосознания в том и состоит, чтобы знать и защищать свои национальные святыни и «осевые» творения культуры, свою духовную историю, но при этом уважать и стремиться приобщиться к святыням, «осевым» культурным творениям и духовной истории других национальных культур, миров и мегацивилизаций. Только таким образом можно преодолеть национализм и космополитизм, провалы собственной исторической памяти и соблазны уничтожения культурной памяти других народов, чреватых, как мы теперь ясно понимаем, не только разобщением единого человечества, большой кровью и большими страданиями, но деградацией и архаизацией сознания миллионов людей, несмотря на весь видимый научно-технический прогресс.

ГЛАВА 7.

Возвращение к Советам: утопия или историческая необходимость¹

*Но Россия – вот это глыба...
Лишь бы только Советская власть!
С.А. Есенин*

§1. Отношение к политическим партиям в современной России и в истории отечественной мысли

Становление ноосферного уклада выносит на повестку дня очень важный вопрос: какое политическое устройство должно лежать в его фундаменте, особенно учитывая явный кризис европейского парламентаризма и факт смещения центра цивилизационного развития в регион Северной Евразии, где, как мы помним, механические заимствования западных экономических моделей, социальных практик и политических институтов сплошь и рядом оборачивались практическими результатами, обратными радужным ожиданиям?

Ответом на этот стратегически важный вопрос является первый ключевой тезис данной главы – **принципиальная несовместимость западного института политических партий с российской цивилизацией**, ее собственными демократическими традициями государственного управления и самоорганизации народной жизни.

Это особенно зримо проявилось в последнее время. Известно, что во времена войн ключевую роль играют три элемента общественно-политической жизни: государственная власть, армия и народ. Лишь от них зависит победа в войне: от *государственной власти* – умелое стратегическое планирование и рациональное управление страной с жестким кон-

¹ Материалы данной главы частично опубликованы в статье: Иванов А.В. Возвращение к Советам: утопия или историческая необходимость? // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2022. №5. С. 22-39.

тролем над всеми сферами общественной жизни и, прежде всего, над самой государственной бюрократией; от *армии* – профессиональное умение воевать и воля победителя; от *народа* – готовность жертвовать всем для победы, а также безусловное доверие армии и правительству. Это победное единство выражено в известной формуле: «Все для фронта – все для победы!». Отсутствие такого единства, ведущее к поражению, зафиксировано в не менее известных, но совсем не героических, а панических формулах: «Измена!» и «Спасайся, кто может!». Нынешняя историческая ситуация эту общечивилизационную закономерность профанной истории, о которой мы писали в первом разделе монографии, полностью подтверждает: власть, армия и народ в экстремальной ситуации самостоятельно справляются (хорошо ли плохо – это отдельный вопрос) со своими функциями, не обращая внимания на политические партии. Для последних остается в основном медийная деятельность, где партийные различия практически нивелируются. Партии, правда, пытаются организовать материальную помощь фронту, но оказываются в этом на порядок менее эффективными, чем естественным образом сложившиеся в регионах народные структуры поддержки армии, чуждые политическим амбициям и саморекламе¹.

Можно указать на то, что институт политических партий еще более или менее эффективен в мирное время как форма выявления многообразных народных интересов, а также как важное средство рационального функционирования и обновления властных структур. Во времена войн, требующих от общества консолидации всех сил, партийная деятельность естественным образом отходит на второй план. Но этот тезис справедлив в отношении лишь западных парламентских демократий. Применительно к России может быть дано иное и, на наш взгляд, гораздо более убедительное объяснение: нынешний военный конфликт на Украине лишь сделал очевид-

¹ Десятки тысяч жителей Алтая и других регионов объединились для помощи военным: они собирают средства на одежду, медикаменты и др., шьют носилки, варят печки, вяжут носки и даже покупают технику.

ным инородность института политических партий для российской государственности и российской цивилизации в целом. Он рано или поздно должен быть заменен на собственные, хорошо зарекомендовавшие себя в истории демократические институты общественного волеизъятия и государственного управления.

Обоснуем данный тезис, понимая его достаточно радикальный характер, особенно для сложившейся у нас постпредостроечной политической системы и политологического дискурса.

Во-первых, основная масса населения в России отрицательно относится к существующим политическим партиям. По данным социологического исследования еще 2021 года, 63% населения не видели ни одной партии, которая выражала бы их коренные интересы¹. По данным директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, академика РАН М.К. Горшкова, политическим партиям доверяют лишь 15% россиян. Это самый низкий показатель по сравнению со всеми другими государственными институтами, где, например, Российской академии наук доверяют 46% граждан².

Во-вторых, отношение к западному институту политических партий в России всегда было достаточно негативным со стороны и ученых, и самых разных общественно-политических сил. Например, ко всеобщему, тайному и равному избранию партийных депутатов отрицательно относился Д.И. Менделеев, полагая, что таким образом правильный выбор наиболее достойных людей сделан быть не может³. С его точки зрения, нужны качественные требования к талан-

¹ См. Социологи выяснили отношение россиян к политическим партиям. URL: <https://imccenter.ru/sotsiologicheskiye-issledovaniya-politicheskikh-partiy-i-dvizheniy/> (дата обращения: 11.12.2024)

² Почему россияне не доверяют парламенту и политическим партиям: выводы академика. URL: <https://www.mk.ru/social/2019/02/21/pochemu-rossiyane-ne-doverayut-parlamentu-i-politicheskim-partiyam-vyvody-akademika.html> (дата обращения: 11.12.2024)

³ См. Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002. С. 301-305.

там и практическим делам того, кто избирает и избирается; а выдающийся отечественный историк В.О. Ключевский прямо писал: «Я вообще не сочувствую партийно-политическому делению общества при организации народного представительства. Это: 1) шаблонная репетиция чужого опыта; 2) игра в жмурки»¹.

В жесткой критике партийного парламентаризма сходились русские консерваторы (К.Н. Леонтьев и К.П. Победоносцев) и коммунисты (В.И. Ленин); почвенники (Ф.М. Достоевский) и анархисты (М.А. Бакунин). Лаконичную и точную характеристику западным партийным демократиям дали такие разные русские философы, как Л.П. Карсавин и Н.А. Бердяев. Л.П. Карсавин писал, что в демократиях «вся государственная власть сконцентрирована в небольшом и оторванном от народа правящем слое, на авансцене которого вертятся парламентарии и журналисты, а за кулисами вертят чуть ли не всем банкиры»².

Другую негативную черту партийного парламентаризма подметил Н.А. Бердяев. «В ваших демократиях, – писал он в работе «Философия неравенства», – господствует человеческое количество, и вы думаете, что за ним стоит народ. Но это есть великая ваша ложь, которая должна быть изобличена. Человеческое количество есть пыль, носимая волей ветра. И воля этого человеческого количества не может быть волей народа. Воля эта не может быть случайной суммой, колеблющейся от всякого дуновения. Уже одно то, что ваше царство демократии раздирается борьбой партий и что партиям отданы в нем судьбы государств, свидетельствует против вас и не позволяет верить, что народ находит в нем свое выражение. Демократическое правление есть в конце концов фикция. Я говорил уже, что в действительности возможны лишь аристократия или охлократия. Тирания партий редко бывает

¹ Ключевский В.О. Собр. соч.: в 9 томах. Т.IX. Материалы разных лет. М., 1990. С. 355.

² Карсавин Л.П. Основы политики // Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 201.

аристократией. Там не происходит подбора лучших и способнейших»¹.

Любопытно, что даже многие российские либералы и западники, непосредственно познакомившись в эмиграции с плодами европейской партийной демократии, радикально меняли свое мнение о ней и переходили на почвеннические позиции, как, например, уже упоминавшийся выше российский философ права П.И. Новгородцев. Он отмечал, что в демократиях, где борются различные политические партии, всегда ощущается нехватка высших нравственных начал и объединяющих ценностей, что неизбежно рано или поздно приводит к «разрушению основ государственной жизни»².

Указанные недостатки присущи всем демократиям, но в России они становятся особенно явными, учитывая специфику ее природно-географических условий, своеобразие исторического опыта, многонациональный состав населения, собственные политические и ценностные традиции, на чем мы еще остановимся ниже. Самый же главный порок всех партийных демократий заключается в том (здесь абсолютно прав Л.П. Карсавин), что партии не только *не отражают* коренных интересов народа, в лучшем случае *выражая* лишь частный партикулярный интерес отдельных социальных групп и кланов, но и *маскируют* подлинное господство теневых псевдоэлит (политических, военных и особенно финансовых). Партии и парламенты во всех странах, особенно в последние кризисные годы, не решали и не решают вопросов стратегического развития стран: заключения договоров, вступления в войны, подбора управленческих кадров на высшие государственные должности, решения важнейших экономических, финансовых или социальных проблем. Это всегда делают люди из крайне немногочисленных правящих кругов, явных и/или теневых. А если окончательный выбор и предоставляется парламентским структурам, то этому предшествует масированная информационно-пропагандистская обработка со-

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. С. 159.

² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 548.

знания и депутатов, и избирателей. И эти псевдоэлиты, в отличие от истинных элит, защищают в первую очередь личные и корпоративные интересы, жертвуя ради них интересами национальными. Можно согласиться с теми исследователями, кто считает *партийную парламентскую демократию вовсе не универсальной, а исключительно буржуазной и исторически преходящей формой демократии, весьма далекой от подлинного народовластия*¹.

В-третьих, следует констатировать, возвращаясь к реалиям отечественной партийной жизни, весьма невысокий интеллектуальный и общекультурный уровень наших партийных деятелей. Им не хватает ни стратегического политического мышления, ни знания истории и традиций России, ни системного видения того, что сегодня происходит в мире, ни причастности к подлинным нуждам своих избирателей. Об этом в практическом плане говорит неспособность всех партий решить, по крайней мере, две принципиальные проблемы российского общества: а) изменить тупиковую линию реформ отечественного образования последних пятнадцати лет, приведших его к очевидной деградации; б) осознать и законодательно обеспечить развитие Сибири как стратегически значимого региона России в условиях разворота ее политики на Восток². В теоретическом же плане все партийные программы, с которыми мы ознакомились (от единороссов до коммунистов) не дают ясных, последовательных и, самое главное, *научно обоснованных ответов* на два фундаментальных вопроса:

¹ Убедительный анализ пороков современных демократий, обслуживающих в основном интересы крупного капитала, дан в статье: Керимов А.Д. Капитализм и демократия // Вопросы философии. 2019. №4. С. 12-24.

² Двум этим важнейшим проблемам развития страны посвящены следующие работы: Иванов А.В., Фотиева И.В. Современное университетское образование: административно-бюрократический произвол и его последствия // Идеи и идеалы. 2020. Т.12. №4-1. С. 113-128; «Цивилизационная миссия Сибири...»

– каким вы видите облик будущей России и, соответственно, к каким историческим целям мы должны стремиться, учитывая обострившиеся противоречия сегодняшнего этапа мирового развития?

– какие отечественные традиции государственного управления будут востребованы как неизбежное политическое следствие отказа от разрушительной вестернизации трех последних десятилетий и избавления от язв ельцинизма?

На первый вопрос мы дали свой ответ в предыдущих разделах монографии, а на второй постараемся ответить в данной главе.

§2. Евразийские традиции территориально-корпоративного представительства народа в органах власти

Что же могут предложить политическая мысль и реальная историческая практика российской цивилизации в качестве альтернативы европейским партийным демократиям, где хотя бы отчасти преодолевались бы пороки последней в виде низких моральных и интеллектуальных качеств избираемых во власть, всевластия теневых псевдоэлит и забвения правящими слоями общенациональных интересов?

В России, как державе культурно-географического мира Северной Евразии, всегда существовали собственные демократические формы народной самоорганизации, будь то общинное и вечевое самоуправление, казачий круг, артельные и кооперативные формы социального и экономического самоуправления¹. Однако для нас важны альтернативы именно

¹ Сибирской кооперации, сумевшей организовать продовольственное снабжение русской армии в годы Первой мировой войны и эффективное местное самоуправление в условиях гражданской войны, посвящена богатая фактическими данными монография: Сыщенко А.Г., Сыщенко В.А. Золотые годы сибирской и алтайской кооперации, 1896–1919. Т.1. Барнаул, 2003. Любопытно, что успешная сибирская кооперация пугала и царскую, и большевистскую власть, а время

западным партийным выборам и партийному представительству народных интересов в высших органах государственной власти. Такой альтернативной формой было участие делегатов различных земель, племен, сословий, профессиональных корпораций и общественных объединений в выборах верховной власти.

Именно *территориально-корпоративное представительство народных интересов в органах власти* может рассматриваться и как реальная отечественная альтернатива западным партийным демократиям, и, в известной степени, как форма противодействия государственному управленческому авторитаризму.

Коснемся лишь кратко основных исторических форм и проектов подобного государственного устройства в отечественной истории, учитывая, что эта проблема довольно хорошо исследована историками и политологами.

Прежде всего, следует указать на зачатки такого территориально-корпоративного представительства в евразийских кочевых государствах, включая и империи, где верховного вождя-каана¹ выбирали на курултае. В него входили родственники каана, а также наиболее знатные и авторитетные представители всех территорий и союзных племен. Избранного таким образом каана у древних тюрок девять раз обносили на белом войлоке вокруг священного костра, после которого его бессмертная часть души, называвшаяся «кут», как бы становилась выражителем воли Великого Неба и воли собственного народа². Эти кочевые традиции выбора верховного правителя курултаем, съездом, собором высших представителей всех земель и племен данной государственной общности, восходящие к гуннской эпохе, сохраняются у казахов и

ее фактической ликвидации в конце 20-х годов XX века совпало по времени с началом становления сталинизма.

¹ Напомним, что почетный титул «каана» носил и русский князь Святослав.

² Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуртов. М., 1997. С. 97-98.

узбеков Средней Азии вплоть до конца XIX века¹. Важно, что этот кочевой собор носит во многом надродовой и даже надплеменной характер, где особую сакральную роль играет понятие «общих кочевий», а потом и понятие «общей земли».

Воля избранного вождя выражает и Волю Великого Неба, и Волю Земли, которая удостоверена и сакрализована волей выборщиков. Понятно, что к подобной кочевой «демократической» традиции надо относиться критически, поскольку ей сопутствовали и архаическая мифология², и практически абсолютная власть приведенного к присяге каана, и жесточайшее военно-централизованное управление подданными, где приказы не обсуждаются, а беспощадные наказания накладываются за малейшее нарушение закона. Однако без решения того же монгольского курултая времен Чингисхана невозможно было не только обретение верховной власти, но также объявление войны и заключение мира. К тому же огромную роль здесь начинали играть личные качества и деяния каана (хана), где за излишнюю жестокость, недостойное поведение и провалы в политике следовало не только общественное осуждение тех, кто возвел его на трон, но часто и физическое устранение. И, возможно, именно моральная ответственность правителя была главным следствием этой территориально-корпоративной санкции на власть. Так, последний правитель империи Великих Моголов Ауренгзеб говорил: «...Предназначенный для престола я рожден не для себя одного, но для общественного блага, чтобы доставить моим подданным покойную и счастливую жизнь, насколько это совместимо с правосудием, высшей властью и безопасностью государства»³.

¹ Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингисиды: Судьба и власть. М., 2006. С. 72.

² Для оправдания прав Чингисхана на руководство всеми кочевыми племенами Великой степи была придумана легенда о происхождении его рода от легендарной матери-прародительницы Алан-Гоа.

³ Цит. по: Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М./Л., 1936. С. 136.

Факт преемственности многих государственных структур Московской Руси от государственных традиций монголов (организация армии, почтовая служба и т.д.) сегодня никем не оспаривается. Эта преемственность вытекает из принадлежности государств к единой мегацивилизации Северной Евразии. Сложнее говорить о какой-то преемственности курултаев кочевых народов и земских соборов аграрной Руси XVI–XVII веков. Можно, правда, вспомнить легендарные публичные слова молодого Ивана Грозного на первом земском соборе 1550 года вскоре после вступления на престол. Они перекликаются со словами Ауренгзеба. «Молю вас, – обратился тогда царь Иван к многотысячной толпе, собравшийся возле стен Московского Кремля, – оставьте друг другу вражды и тягости, кроме разве очень больших дел: в этих делах и в новых я сам буду вам, сколько возможно, судья и обороны, буду неправды разорять и похищенное возвращать»¹. Здесь налицо общность моральной ответственности верховной власти перед всеми землями и сословиями (корпорациями) страны, непосредственно вверившими ей право быть воплощением народной воли.

Но отечественные земские соборы XVI–XVII веков выполняли более разнообразные функции в существовании российского государства, нежели курултаи кочевых евразийских государств. В условиях общенациональных потрясений, какими были борьба с Польшей и Ливонским орденом, Казанским и Крымским ханствами, Великая смута и самозванство, представители всех земель и сословий² тогдашней России фактически разделили с царской властью ответственность за судьбы страны и приняли активное участие в ее реальном управлении, особенно на местном уровне. Но самое главное

¹ Цит. по Соловьев С.М. Об истории древней России. М., 1992. С. 231.

² В состав земских соборов до начала XVII века входили только правительственные и служилые люди из столичных кругов, а не представители всех сословий страны. Социальная база соборов, принцип выборности и их роль в местном самоуправлении расширялись по мере нарастания смуты в стране.

даже не в этом. Несмотря на краткость функционирования земских соборов, свернутых нараставшей централизацией царской власти ко второй половине XVII века, их влияние на национальное и правовое сознание России было огромным. Память о соборах, как бы расширявших демократические традиции местного самоуправления на уровне сословных объединений, сельских общин и артелей до масштабов всего государства, сохранилась в народе навсегда. Прав был В.О. Ключевский, который писал: «Слова, малознакомые прежде, – *совет всей земли, общий земский совет, всенародное собрание*, крепкая дума миром – стали ходячим выражением новых понятий, овладевших умами. Из этих понятий всего глубже врезывалась в общественное сознание мысль об избрании государя “советом всей земли”. Расширяясь, эта мысль захватила все земские дела; о всяком земском деле считали необходимым учинить “крепкий общий совет”, и для этого города устраивали съезды, выбирая из своей среды “лучших людей” от всяких чинов»¹.

Здесь надо отметить четыре символические детали. Во-первых, мы видим здесь явные черты аристократического принципа, когда от земель, сословных и профессиональных корпораций избираются их наиболее достойные – умные и совестливые – представители, которым народ может вверить свою судьбу.

Во-вторых, многие талантливые русские западники-государственники в своих проектах превращения российской монархии из самодержавной в представительную исходили из идеала земского сословно-территориального участия народа в государственных делах. Таков был механизм формирования Государственной думы в известном проекте М.М. Сперанского.

В-третьих, государственный проект М.М. Сперанского удивительным образом совпал с советским проектом. Это проницательно подметил уже Н.Н. Алексеев, выявляя тем

¹ Ключевский В.О Собр. соч.: в 9 томах. Т.3. Курс русской истории. Ч.3. М., 1988. С. 79.

самым историческую преемственность демократических традиций и российской власти, и российских государственно-политических идей¹. Он прямо констатирует, что за вычетом монархического принципа, государственная система Сперанского и советская система практически совпадают, и в них преодолеваются «индивидуализм и атомизм европейской демократии»².

В-четвертых, система выборов в Советы, весьма напоминавшая земские выборы начала XVII века (лучшие представители от корпораций и территорий)³, сложилась в России в экстремальных условиях Первой мировой войны и всеобщего государственно-политического кризиса, причем, как верно подметил С.Г. Кара-Мурза, «Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов формировались как органы не классово-партийные, а корпоративно-сословные, в которых многопартийность постепенно вообще исчезла. Эсеры и меньшевики, став во главе Петроградского совета, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая теориям государственность крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов – недоразумением»⁴. Можно согласиться и с общим выводом С.Г. Кара-Мурзы, что народу в этой ситуации оказался близок сам принцип формирования Советов «как типа соборной власти»⁵, уходящего в глубины русской истории.

О том, что советская власть оказаласьозвучной политическим и нравственным чаяниям всех территорий и народов России, говорит и факт так называемого «триумфального шествия советской власти», вскоре после Октябрьской революции восстановившего основы функционирования российского государства от Петрограда до Сибири. Глубинная правота

¹ См. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 348-350.

² Там же. С. 350.

³ Правда, теперь привилегированными корпорациями оказались не правящие классы, а наоборот, рабочие, крестьяне и солдаты.

⁴ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга 1. От начала до Великой Победы. М., 2001. С. 79-80.

⁵ Там же. С. 93.

советской власти была подмечена и ее наиболее объективными критиками, тем же Н.Н. Алексеевым, который писал: «В советской системе отправным пунктом является не отдельный человек и не искусственное соединение людей, но органический территориальный член целого – совет, округ, область, город и т.п., или же профессиональные объединения людей в пределах этих территориальных единиц, наконец национальные части государства. Начала эти и подлежат дальнейшему укреплению, развитию и усовершенствованию в евразийском государстве»¹.

Таким образом, есть основания квалифицировать принцип территориально-корпоративного делегирования лучших представителей народа в законодательные и контролирующие органы власти как *политическую демократическую универсалию Северной Евразии, отличающую ее от партийных демократий Запада*. Этот принцип доказал свою эффективность в самых суровых исторических условиях бытия ее многочисленных народов.

К сожалению, абсолютно правильный, на наш взгляд, большевистский лозунг «*Вся власть Советам!*» дважды не был реализован в истории нашей страны. Первый раз – по вине самих большевиков, полностью подчинивших деятельность Советов правящей коммунистической партии. Во второй раз – по причине ельцинского переворота 1993 года и принятия нынешней Конституции, легитимизировавшей деятельность политических партий западного типа и ликвидировавшей советскую власть. Что же касается партий, образованных впоследствии по корпоративному принципу, то они в этой системе или оказались мертворожденными политическими образованиями, типа крестьянских партий, партий спортсменов и пенсионеров, или же приобрели карикатурный характер, типа партии любителей пива.

Отсюда следует второй ключевой тезис данной главы: **необходимо на новом уровне вернуться к народовластию**

¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 180.

советского типа, особенно в нынешних кризисных геополитических и социально-экономических условиях.

Здесь надо сделать ряд существенных оговорок. Возможный возврат к советской системе ни в коем случае не будет буквальным (вполне в духе диалектического закона отрицания отрицания), где вряд ли будущие Советы будут объединять в одном лице и законодательную, и исполнительную власть, как это было в СССР. И, конечно, здесь не должно быть скрытой диктатуры одной партии, «сшивающей» государственную вертикаль управления единой партийной дисциплиной и волей, где съезды той же Коммунистической партии СССР были на порядок важнее всех заседаний Верховного Совета. Мы не хотим, да и не можем детально прописать будущую схему народоправства советского типа и лишь обрисуем базовые принципы и механизмы, позволяющие, на наш взгляд, преодолеть коренные недостатки партийной демократии. Ясно также, что здесь нельзя рубить сплеча, и возвращение на новом уровне к территориально-корпоративным основам российской и евразийской государственности потребует какого-то переходного периода, новых людей и неизбежно новых политических идей.

§3. Преимущества территориально-корпоративной демократии над партийной

Преимущества советской системы по сравнению с партийными системами Запада достаточно убедительно обосновывал еще Н.Н. Алексеев в работе «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)», изданной в Париже в 1927 и, повторимся, не утратившей до сих пор своего значения. Мы добавим к критике партийного парламентаризма, приводившейся выше, новые аргументы, учитывая своеобразие постсоветской России и нынешнюю геополитическую ситуацию.

Выборы в законодательные органы власти, особенно по партийным спискам, во-первых, не гарантируют избрание

лучших, то есть наиболее умных и ответственных, людей, о чем писалось выше. К этому надо добавить привнесенные в 90-е годы с Запада индивидуалистические ценности личного карьерного успеха, власти и богатства, а не бескорыстного и жертвенного служения своей стране, которое было осмеяно как «наследие тоталитарного советского прошлого».

Во-вторых, территория России столь огромна по сравнению с теми же европейскими странами, что осуществлять контроль за деятельностью партийных парламентариев с мест невозможno. Попав в Москву, они могут спокойно заниматься решением сугубо личных проблем и даже, как в недавнем прошлом, позволять себе массово не ходить на заседания Государственной Думы. Соблюдение требований фракционной партийной дисциплины обеспечивает им вполне комфортную частную деятельность в столице.

В-третьих, партийный депутат весьма опосредованно связан с интересами той территории и той профессиональной корпорации, откуда он избран. Он в первую очередь пропагандирует и реализует партийную программу и отвечает за свою деятельность, прежде всего, перед своей партией. Требовать от него последовательного и решительного отстаивания интересов региона, работников какой-то профессиональной или общественной сферы крайне трудно. Он в глаза своим выборщикам прямо не смотрит¹ и чаще всего их не знает.

В-четвертых, партийные депутаты Государственной Думы, число которых конечно и которые пространственно оторваны от своих избирателей, легко поддаются манипулированию и политическому давлению. Даже оппозиционные депутаты, попав в столицу, нередко «приручаются» властью и идеино «мутируют».

В-пятых, организация избирательных кампаний, финансирование деятельности партий и содержание партийных депутатов в столице с немалыми зарплатами, квартирами и системой социального обеспечения – все это огромные государ-

¹ В отличие от того же кочевого каана, которому люди непосредственно смотрят в глаза на курултае.

ственныe расходы, попросту иррациональные в условиях, когда сложнейшая внешнеполитическая ситуация и военные действия требуют от государства огромных финансовых и материальных расходов.

В свете вышеизложенного скорейшее возвращение к территориально-корпоративному формированию органов представительной власти и наделение их более широкими полномочиями со всех точек зрения видится и более рациональным, и прогрессивным.

В чем же явные преимущества системы советского типа?

Прежде всего, *механическое* голосование за мало кому известных отдельных партийных кандидатов или за «партийные списки» здесь заменяется *органическим* (по выражению Н.Н. Алексеева) принципом поэтапного делегирования снизу вверх, в высшие органы государственной власти, уже проверенных в реальном деле людей при обеспечении *действенных механизмов контроля* за ними снизу (и, соответственно, *отзыва в случае неудовлетворенности их действиями*), в первую очередь, со стороны первичных территорий (городского района) и организаций (конкретного государственного учреждения или фирмы), непосредственно выдвинувших их во власть. Соответственно, и единая государственная законодательно-контролирующая власть в стране выстраивается по принципу пирамиды: *снизу вверх и от периферии к центру*¹. Применительно к федеративному устройству государства его четко сформулировал М.А. Бакунин, хотя он вполне применим и к территориально-корпоративному построению государства в целом. Видный русский анархист писал: «Политическая и экономическая организация социальной жизни не должна более, как это имело место до сих пор, исходить сверху вниз и от центра к периферии, по принципу единства и вынужденной централизации, но *снизу вверх и от периферии к центру*, по принципу свободной ассоциации и федерации»².

¹ т.е. обратно тому, как выстроена имперская централизованная власть, о чём мы писали в первой главе монографии.

² Материалы для биографии М.А. Бакунина... М.-Л. С. 40-41.

Таким образом, главная задача территориально-корпоративной, или «органической», демократии состоит в качественном отборе, контроле и продуманном продвижении вверх по ступеням государственной лестницы наиболее способных, энергичных и ответственных людей. Скажем, в местные органы власти делегируют своих лучших представителей предприниматели, врачи, учителя, крестьяне. При желании на местном уровне среди этих достойных людей можно устроить и первичные выборы. Выбранные депутаты некоторое время работают на местах, а потом наиболее способные и успешные из них делегируются данным органом для работы в более высокие – областные (краевые) и верховные – законодательные органы власти с периодическими *отчетами* о деятельности перед выдвинувшими их советами всех уровней, включая территорию или организацию, первично доверившую им право выражать и защищать их интересы. Обязательно должны быть, повторим, и *эффективные механизмы отзыва* депутатов, если они не выполняют возложенных на них обязательств.

О принципе территориально-корпоративного отбора депутатов не по словам, а по их делам и завоеванному личному авторитету точно высказался в свое время Д.И. Менделеев: «...Полезно, чтобы избираемый был знаком с местными условиями и при выборе его выборщики могли судить о нем не понаслышке да не по словам одним, а по действительным делам... так как нередко “стелют мягко, да спать жестко”, и это больше всего относится до слов, и выборщики служат свою службу родине лучше всего, когда будут руководствоваться не одними речами и “платформами” избираемых или их приспешников, а делами, совершенными предполагаемыми кандидатами в местной среде»¹.

Другое явное преимущество подобной выборной системы по сравнению с партийной заключается в том, что здесь существует прямая и постоянная связь выборщиков и депутата, которая заставляет последнего выражать и отстаивать

¹ Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002. С. 304.

объективные народные интересы, а не оглядываться на партийные программы и партийную дисциплину. Он вынужден нести прямую персональную ответственность за принятие (или непринятие) каких-то важных государственных решений на местном и федеральном уровнях. Целесообразно так же, как это было в Советском Союзе, отправлять депутатов с мест в Москву исключительно на время осенних и весенних сессий для принятия важнейших государственных законов и других документов. Остальное время депутат может плодотворно работать в своем территориальном образовании, учитывая развитие современного медиапространства, возможности дистанционного общения с коллегами и работы над проектами законов. Пребывание среди людей, оказавших ему доверие на местном уровне, существенно повысит связь депутата с региональными элитами и простыми гражданами. Целесообразно также гарантировать депутату, выдвинутому в высшие органы власти, сохранение места его первичной работы в случае неудач на политическом поприще или желании завершить подобную деятельность.

Могут возразить, что парламентарий должен работать постоянно и профессионально, причем в столице – центре принятия важнейших политических решений, а также получать высокую зарплату, предотвращающую соблазн коррупции. Однако известно, что порочный человек будет брать взятки при любой зарплате. Если же депутат основное время работает в родном регионе, то возможности получения взяток существенно сокращаются, равно как и соблазн под защитой депутатского мандата заниматься в столице исключительно частными делами. Более того, депутаты, находясь большую часть времени на местах, имеют едва ли не оптимальные возможности и для обсуждения готовящихся законопроектов с коллегами из местных органов власти, и для верификации этих проектов посредством живого общения с избирателями.

Территориально-корпоративная демократия, будучи формально *опосредованной* через делегирование выдвинутому наверх депутату права политического волеизлияния, является в то же время *прямой и непосредственной* с точки зрения

связи депутата с избравшими его конкретными людьми, корпорациями, территориями и этническими группами. А это и есть реальная, а не формальная демократия.

Что же касается профессионализма депутатов, то он определяется не местом пребывания, а исключительно жизненным и профессиональным опытом, личными способностями и трудолюбием. К тому же в своем регионе инициативный депутат мог бы сформировать экспертное сообщество из числа наиболее талантливых местных производственников, бизнесменов, ученых и представителей общественных организаций, заинтересованных в принятии (или совершенствовании) важных для региона программ, законов и государственных инициатив. Это, в свою очередь, способствовало бы *органическому сращиванию государства и общества, делая не общество гражданским, как на Западе, а власть народной*, что особенно важно опять-таки в кризисные и переходные периоды истории.

Отсюда следует еще одна очень важная функция Советов как органа подлинного народоправства. Известно, что эффективно осуществлять контроль «сверху» за деятельностью государственной бюрократии невозможно: она всегда составит фиктивный «радужный» отчет для руководства и найдет способы залезть в государственный «карман». Эффективный контроль за государственной бюрократией, особенно на местах, может осуществлять только народная власть «снизу», наделенная самыми широкими полномочиями. И советская власть в этом плане была достаточно эффективной даже в СССР при засилье партийной бюрократии.

И последний момент: было бы весьма полезным и президенту, избираемому у нас непосредственным голосованием всего народа, быть все же подконтрольным высшему государственному органу страны (Верховному Совету или Народному Собору – дело не в названии), избранному территориально-корпоративным путем. Скажем, президент мог бы представлять перед ним программу своей деятельности на весь период полномочий и ежегодно отчитываться о своей деятельности по конкретным, заранее продекларированным

пунктам, которые можно объективно оценить. Это существенно повысило бы его уровень связи с народом и его проблемами поверх победных чиновничих рапортов снизу и самодовольного «сытого» молчания прикормленных столичных партийных, интеллектуальных, художественных, спортивных и прочих «элит».

§4. Советская власть и перспективы воссоединения распавшейся державы

Есть и последнее важное соображение в связи с объективной потребностью возврата на новом уровне к советской избирательной системе. В нынешних условиях военного конфликта России с Украиной и с коллективным Западом остро встает вопрос окончания и положительных желаемых итогов войны, на который пока никто так и не дал убедительного ответа¹. Все понимают, что сохранение украинской государственности в той форме и с той идеологией, какие есть сегодня, будет всегда чревато угрозой новой войны, даже если и удастся в ближайшее время заключить мир с Украиной на выгодных для России условиях.

Вывод первый прост: Украина и Россия в их нынешних территориальных, государственно-политических и идеологических одеждах обречены на изнурительное и долгое военное противостояние, выгодное только коллективному Западу.

Вывод второй гораздо более сложен и для идейного принятия, и для практического воплощения, однако, на наш взгляд, совершенно логичен: чтобы покончить с войной и разрушением, сторонам конфликта надо как можно скорее встать на путь мира, созидания и объединения через постепенное воссоздание на новом уровне единого, некогда преступно разрушенного в Беловежье, Союзного советского

¹ Не исключено, что эти итоги будут известны еще до выхода данной книги в свет. Однако это ничуть не поколеблет тех утверждений, которые будут вынесены ниже.

государства. Начинать такое объединение можно через качественное обновление союзных отношений России и Белоруссии, а также присоединение к этому процессу освобожденных территорий Украины. Объединение желательно основывать, как это ясно из предыдущего, на советской территориально-корпоративной системе и через формирование единого двухпалатного парламента советского типа с Советом Союза и Советом Национальностей. И вся политика выхода из войны должна строиться на пропаганде преимуществ такого Союза, его миролюбивом и примиряющем характере с созидающими перспективами вхождении в этот Союз и других частей Украины. Тогда и Крым, и другие бывшие украинские территории, ныне присоединенные к России, будут уже частями не украинского и не российского, а нового и единого Союзного советского государства. Главными же объектами идеологической критики должны стать все формы национализма и западного либерального глобализма как главных идейных врагов не просто русского и украинского народов, а всего человечества на современном этапе.

А целью такого объединения и должна стать **идея строительства новой, объединяющей все человечество духовно-экологической цивилизации.** Н.Н. Алексеев также считал, что для обновления СССР в посткоммунистическую эпоху необходимо вернуться к старому революционному лозунгу «За Советы без коммунистов!». Это позволило бы Советам превратиться «в лаборатории, в которых вырабатывается подбор истинно “деловых” людей, истинной соли земли русской, фундамента для построения будущей народной России»¹. К тому же новая Советская Россия, как справедливо отмечал Н.Н. Алексеев, «будет к себе привлекать другие народы, причем давать этим народам свой русский политический идеал и свою русскую политическую систему. Россия должна сохранить роль центра, около которого собирается

¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 358.

Союз Народов, поставивший своей целью борьбу с насилием и эксплуатацией, защиты угнетенных и слабых»¹.

Однако для практического воплощения даже самых хороших идей всегда нужны соответствующие исторические условия и политическая воля.

Нам могут возразить, что такое объединение сегодня, да еще с воюющей с нами Украиной – это чистейшая политическая утопия. Но ведь и в 1989 году никто не мог представить, что всего через два года Советский Союз распадется, а КПСС будут судить. Что же касается примирения воевавших народов, то оно также вполне возможно, если вспомнить быстрое примирение русских с немцами и американцев с японцами после Второй мировой войны.

В кризисные времена, как свидетельствует история, общую победу и общее спасение обеспечивают проснувшаяся воля людей к единению, отказ от национального, корпоративного и личного эгоизма, а также сильные объединительные идеи, способные вдохновить народы на новые исторические свершения. Но еще важнее – это память о единой духовной истории народов, помогающей преодолеть преступления и вражду истории профанной.

Отсюда и последний третий тезис главы: возвращение к Советам оказывается не возвратом в прошлое, а уверенным шагом в будущее, к единому «Совету всей Земли» (или к алексеевскому «Союзу Народов), как **важнейшему государственно-политическому элементу будущего ноосферного мегацивилизационного уклада, где власть будет принадлежать лучшим представителям различных цивилизаций, культур, религий и этносов.**

¹ Указ. соч., С. 370.

ГЛАВА 8.

Нестяжательство как важнейшая ценность отечественной культуры¹

В связи с высказанным выше тезисом, что историческая инициатива, ведущая человечество к эпохе Духа, переходит от мегавивилизации Запада к мегавивилизации Северной Евразии, встают совершенно обоснованные вопросы: на какие стратегические идеи и ценности, укоренные в отечественной истории и культуре, следует сегодня сделать ставку? Какие из них соответствуют историческим законам и могут образовать прочную основу ноосферного уклада?

Здесь самое время обратиться к важнейшей мировоззренческой оппозиции в истории России, касающейся взаимоотношений государства и Церкви, государства и общества, материальной и духовной компонент личного и социального бытия – а, по сути своей, отражающей принципиально различные и несовместимые друг с другом жизненные установки. Имеется в виду противоречие между *нестяжательством и иосифлянством*, восходящее к идейным коллизиям русского Средневековья.

§1. Противоборство нестяжательских и иосифлянских идей и их оценка в отечественной культуре

Возникновение конфликта между иосифлянами и нестяжателями приходится на конец XV – начало XVI веков, период формирования централизованного русского государства во главе с Москвой. Нестяжательская идеология формировалась в среде заволжского старчества. Его лидерами были автори-

¹ Некоторые материалы данной главы опубликованы в статье: Иванов А.В., Фотиева И.В. Нестяжательство как важнейшая ценность отечественной культуры // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т.5. №2. С. 20-39.

тетные в церковной среде и уважаемые тогдашней княжеской властью духовные подвижники – Паисий Ярославов и Нил Сорский.

Идейная программа *нестяжателей* в плане организации монашеского бытия подчеркивала безусловный приоритет внутренней духовной жизни и личного совершенствования; критиковала пышный культ и обрядоверие, категорически отрицала монастырское землевладение и паразитическое использование чужого труда. Нестяжатели в соответствии с заповедями Сергия Радонежского настаивали на обязательности труда монахов и принятии лишь добровольных подаяний.

В отношении государства они отстаивали духовную и институциональную независимость Церкви и ее право нравственного суда над властью. В сфере культуры нестяжатели были поборниками религиозного просвещения, всеобщей грамотности монашества, знания латыни и греческого языков, развития не только дара религиозного «умного видения», но и интеллекта¹. Важной чертой мировоззрения заволжских старцев был принцип убеждения, а не насилия над инакомыслящими, что стало особенно актуальным в условиях распространения в то время на Руси так называемой «ереси живов্�ствующих».

После смерти Паисия и Нила лидерами нестяжателей стали Вассиан Патрикеев и приехавший на Русь в 1518 году для сверки богослужебных книг афонский старец Максим Грек (в миру Михаил Триволис)². Вокруг него, превосходившего по своему культурному уровню всех представителей тогдашней русской интеллектуальной элиты и отличавшегося качествами подлинного духовного учителя, сложился ученый круг, откуда впоследствии вышли деятели так называемой Избранной рады, обеспечившей военные, политические и со-

¹ При всей приверженности русских нестяжателей исихастской практике «умной молитвы», их все же есть основания отнести к кирилло-мефодиевой духовной традиции, пришедшей из Византии.

² О нем мы писали выше как о личности, передавшей Московской Руси духовный импульс и от западноевропейского Возрождения, и от Византийской православной учености.

циальные успехи первого периода правления Ивана Грозного. Этот круг стал подлинным центром культурной жизни тогдашней Москвы. А.И. Клибанов даже называет его «Московской академией» Максима Грека¹. В трудах Максима Грека мы находим достаточно целостную нестяжательскую философию власти, важнейшими элементами которой являются миролюбие, открытость другим странам и народам (страннолюбие), социальная справедливость и нравственная правда, без которых не может быть подлинно христианской власти.

Вот характерный фрагмент из «Послания к благоверному царю и великому князю всея России Иоанну Васильевичу»: «Есть много таких свойств, которыми благочестно царствующие на земле уподобляются небесному Владыке, каковы – кротость и долготерпение, попечение о подчиненных... правда и милость... Это делает начальствующих подобными Богу, и державу их не только утверждает и сохраняет в глубоком мире и тишине, но и прославляет их знаменитыми победами, низведя на них свыше помощь десницы Вседержителя»².

Иные взгляды исповедуют представители *иосифлянства*. Их лидер – Иосиф Волоцкий, настоятель Волоколамского Успенского (впоследствии Иосифо-Волоколамского) монастыря. По его мнению, Церковь не просто может, а должна владеть монастырскими землями, ибо это залог ее благосостояния и возможности осуществлять свои социальные функции. С точки зрения отношения государства и Церкви Иосиф Волоцкий стоит на позициях, противоположных нестяжательским: Церковь обязана защищать и оправдывать государственную власть, а власть за это – создавать благоприятные условия для деятельности Церкви, в частности, ограждать ее от происков еретиков. В отношении инакомышляющих необходимо применять самые суровые средства, вплоть до смертной казни. Именно Иосиф Волоцкий стал

¹ Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1994. С.166.

² Максим Грек Преподобный. Творения. В 3-х частях. Репринтное издание. Ч.1. Житие преподобного Максима Грека. Нравоучительные сочинения. Сергиев Посад, 1996. С. 219-220.

инициатором смертной казни для представителей «ереси жидовствующих». Таким образом, как показывает Н.Н. Алексеев, позиция Иосифа Волоцкого – это причудливый симбиоз ветхозаветного законничества и языческого обожествления царской власти с культом страха и абсолютного повиновения ей со стороны подданных.

Это касается и организации монашеской жизни, где, по лично написанному Иосифом Волоцким Уставу, его монастырь стал напоминать скорее казарму, нежели братскую духовную обитель. «То, чего Иосиф требовал от каждого волоколамского инока, – пишет иеромонах Иоанн (Кологривов), – это было полнейшее послушание... С помощью многочисленных надзирателей, глаз игумена видел все, никакой, даже самый малый проступок не мог ускользнуть от этого надзора... Идеал общежития – не маленькая группа братьев, свободно объединенных молитвою и любовью (как у Преп. Нила), а дисциплинированный отряд духовных бойцов, борющихся с грехом под руководством опытного наставника»¹.

Борьба между нестяжателями и иосифлянами закончилась, как известно, политической победой последних. Вассиян Патрикеев и Максим Грек были осуждены и брошены в тюрьму. Сочувствующие им деятели православного клира лишены значимых постов в церковной иерархии, заволжские скиты разгромлены, а культурное и духовное наследие нестяжателей на долгие годы забыто.

Общая оценка исторического противоборства иосифлян и нестяжателей в отечественной интеллектуальной традиции противоречива. Ряд авторов позитивно оценивает деятельность Иосифа Волоцкого и его соратников. Видный историк русской православной Церкви А.В. Карташев пишет: «...Если не диктовать древней русской истории современных нам оценок и программ, а признать органически неизбежным генеральный ход ее по безошибочному инстинкту биологического самоутверждения, (а не буддийского самоотрицания),

¹ Иеромонах Иоанн (Кологривов). Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961. С. 200.

то надо нам, историкам Церкви... пересмотреть банальное, пресное, гуманистическое оправдание идеологии и поведения "заволжцев" и признать творческую заслугу величественного опыта питания и сублимации московско-имперского идеала»¹.

Чаще встречается точка зрения, считающая равновеликим вклад Иосифа Волоцкого и Нила Сорского в становление русской культуры и государства, а также утверждающая отсутствие кардинальных расхождений между ними. Но неподтвержденность фактов личной неприязни между Иосифом и Нилом еще не свидетельствует, как это представляется, например, В.В. Кожинову, об отсутствии принципиальных расхождений между ними². Понимание сути монашеского служения, отношение к власти, монастырской собственности, еретикам и к внешней церковной обрядности у Нила Сорского и Иосифа Волоцкого принципиально различны, иначе не было бы впоследствии беспощадного разгрома иосифлянами нестяжательского лагеря, о котором В.В. Кожинов вообще умалчивает. Это хорошо показано в исследовании Г.М. Прохорова, который пишет: «Проживи старец Нил подольше, он, наверное, тоже умер бы безвыходно заточенным в одиночной келье-камере Иосифова Волоколамского монастыря, как его ученик и последователь Вассиан Патрикеев»³.

Не прав, на наш взгляд, В.В. Кожинов и в том, что приписывает негативное отношение к Иосифу Волоцкому исключительно сторонникам либеральных взглядов на русскую культуру и историю. Заволжских старцев к либералам никак не отнесешь. Там еще помнили заветы Сергия Радонежского именно русскому монашеству о бескорыстном трудничестве и служении своей стране.

Противоположность позиций двух лидеров церковных лагерей ясно осознает Г.В. Флоровский, но и он согласен с их

¹ Карташев А.В. История Русской Церкви. М., 2004. С. 303.

² Кожинов В.В. История Руси и русского Слова (Опыт беспристрастного исследования). М., 1999. С. 385.

³ Прохоров Г.М. Преподобный Нил Сорский и его место в истории русской духовности // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. СПб., 2008. С. 41.

равновеликим вкладом в развитие Руси: «Разногласие между осифлянством и заволжским движением можно свести к такому противопоставлению: завоевание мира на путях внешней работы в нем или преодоление мира чрез преобразжение и воспитание нового человека, чрез становление новой личности. Второй путь можно назвать и путем культурного творчества...»¹. Неясно, правда, как возможно христианское «завоевание мира» без воспитания нового человека и без культурного творчества.

Еще более неудачна и противоречива попытка Г.П. Федотова представить позиции Иосифа Волоцкого и Нила Сорского в качестве двух сторон одной медали. С одной стороны, говоря об Иосифе Волоцком, он отмечает «созвучие его дела национально-государственному идеалу Москвы с ее суровой дисциплиной, напряжением всех социальных сил и закрепощением их в тягле и службе. Последнее объяснение легкой победы иосифлян – в торжестве национально-государственных задач над внутренне-религиозными»². С другой стороны, вряд ли подлинный национально-государственный идеал может сочетаться с деградацией духовной жизни народа. «Роковой гранью является средина XVI века, – пишет, противореча самому себе, Г.П. Федотов. – К 50-м годам относится разгром волжских скитов... Осифлянство торжествует полную победу в Русской Церкви. Но оно явно оказывается неблагоприятным для развития духовной жизни. Среди учеников преподобного Иосифа мы видим много иерархов, но ни одного святого»³. Он делает и более сильный вывод, утверждая, что в борьбе с Нилом Сорским и его учениками Иосиф Волоцкий разрушал традиции, заложенные Сергием Радонежским⁴.

¹ Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 22.

² Федотов Г.П. Трагедия древнерусской святости // Судьба и грехи России (избранные труды по философии русской истории и культуры). В 2-х т. Т.1. СПб., 1991. С. 317-318.

³ Федотов Г.П. Святые Древней Руси. Ростов-на-Дону, 1999. С. 250.

⁴ Указ. соч. С. 231.

Сегодня эта тема представлена в ряде статей, касающихся не только взаимоотношений иосифлян и нестяжателей, но и различных аспектов жизни и деятельности лидеров данных движений, их роли в развитии православной богословской мысли и духовной практики. При этом можно отметить тенденцию к признанию не только большей духовной правоты нестяжателей, но и важности практической реализации их идей и даже конечного исторического успеха. Так, А.А. Исаков пишет: «В целом Нил Сорский сумел создать достаточно непротиворечивую концепцию воплощения нестяжательского идеала»¹, а О.С. Климков резюмирует: «Нестяжатели во главе с Нилом Сорским потерпели сокрушительное поражение на московском Соборе, но победили в истории, оказав серьезнейшее влияние на развитие свободной мысли и духовности в русском обществе»².

Чтобы правильно и целостно оценить победу той или иной системы идей, необходимо посмотреть на реальные плоды этой победы, а они прямо свидетельствуют против иосифлянского мировоззрения.

С точки зрения **политической** большинство историков и политологов сходятся на том, что именно Иван Грозный с наибольшей последовательностью реализовал иосифлянский идеал неограниченной государственной власти. «Ближайшим коронованным учеником Иосифа, – отмечает Н.Н. Алексеев, – был царь Иван Васильевич Грозный, оставивший нам чисто иосифлянскую, весьма стройную теорию российского абсолютизма, построенную, как ему казалось, в православном духе. На самом же деле замечательная теория Грозного довольно точно воспроизводит основные мотивы языческого монархизма»³. Иосифлянство несет прямую ответственность за Ве-

¹ Исаков А.А. Эволюция общественного сознания средневековой Руси и философские идеи в нестяжательстве // Вестник Чувашского университета. 2007. №4. С. 95.

² Климков О.С. Современное изучение спора Нила с Иосифом // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. №34-2. С. 40.

³ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 62.

ликую Смуту начала XVII века, когда выяснилось, что на Руси и государство – без правды, и Церковь – почти без духа, и народ в массе своей – без глубокой веры, когда русские казаки вместе с поляками осаждают Троице-Сергиеву Лавру, главную духовную святыню России. Показательно, что в канун Смуты первым патриархом-иосифлянином Иовом будет канонизирован именно Иосиф Волоцкий. В отличие от него, о Ниле Сорском вспомнят лишь спустя столетия.

С точки зрения **социально-экономической** утверждение монастырского землевладения и оправдание обогащения монастырей привели к двум крайне негативным тенденциям. Это, во-первых, монастырское ростовщичество, осуждению которого одно из своих Слов был вынужден посвятить Максим Грек¹; и, во-вторых, появление так называемых «вкладов по душе», когда монастырю жертвовали огромные деньги и отписывали целые вотчины с целью отмолить чью-то грешную душу. Распространились представления, что нет греха, которого нельзя было бы отмолить – дело только в количестве молитв и размере вклада². Нельзя отрицать и того факта, что закрецощение крестьян, нараставшее на протяжении всего XVI века, осуществлялось при непосредственном участии победившего иосифлянства. Как отмечает В.О. Ключевский, «монастырское землевладение... содействовало и увеличению тяготы крестьянского труда, и уменьшению его свободы»³.

Что касается **культуры и просвещения** во второй половине XVI века, то и здесь плоды иосифлянства были отрицательными. Это наглядно иллюстрируется одним примером:

¹ Максим Грек Преподобный. Творения. В 3-х частях. Репринтное издание. Ч.1. Житие преподобного Максима Грека. Нравоучительные сочинения. Сергиев Посад, 1996. С. 80.

² Любопытно, что своеобразные иосифлянские «вклады по душе» стали весьма популярными среди нынешней российской финансовой и политической «элиты» в виде крупных пожертвований возрожденным церквям и монастырям с бронированием мест для своего последующего погребения и монашескими молитвами о душе вкладчика.

³ Ключевский В.О. Собр. соч.: в 2 томах. Т.2. Курс русской истории. Ч.2. М., 1987. С. 270.

если Нил Сорский и многие его ученики еще знают греческий язык, то Иосиф Волоцкий, человек исключительно начитанный, греческого уже не знает. Ко второму же десятилетию XVI века выясняется, что в Москве, вроде бы прямой преемнице Византии и, так сказать, «Третьем Риме», нет не только квалифицированных переводчиков с греческого языка, но даже его более-менее сносных знатоков. В результате Максим Грек, приехавший как раз для перевода Толковой псалтыри и не знавший первоначально русского языка, вынужден был переводить с греческого сначала на латынь, а потом его помощники с латыни переводили текст на русский. Кстати, спасаясь от давления иосифлян, на Западную Украину вместе с другими просвещенными нестяжателями вынужден был бежать и наш первопечатник Иван Федоров.

Все это заставляет согласиться с общей оценкой деятельности нестяжателей и иосифлян, которую дал Н.А. Бердяев: «Нил Сорский – предшественник вольнолюбивого течения русской интеллигенции. Иосиф Волоцкий – роковая фигура не только в истории православия, но и в истории русского царства. Его пробовали канонизировать, но в сознании русского народа он не сохранился как образ святого. Вместе с Иваном Грозным его нужно считать главным обоснователем русского самодержавия»¹. Здесь Н.А. Бердяев сходится с такими разными отечественными мыслителями, как В.С. Соловьев и Д.Л. Андреев.

Многие современные историки и политологи разделяют данную точку зрения, не отрицая и ряда положительных результатов деятельности Волоколамского игумена, например, его поддержки храмового строительства и древнерусских иконописцев². Налицо также хозяйственные успехи в деятельности ряда монастырей, возглавляемых иосифлянами, особенно Соловецкой обители. Вместе с тем, стратегические результаты деятельности иосифлян оказались разрушитель-

¹ Бердяев Н.Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 48-49.

² Тут со взглядами В.В. Кожинова, безусловно, можно согласиться.

ными, а те их представители, которые сыграли созидаельную роль в русской истории (например, знаменитые московские митрополиты XVI века Макарий и Филипп), действовали скорее как владыки-нестяжатели, нежели правоверные ученики Иосифа Волоцкого.

§2. Исторические грехи иосифлянства и черты нестяжательского мировоззренческого идеала

Теперь пора вернуться к высказанному в начале тезису о том, что есть все основания рассматривать взаимоотношения между нестяжательством и иосифлянством как проходящую через всю историю России последних шести веков непримиримую борьбу двух противоположных систем политических, социокультурных и нравственных идей с соответствующими историческими результатами. В русле историософских идей, развиваемых в данной книге, можно сказать, что в истории России **нестяжатели воплощают линию духовной, а иосифлянство – воинствующей профанной истории**, часто с разрушительными и кровавыми результатами.

Это одним из первых четко сформулировал не раз упоминавшийся выше Н.Н. Алексеев. «Идейные разногласия представителей иосифлянской школы и их политических противников, – пишет он, – не потеряли до наших дней своего актуального значения... Над восточным русским православием доселе витают еще полуязыческие призраки иосифлянства, и полузабытым для него остается та другая интуиция политического мира, которая в эпоху укрепления Москвы формулирована была партией “заволжских старцев” с Нилом Сорским во главе, развита была публицистом XVI века Васианом Патрикеевым, в важнейших пунктах поддержана была Максимом Греком и долго отражалась в политических трактатах позднейшей Московии»¹.

¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 84.

Завещанный нестяжателями государственно-политический идеал Н.Н. Алексеев называет «государством правды»: «В личном, нравственном смысле правда эта требовала не внешней, иосифлянской обрядности, но внутренней работы над собою... В социально-экономическом... согласования фактического уклада жизни с требованиями евангельской любви... В политическом смысле она не восставала против монархии, однако и не считала установившуюся иосифлянскую монархию носительницей справедливости и правды. Она требовала преобразования московской монархии в государство правовое. С точки зрения объективного права это означало подчинение царя началу законности... С точки зрения прав субъективных это совпадало с упрочением в государстве большей личной свободы. Отсюда безусловная враждебность писателей вышеочерченного направления к рабству, которое они считали несовместимым с христианством. Отсюда их большая гуманность по отношению к еретикам и принципиальное признание начала религиозной свободы. Наконец, с точки зрения участия граждан в управлении государством, “московская правда” придерживалась мнения о необходимости ограничить самодержавие некоторым народным “советом” с более или менее широким началом представительства»¹.

Здесь следует также искать истоки деятельности Избранной рады в начальный период царствования Ивана Грозного с первым Земским собором, ответственностью царской власти перед подданными в противовес боярскому произволу, с победой народа над Казанским ханством, с заботами власти о бедняках и сиротах. Впоследствии возрождение нестяжательских идей и идеалов можно усмотреть в деятельности Земских соборов первой половины XVII века, в начале царствований Александра I и Александра II.

Впрочем, гораздо здравее дух нестяжательства проявляется в жизни и творчестве отдельных социальных групп и

¹ Указ. соч. С.93. Фактически именно нестяжатели закладывают основы территориально-корпоративного участия народа в государственной жизни.

выдающихся деятелей русской истории и культуры – таких как митрополиты Платон (Левшин) и Филарет (Дроздов), святые Паисий Величковский и старцы Оптиной пустыни, путешественники Н.Н. Миклухо-Маклай и Г.Н. Потанин, ученые М.В. Ломоносов и Н.М. Карамзин, Д.И. Менделеев и В.И. Вернадский, полководцы Александр Невский и А.В. Суворов, писатели А.С. Пушкин и А.С. Грибоедов, Ф.М. Тютчев и Ф.М. Достоевский, философы В.С. Соловьев и П.А. Флоренский, художники В.И. Суриков и Н.К. Рерих, предприниматели П.М. Третьяков, основатель Третьяковской галереи, и С.И. Мамонтов, проложивший железные дороги в Донбасс и на север страны, основавший первую русскую частную оперу¹.

При всем различии жизненных путей этих людей объединяет главное: бескорыстное служение своему народу, а не стяжение власти, богатства или славы; верность нравственным устоям; понимание необходимости приоритетного развития науки и культуры по сравнению с материальными условиями жизни; внутренняя свобода и неприятие физического и духовного насилия над людьми; вера в будущее своей страны и понимание ее всемирного значения. Нестяжательский патриотизм не имеет ничего общего с национализмом – всегда стяжательским и идеино нетерпимым. О кардинальном различии национализма и патриотизма точно высказался Н.А. Бердяев: «Патриотизм великого народа должен быть верой в великую и мировую миссию этого народа, иначе это будет национализм провинциальный, замкнутый и лишенный мировых перспектив»².

Можно, повторимся, и в принципе говорить о двух параллельных линиях русской и мировой истории. С одной сто-

¹ Этот список, естественно, можно и нужно расширить. Более подробное исследование борьбы иосифлянства и нестяжательства в русской истории можно найти в упоминавшейся выше коллективной монографии: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 120.

роны, это профанная история войн и борьбы за власть, технологических и экономических успехов, повседневных бытовых забот и трансформаций. С другой стороны, это духовная, или **нестяжательская** история, когда побеждали сотрудничество между народами, национальная и религиозная терпимость, а поверх повседневного быта расцветали науки и искусства. Об этих эпохах духа, «осевых» для мировой истории, мы говорили выше. У нас тоже были такие краткие «вспышки духа», например, первый период просвещенного правления Ивана Грозного с Избранной радой, отголоски которого можно обнаружить в идеях и делах просвещенных политических интеллектуалов XIX века, например, М.М. Сперанского и Н.А. Милютина, сплотившихся, соответственно, вокруг Александра I и Александра II в ранний, реформаторский период их царствований.

Можно привести пример и удивительной личностной нестяжательской «эстафеты духа» в русской истории¹, тянувшейся от митрополита Платона (Левшина) в период царствования Екатерины II до отца Павла Флоренского через деятельность митрополита Филарета (Дроздова) и духовного подвижника А.А. Мечева².

Соответственно, можно выделить и личностный идеал нестяжательства. Он ярко представлен в высказываниях двух гениев России. Одно из них принадлежит А.С. Пушкину, где подчеркивается творческий аспект этого идеала:

«... Дорогою свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный»³.

¹ Как бы сверхвременного духовного родства.

² См.: Иванов А.В. Оправдание личностного начала в истории//Новый опыт метафизики всеединства. Барнаул, 2017. С. 227-228.

³ Пушкин А.С. Поэту // Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. Сказки. М., 2006. С. 102.

Другой, скорее социально-антропологический, аспект этого идеала фиксирует Ф.М. Достоевский. Он видит его как «совершенно сознательное и никем не принужденное само-пожертвование всего себя в пользу всех», при этом великий русский писатель делает чрезвычайно тонкое и точное замечание: «Что ж, скажете вы мне, надо быть безличностью?.. Напротив, ... **именно надо стать личностью, даже гораздо в высочайшей степени** [выд. нами – авт.], чем та, которая теперь определилась на Западе... Самопожертвование себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли»¹.

К сожалению, пока именно иосифлянские идеи и практики доминируют и в мировой, и в русской истории. Правительствам гораздо проще править самовластно и подавлять оппозицию, чем прислушиваться к критике и аргументированно полемизировать; Церкви легче стать служанкой государства и пользоваться его покровительством, чем быть независимой Церковью воинствующей правды². Стяжание власти и богатства понятнее для обывательского сознания, чем aristokratisches служение своей стране и народу.

Примеры торжества иосифлянского мировоззрения и практики могут быть усмотрены и в доимперский, и в имперский, и в советский периоды отечественной истории, будь то властное самодурство Ивана Грозного, абсолютизм Николая I или сталинская диктатура. Но здесь, следует сделать три важные оговорки.

Во-первых, часто можно услышать аргумент в русле ныне модного отождествления государства и цивилизации, что российское иосифлянское самодержавие – это естественный ответ на труднейшие природно-климатические и истори-

¹ Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский. Ф.М. Собр. соч.: в 15 томах. Т.4. Ленинград, 1989, С. 428-429.

² За это Иваном Грозным был свергнут с поста митрополита и умерщвлен обличавший его кровавый произвол митрополит Филипп (Кольчев).

ческие (в виде постоянных внешних военных угроз) условия, в которых всегда вынуждена была существовать Россия.

Однако победа над поляками во времена Смуты стала возможной благодаря народному ополчению Минина и Пожарского, а преодоление ее последствий – созыву Земских соборов, где народ добровольно разделил с властью ответственность за судьбы страны. Победа над французами вряд ли бы стала возможной без толстовской «дубиной народной войны». Победа над фашистской Германией стала неизбежной, когда народы СССР поняли, что немцы пришли не освобождать их от сталинского произвола, а уничтожать именно как независимые народы. Да и освоение Сибири стало результатом народной инициативы, смекалки и способности к самоорганизации. Власть лишь поддержала инициативу Ермака, ставшего подлинно народным героем.

Что касается сложных природно-климатических условий России, то и здесь решающую роль в их «укрощении» играла не имперская централизованная власть, особенно в той же Сибири, а общинное, артельное и кооперативное обустройство народной жизни. Можно утверждать, что без нестяжательской самоорганизации народа становление России как великой цивилизации и великого евразийского государства было бы невозможным. Кстати, и цивилизационные коридоры, о которых мы писали выше, прокладывали в первую очередь простые люди – ученые и купцы, странники и духовные подвижники. Можно вспомнить, что одним из первых по всему Арктическому цивилизационному коридору прошел помор С.И. Дежнев, позднее открывший пролив между Америкой и Евразией.

Во-вторых, произвол «сверху», как известно, порождает кровавый социальный хаос, политический разброд и идейную анархию «снизу». Это может быть боярская вседозволенность, на которую сначала справедливо, а потом все деспотичней обрушивается Иван IV, или казацкая распоясавшаяся вольница Смутного времени, сотрудничающая с оккупантами-поляками. Это может быть кровавая пугачевщина и стрелецкая вольница, беспощадно подавляемые Екатериной II и

Петром I. Интересно, что схождение этих тупиковых русских крайностей (бунт и хаос снизу – деспотическая власть сверху) была гениально схвачена Суриковым в «Утре стрелецкой казни». Здесь взор беспощадного государственника-Петра встречается с полным ненависти взором бунтаря-стрельца со свечой в руке. Над ними – усеченные главы куполов собора Василия Блаженного, а из центра картины на зрителя смотрит девочка в красном платке, которая словно вопрошают: «Когда же все это закончится?». При этом показательно, что кровавые «иосифлянские круги» в русской истории воспроизводятся постоянно, в том числе и в нашей истории XX–XXI веков.

И, *в-третьих*, оппозицию нестяжательства и иосифлянства нельзя трактовать рассудочно и абстрактно. Она, при всей непримиримости сторон, все же не является абсолютно жесткой, а подразумевает **моменты смешения противоположностей в сложных и противоречивых государственных и культурных формах**, а также порождает неоднозначные исторические результаты, требующие разумногоialectического понимания. Опять же, видимое торжество одной стороны (в основном, иосифлянской) заставляет сторону побежденную находить внутренние ресурсы для сопротивления, дальнейшего развития и обновления. Так металл закаляется через холодную воду, добро крепнет в борьбе со злом.

Можно видеть, как государственный абсолютизм и жестокость петровских реформ дали мощный импульс развитию отечественной науки, культуры и образования, а его ученичество у Запада было глубоко творческим, воплотив русский «дух всемирной отзывчивости». Н.С. Трубецкой сетовал, что учреждение Священного Синода при Петре разрушило российское «бытовое исповедничество»¹ – по сути, воплощавшее типичное иосифлянское обрядоверие. Но именно петровские попытки административного подчинения Церкви государству парадоксальным образом возродили традиции нестяжательского религиозного подвижничества и духовного просвеще-

¹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 255.

ния в деятельности Паисия Величковского и его школы. Да и сам ярый прагматик Петр воплощал дух бескорыстного служения Отечеству, а, самое главное, он принес в Россию культ научных и технических знаний. **Петр всю жизнь учился сам, и заставил учиться всю Россию.** Без этого петровского, по сути глубоко нестяжательского, культа знаний не было бы ни русского флота, ни победы в Северной войне, ни демидовских заводов на Урале, ни Российской академии наук.

Что же касается советской власти, то и ей были присущи **нестяжательские ценности подчинения личных интересов интересам общества, культа знаний и высокой культуры, идеал братства народов, устремленность к общему лучшему коммунистическому будущему.** Здесь можно вспомнить и знаменитый завет Ленина: «Учиться, учиться и учиться!».

Без этих великих ценностей, принятых всем народом, были бы, в свою очередь, невозможны ни победа в Великой Отечественной войне, ни трудовые и культурные успехи социализма. Прав был Н.А. Бердяев, утверждавший, что эти советские ценности были по своей глубинной сути вполне христианскими и, добавим, нестяжательскими. Можно согласиться с ним и в общей оценке противоречивой природы отечественного коммунистического проекта: «С традиционно-русским характером коммунизма связаны и его положительные, и отрицательные стороны: с одной стороны, искание царства Божьего и целостной правды, способность к жертве и отсутствие буржуазности, с другой стороны абсолютизация государства и деспотизм, слабое сознание прав человека и опасность безликого колlettivизма»¹. Повторимся, что **советская власть, по исконной сути своей, есть власть народная и нестяжательская** – в отличие от хорошо оплачиваемой и корыстной партийной *номенклатуры* и советской, и особенно постсоветской.

В русской истории никогда, к сожалению, не было более или менее целостного воплощения нестяжательского идеала «государства правды» и широкого распространения соответ-

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма, С. 153.

ствующего личного идеала жизни, – хотя в советский период мы сталкиваемся с массовыми примерами своеобразного атеистического праведного жития. Крушение же отечественного социализма было связано с торжеством сугубо стяжательских идей и ценностей, «перестройка» стала абсолютной победой иосифлянства.

Принцип общего блага и бескорыстного труда был заменен принципом личного обогащения любой ценой с лозунгами «стыдно быть бедным» и «разрешено все, что не запрещено законом». Высокая культура, наука и образование были принесены в жертву массовой коммерческой культуре и проникновением стяжательских идей туда, где им вообще нет места – в сферу высшего образования¹.

Братству народов и единству государства была противопоставлена анархия с ельцинским лозунгом «берите власти, сколько сможете», где, как мы помним, расцвели и мирно ужились тупиковые крайности национализма и либерального космополитизма. Во вроде бы возродившейся православной Церкви широкое распространение получили обрядоверие и готовность обслуживать интересы нового господствующего класса. Идеологические гонения в 90-е годы обрушились уже на коммунистов с откровенным искажением и поруганием советской истории.

Подчас можно услышать следующий аргумент, как бы оправдывающий постперестроечную победу иосифлянских идей и настроений: люди, родившиеся в коммунальных квартирах, просто захотели пожить в многокомнатных личных особняках. Но стяжатель тем и отличается от нестяжателя, что первый хочет жить в особняках, презирая и обирав собственный народ; а второй, обретя власть и деньги, направляет их на то, чтобы *весь народ* перестал жить в коммунальных квартирах.

¹ См.: Иванов А.В., Фотиева И.В. Современное университетское образование: административно-бюрократический произвол и его последствия // Идеи и идеалы. 2020. Т.12. №4–1.

§3. Необходимость возвращения к нестяжательским устоям национальной жизни

Как выходить из этих заколдованных кругов русской истории, где обе крайности, безусловно, плохи: как безбрежная свобода-произвол, так и тираны; как слабое государство, так и его всевластие; как отсутствие всяких авторитетов, так и культ отдельной личности; как социальный хаос, так и предельно жесткий порядок. К тому же, подчеркнем еще раз, противоположности рано или поздно переходят друг в друга: деспотия ведет к бунту и хаосу; а социальный хаос и вседозволенность – к новым формам деспотии. Ответ здесь очевиден: надо сознательно и системно возвращаться к нестяжательским идеям, ценностям и практикам русской истории в ее духовном измерении.

Это нужно не только России и народам Северной Евразии, но также народам Востока и Запада, поскольку без этого никому не выйти из смертельного техногенно-потребительского тутика и нарастающего в мире массового духовного разложения и одичания, когда человек, как в движении так называемых «квадроберов», снова начал вставать на четвереньки. Постепенно формирующийся **ноосферный уклад** – это **уклад принципиально нестяжательский**.

В плане мировоззренческих устоев бытия отметим, что ни в коем случае нельзя воспроизводить советский идеологический формализм и атеизм, вызывающий отторжение у мыслящего человека. Следует научными и художественными средствами раскрывать историческую роль и значимость великих нестяжательских ликов русской истории¹, национальных святынь народов России, таких как архитектурные ансамбли Московского и Казанского Кремля, сокровища Троице-Сергиевой Лавры с ракой преподобного Сергия или Ивол-

¹ Едва ли не эталонным примером такого рода является фильм «Александр Невский», где национальный режиссерский гений Эйзенштейна был органически дополнен музыкальным национальным гением Прокофьева.

гинского дацана в Бурятии с нетленными мощами Хамбламы Итигэлова. Они хранят память о подвигах, культурных и религиозных достижениях народов, наглядно воплощая их базовые ценности.

Наконец, особого внимания, защиты и популяризации требуют «осевые» культурные творения, где подвергаются творческому осмыслинию важнейшие ценности национальной культуры, своеобразие ее культурного пространства и важнейшие вехи истории. «Осевые» творения отличаются исключительной смысловой глубиной и художественными достоинствами, делающими их интересными и актуальными на все времена и для всех поколений; они обеспечивают единство данного народа в пространстве и во времени. Так, Россия не утрачивает своей цивилизационной идентичности, пока от Балтики до Тихого океана, от подросткового и до старческого возраста люди читают Пушкина, исполняют и слушают музыку Рахманинова, размышляют над философскими творениями П.А. Флоренского и романами Л.Н. Толстого. Есть такие «осевые» творения в других этнокультурных и религиозных цивилизационных общностях Востока и Запада.

В плане *государственно-политических оснований* устройства российского общества целесообразно вернуться к советскому народовластию, уходящему в глубины соборно-демократических традиций Северной Евразии, о чем мы писали в предыдущей главе, чтобы на вершину государственной пирамиды постепенно продвигались проверенные в реальном деле и наиболее талантливые представители от разных территорий и профессиональных корпораций, а также в управлении государством участвовали наиболее талантливые ученые и лучшие представители общественных организаций, то есть **евразийские демократические начала государственності восполнялись бы началами аристократическими**.

Полезно в этой связи напомнить и о важнейших нестыжательских принципах отбора правящих элит, которые были сформулированы еще Конфуцием и Платоном. Конфуций писал: «Благородный муж знает только долг, низкий человек

знает только выгоду»¹. Убежденным противником стяжательства был и великий Платон, считая олигархию одной из самых плохих форм правления, а в поздний период творчества, в «Законах», справедливо указывая, что самые благородные нравы складываются в тех обществах, где «не обитают богатство и бедность»². Кстати, в нынешних партийных демократиях Запада удивительным образом сплелись воедино черты трех самых худших типов государства по Платону и по Аристотелю: тирании, олигархии и демократии. Но практически нигде (разве что шиитский Иран с его верховными духовно-религиозными лидерами является исключением), мы, к сожалению, не видим у власти представителей подлинной духовной аристократии, которые служат своему народу и руководствуются в этом служении высшими духовными ценностями.

А ведь если посмотреть на выдающиеся фигуры русской истории, то деятельность Избранной рады вдохновляется в первую очередь принципом социальной справедливости. Федор Ртищев, ближайший соратник царя Алексея Михайловича, руководствуется христианским принципом любви к ближнему, а также необходимостью развивать просвещение на Руси (кстати, этой удивительной фигуре русской истории значительное внимание уделил В.О. Ключевский³). Служение отечеству на государственном, военном, научном или культурном поприщах – лейтмотив жизни и М.В. Ломоносова, и А.С. Суворова, и Ф.М. Тютчева, и «железных» сталинских наркомов. Не формальные и мертвые идеологические мероприятия, а вдумчивое и заинтересованное погружение в жизнь, труд и творчество подобных личностей выполняет наилучшие воспитательные функции в обществе. И, конечно, сама верховная власть должна посильнее воплощать нестяжательские идеалы. «Наилучшее воспитание молодых людей, да

¹ Лунь Юй //Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т.1. М., 1972. С. 149.

² Платон. Собр. соч.: в 4 томах. Т.4. М., 1994. С. 129.

³ См. Ключевский В.О. Царь Алексей Михайлович – Ф.М. Ртищев // Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990.

и самих себя, заключается не во внушениях, – пишет Платон в тех же «Законах», – а в явном для всех осуществлении в собственной жизни того, что внушается другому»¹.

В экономическом плане главный принцип нестяжательства сформулировал еще его основатель Нил Сорский: «И не только обладания золотом и серебром подобает нам избегать, но и всяких вещей сверх нужной потребности...»². В более простой формулировке он звучит так: «Все, что лишнее, – не мое». Здесь нестяжательская установка прямо противостоит современному иррациональному материальному потребительству. Что касается собственно экономики, то ее нестяжательский подход рассматривает лишь как *средство воспроизведения здорового и культурного человека, а также здоровой окружающей природной среды*. Об этом мы писали в первом разделе работы, когда касались формирования ноосферного цивилизационного уклада.

С.Н. Булгаков был убежден, что современная хозяйственная деятельность «может быть общественным служением и исполнением нравственного долга, и только при таком к ней отношении и при воспитании общества в таком ее понимании создается наиболее благоприятная духовная атмосфера как для развития производства, так и для реформ в области распределения, для прогресса экономического и социального»³. С возможностью создания экономики нестяжательского типа был согласен и Н.Н. Алексеев, считая, что «нестяжательство может быть соединено с величайшим вниманием к вещам, но не во имя корысти, а во имя заповеди труда, любви к ближнему и к Божьему миру. Возможна система хозяйства, построенного на принципе нестяжательства»⁴.

¹ Платон. Указ. соч. С. 181.

² Устав Нила Сорского // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. СПб., 2008. С. 145.

³ Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Булгаков С.Н. Собр. соч.: в 2 томах. Т.2. Избранные статьи. М., 1999., С. 366.

⁴ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 281

Русская история донесла до нас имена крупных отечественных предпринимателей, у которых были цели и ценности, превосходящие ценности богатства и власти. Одному из таких русских предпринимателей, энтузиасту освоения Севера, Михаилу Константиновичу Сидорову посвятил прекрасный очерк Валентин Пикуль. Сидоров прямо причастен к открытию на севере нефтяных и угольных месторождений, организации навигации по Северному морскому пути, изучению и сохранению быта северных народов. Он даже капиталы свои не завещал детям, а направил на нужды изучения и освоения Севера, в том числе на развитие системы образования его коренных жителей. Именно о таких предпринимателях В. Пикуль очень точно написал: «Сейчас нам уже трудно представить капиталистами П.М. Третьякова, основавшего картинную галерею, “канительного” фабриканта К.С. Станиславского, создавшего знаменитый МХАТ, московского купца А.А. Бахрушина, растратившего свои богатства на устройство музея театрального искусства, – для нас имена этих людей связаны уже не с миллионами… а с тем, во что они эти миллионы вложили»¹.

Нестяжательское мировоззрение имеет вполне определенные и экологические аспекты, поскольку подразумевает сокращение иррациональных материальных потребностей и сохранение природных ресурсов; и аспекты *социальные*, подчеркивая значение многообразных кооперативных и соборных связей между людьми, где важную роль призваны играть профессиональные корпорации и независимые общественные организации, органически восполняя деятельность государственных структур.

Несомненна и *антропологическая* составляющая нестяжательства: в первом разделе книги, когда мы обсуждали законы и общую направленность мировой истории, то цитировали Н.Н. Алексеева, который считал главной задачей государства создание оптимальных условий для всестороннего развития человека. Но ведь тогда, в качестве итогового выво-

¹ Пикуль В.С. Живая связь времен. М., 1989. С. 375.

да, получается, что **направленность истории представляет собой движение ко все более полному и совершенному воплощению в общественной и личной жизни именно нестяжательского духовного идеала.**

Отметим в завершение лишь два важных момента. Во-первых, могло сложиться впечатление, что нестяжательские идеи и практики развивались только в отечественной культуре. Это, конечно, не так. В западной традиции подобные установки в другой терминологии и с опорой на другие источники присутствуют в прекрасных работах социального философа и психолога Э. Фромма, особенно в его книге «Иметь или быть»¹, в трудах психолога В. Франкла, теолога и писателя К.С. Льюиса, в романах Дж. Толкиена и Г. Гессе. Очень точно показана последним истинная сущность власти как *служения* в романе «Игра в бисер»: «Мировая история состояла... из непрерывного ряда властителей, вождей, за-правил и главнокомандующих, которые, за крайне редкими исключениями, славно начинали и плохо кончали... власть опьяняла их и сводила с ума, и они любили ее ради нее самой. Ту дарованную ему природой власть следовало освятить и сделать полезной, поставив ее на службу иерархии, это было ему всегда совершенно ясно...

Каждая ступень вверх по лестнице должностей – это шаг не к свободе, а к связанности. Чем выше должность, тем глубже связанность. Чем больше могущество должности, тем строже служба. Чем сильнее личность, тем предосудительнее произвол»².

Что касается личностных жизненных образцов, то здесь надо вспомнить великого гуманиста XX века А. Швейцера с его подвижническим служением в качестве врача в самых глухих районах Африки. Это доказывает всеобщность и всемирность нестяжательских идей и идеалов и возможность широкого межкультурного диалога на их основе, когда ны-

¹ В частности, нетрудно заметить, что его знаменитая оппозиция «ориентация на бытие» и «ориентация на обладание» точно соответствует оппозиции нестяжательского и иосифлянского бытия.

² Гессе Г. Игра в бисер. М. 2001. С. 104,110.

нешняя мировая конфронтация и культ материального потребления неизбежно пойдут на спад.

Во-вторых, нестяжательские идеи и идеалы – это не исторический архив и не утопия, как это может показаться обыкновенному сознанию, а важнейший фактор формирования нового *духовно-экологического (ноосферного) цивилизационного уклада*. Именно живые нестяжательские традиции России, требующие сегодня возрождения и укрепления, позволяют надеяться на ее фундаментальный вклад в процесс этой глобальной и сложной мегавилизационной трансформации человечества к более справедливому и разумному мируустройству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После прочтения работ гуманитарного плана, особенно философских и тем более посвященных будущему человеческой цивилизации, всегда возникает закономерный вопрос: насколько эти предсказания обоснованы и почему мы должны им доверять, ведь суждение о будущем никак нельзя верифицировать, поскольку будущего еще нет.

Вопрос правомерный и очень непростой. Действительно, будущее, во-первых, обладает лишь потенциальным бытием и, во-вторых, как бытие потенциальное оно принципиально многосценарно и никогда жестко не предзадано. Более того, в будущем возможны альтернативные сценарии. Это зафиксировал не только рациональный Аристотель, писавший, что «в возможности одно и тоже может быть вместе [обеими] противоположностями, но в действительности нет»¹, но отмечали даже многие религиозные мыслители и мистики, наделенные провидческим даром. Неслучайно пророчества известных провидцев, таких как Ноstrадамус или Ванга, носят символический и крайне «туманный» характер, и их можно интерпретировать различным образом. Такими же были и неопределенные пророчества легендарной Пифии из храма Аполлона в Дельфах.

Однако научно-философское предсказание, в отличие от пророчества, опирается на выявленные объективные причины, устойчиво действовавшие в историческом прошлом, а также на максимально целостный анализ современной ситуации. Кроме этого, важным моментом, заставляющим относиться к такому предсказанию серьезно, является степень его согласованности с другими научно-философскими предсказаниями. Наконец, важнейшим свидетельством того, что данное суждение о будущем заслуживает, по крайней мере, серьезного к себе отношения, служит его способность отвечать на острые проблемы сегодняшнего дня и указывать пути разрешения назревших противоречий общественной жизни.

¹ Аристотель. Собр. соч.: в 4 томах. Т.1.М., 1976. С. 135.

С этих позиций мы, *во-первых*, попытались показать, что существует духовная история человечества со своими «осеневыми» эпохами, творениями и личностями, со своей духовной преемственностью. Когда во власти находились просвещенные правители, заботившиеся о развитии науки, образования и искусства, проводившие политику мира и единения народов, религий и культур, то этому сопутствовало народное процветание, успехи в экономической и социальной жизни. Естественно предположить, что лишь сознательное укоренение в этой духовной традиции, в этих живительных ценностях и идеалах прошлого способно примирить наш расколотый и враждующий мир, перевести его на более эволюционно высокий уровень человеческого общежития, который мы назвали ноосферным (или духовно-экологическим) укладом.

Соответственно, грядущая эпоха Духа – это не умозрительная фантазия, не мистическое пророчество, а вполне рациональная констатация того, что этот идеал многократно, пусть даже и кратковременно, но уже сбывался в прошлом, причем каждый раз неповторимо и по-своему привлекательно. И ничто не может помешать нам, кроме нашей же ложной ориентированной воли, утвердить этот идеал соборного духовного общежития в мировом масштабе в согласии с разнообразными духовными традициями и национальными ценностями разных цивилизаций и культур.

Во-вторых, нарастающая кризисность «профанного» существования человечества с его нынешними войнами, цивилизационной конфронтацией, социальным неравенством и несправедливостью, иррациональным богатством на одном полюсе и чудовищной нищетой на другом (особенно в Азии и в Африке), религиозными и этническими конфликтами, пропагандой однополых связей и нравственной деградацией власти, – все это заставляет констатировать, что дальнейшее движение по этому техногенно-потребительскому и конкурентно-конфликтному пути ведет к мировой катастрофе, чреватой гибелю человечества.

Есть факты, от которых не отвернешься. Еще какие-нибудь пятнадцать – двадцать лет тому назад казалось, что ядерная война между странами уже невозможна, и этот девятый «смертный грех человечества», по образному выражению К. Лоренца¹, уже навсегда отошел в историческое небытие, однако его реальность сегодня вероятна как никогда ранее. Политики в разных странах уже совершенно открыто призывают нанести по геополитическому противнику превентивный ядерный удар. Где здесь политический разум? Где моральная ответственность и хотя бы элементарный здравый смысл, который подсказывает, что будет обязательно нанесен ответный ядерный удар, а последствия радиоактивного заражения нашим детям и внукам, если они выживут, придется устранять в течение десятилетий, если не столетий. И разве кто-то еще 30–40 лет назад мог представить, что на открытии Олимпийских игр, за которыми наблюдают сотни миллионов людей по всему земному шару, включая детей, будут откровенно пропагандироваться однополые связи и подвергаться кощунственному глумлению религиозные и художественные святыни человечества?

Поэтому переход к подлинно разумной, ноосферной эпохе с властью лучших людей, но под контролем народа; с приматом духовной культуры и духовных целей бытия над сугубо материально-вещественными целями и потребностями жизни; с широким международным сотрудничеством цивилизаций, народов и культур по сохранению природы и коэволюции с ней; с приматом всестороннего развития человека над всеми другими политическими, социальными и хозяйственными соображениями, – только он и может разрешить накопившиеся проблемы человечества и отвести его от неуклонно приближающейся пропасти цивилизационного небытия.

¹ См. его знаменитую работу «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» // Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. М., 1998. С. 4-59.

В-третьих, о необходимости перехода к новой эпохе в жизни человечества в XIX–XX веках говорили наиболее выдающиеся мыслители Востока, Запада и России. Видение этого будущего с его вышеотмеченными базовыми ценностями; с приматом духовного и альтруистического человека над человеком-эгоистом и человеком-потребителем; с необходимостью раскрытия, как рациональных, так и внерациональных способностей сознания, – весьма схоже у В.С. Соловьева с его соборным богочеловечеством; у Э. Фромма в его проекте «нового общества»; у П.А. Сорокина в его концепции «интегрального общества», у Шри Ауробиндо Гхоша, который в своей «интегральной йоге» связывает прогресс человечества со становлением его соборного сверхсознания¹, весьма близкого к футурологическим построениям П. Тейяра де Шардена в его «Феномене человека». О грядущей «эпохе Духа», как спасении от нарастающего цивилизационного безумия, под разными углами зрения и с разными акцентами писали П.А. Флоренский и Н.А. Бердяев, а учение «Живой Этики» обосновывало приход эпохи преображения человека и человечества на путях общего блага.

В сущности, во всех этих построениях с той или иной степенью обстоятельности утверждается важность сознательного следования всеобщим историческим законам²; необходимость победы истории духовной над историей профанной; истинного и альтруистического человека, наделенного огромным латентным эволюционным потенциалом для духовного восхождения и преображения, над человеком сугубо плотским и плоским, эгоистически «загроможденным» собой, по тонкому замечанию Г. Марселя³.

В силу всех этих аргументов, но с ясным пониманием того, что будущее не предопределено и полностью зависит от нашей – личной и соборной – свободной воли, можно смело

¹ См.: Интегральная йога Шри Ауробиндо. М., 1992

² О них мы писали во второй главе книги.

³ Марсель Г. Трагическая мудрость философии. Избранные работы. М., 1995. С. 102.

утверждать: или человечество перейдет к новой ноосферной цивилизации, или будущего у него не будет вовсе. Или Россия, находящаяся в средокрестии цивилизационных пространств и времен, выполнит свою историческую миссию лидера по переходу к эпохе Духа, или ее саму ждут неизбежное духовное разложение, социальная атомизация и государственный распад.

И эти сосуществующие глобальные цивилизационные альтернативы вовсе не являются абстрактными и далекими от жизни. Совсем наоборот, они носят глубоко экзистенциальный характер, касаются каждой человеческой судьбы и требуют вполне определенного личного морального выбора. Отсюда следует и основной закон индивидуального человеческого бытия в истории, определяющий или его восходящий (при исполнении), или деградирующий (при отвержении) характер: «Живи так, будто от твоих благих мыслей и поступков зависит судьба всей мировой истории».

Список источников

- Аверинцев С.С. Другой Рим: Избранные статьи. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. 366 с.
- Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: «Coda», 1997. 343 с.
- Агни Йога. Братство. Новосибирск: Сибирское отделение изд-ва «Детская литература», 1991. 256 с.
- Агни-Йога. Надземное. Братство. Ч.2. М.: Сфера, 1995. 348 с.
- Алексеев Н.Н. Идея государства. СПб.: СПБУ МВД РФ и др., 2001. 359 с.
- Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (Советский строй и его политические возможности). Париж: Евразийское книжное изд-во, [1927]). 75 с.
- Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.
- Аликберов А.К. Евразийское измерение ислама // Евразийский ежегодник. 2024. №2. С.14-38.
- Алтай – Гималаи: два устоя Евразии. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2012. 325 с.
- Алтай – Гималаи: традиционные знания и инновации в развитии горных и предгорных регионов Евразии: материалы 1-го российско-индийско-монгольского семинара (19-20 июня 2015 г., Барнаул). Барнаул: изд-во Фонда «Алтай-21 век», 2015. 232 с.
- Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии / под ред. А.В. Иванова, И.В. Фотиевой. Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2017. 336 с.
- Аристотель. Собрание сочинений: в 4 томах. Т.1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
- Аркаим XXI век – концепция геостратегического усиления России и ее союзников // Изборский клуб (Русские стратегии). 2023. №1-2 (109-110). С.6-85.
- Аякова Ж.Л. Распространение буддизма махаяны в социокультурном пространстве США // Проблемы трансляции и философской интерпретации буддизма (на материале тибетской и китайской традиции). Сборник статей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 132-148.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1999. 256 с.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.

Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43-271.

Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.

Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. 288 с.

Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.

Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М./Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. 359 с.

Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана. Киев: МП «Муз», 1991. 279 с.

Блаватская Е.П. Ключ к теософии. М.: Сфера, 1993. 320 с.

Бобылев С.Н., Завьялова Т.В. Устойчивое развитие: в поисках новой экономики // Вопросы политической экономии. 2024. Т.39. №3. С.43-51.

Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия. История и культура. СПб: Алетейя, 2003. 288 с.

Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. СПб.: Алетейя, 2001. 224 с.

Буддизм в социокультурных и политических процессах России, Внутренней и Восточной Азии: сравнительный контекст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 336 с.

Булгаков С.Н. Философия хозяйства. // С.Н. Булгаков. Сочинения в двух томах. Т.1. М.: Наука, 1993. 603 с.

Булгаков С.Н. Душевная драма Герцена // Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т.2. Избранные статьи. М.: Наука, 1993. 752 с.

Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М.: Интранда, 1996. 523 с.

Буцанец А. В. Экономика участия как способ решения глобальных проблем // Novainfo.ru. 2024. №145. С. 28-30.

Бэкон Р. Избранное. М.: Издательство Францисканцев, 2005. URL: <https://www.koob.ru> (дата обращения 15.12.2024).

Валиханов Ч.Ч. Избранные сочинения. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1989. 346 с.

Васильков Я.В. Древнейшие индийские зеркала из скифо-сарматских курганов Алтая и Южного Приуралья // Степи Евразии в древности и средневековье. Книга II. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова (Март 2002 г., Санкт-Петербург). СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2003. С. 28-33.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб: Лань, 2000. 320 с.

Витте С.Ю. Воспоминания в 3-х т. Т.1. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 555 с.

Вознесенский А.А. Стихотворения. М.: Эксмо, 2018. 352 с.

Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2-х т. Т.2. Родина. М.: Искусство, 1992. 383 с.

Восточный Туркестан в древности и средневековье: Этнос, языки, религии. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1992. 526 с.

Гаврюшин Н.К Метафизика и историософия в творчестве Н.М. Карамзина // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. Сборник научных статей, посвященный 70-летию кафедры истории русской философии. М.: Изд-во МГУ, 2013. С.486-512.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 489 с.

Герцен А.И. Избранные философские произведения в духе тома. Т.2. М.: ОГИЗ, 1946. 340 с.

Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 552 с.

Глушанков И.В. Птенцы гнезда Петрова // Славные навигаторы российские. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1986. 221 с.

Головнев А.Н. Музы и науки «продвигаются к северу»: Петр I и северность России // Евразийский ежегодник. 2023. №1. С. 93-119.

Головнев А.В. Северность России. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2022. 450 с.

Государство Российской. Новый этап. Арктический вектор. М.: Книжный мир, 2016. 320 с.

Грачев Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2012. №2 (17). С.18-28.

Григорьева Д. «Русский мир»: русская идентичность как «мягкая сила» на Балканах // Славяне и Россия. 2020. № 1. С. 456-472.

Григорьев А.А., Паранина Г.Н. Древние памятники наследия Северо-Запада России. Географические аспекты. СПб.: Астерион, 2012. 130 с.

Григорьева Т.П. Дао и Логос (встреча культур). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. 424 с.

Гриняев С.Н. Будущее за международным контролем над полюсами Земли // Арктическое обозрение. Экология Арктики: проблемы и пути решения. 2017. №3. С.8-14.

Громыко Ю.В., Крупнов Ю.В. Транспортное цивилизационное продвижение – конкретный сценарий развития России. Стратегический доклад D8. Концептуальное расширение российской повестки дня G8 – 2006. Москва: Институт мирового развития, 2007. 36 с.

Гронский А.Д. Русский Мир в поисках содержания: опыт славянских государств постсоветского пространства // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 4. С. 186-201.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Белокурая раса в Средней Азии. СПб., 1909. URL: <http://dinlin.livejournal.com/4744.html>

Гумилев Л.Н. Динлинская проблема. Пересмотр гипотезы Г.Е. Грумм-Гржимайло в свете новых исторических и археологических материалов // Известия Всесоюзного Географического общества СССР. 1959. Т. 91. №1. С. 17-26.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Товарищество Клышников, Комаров и К, 1982. 520 с.

Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экопрос, 1992. 336 с.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Известия, 2003. 607 с.

Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 томах. Том 1. Введение в науки о Духе. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 762 с.

Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1981. 518 с.

Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений: в 15 томах. Т.4. Ленинград: Наука, 1989. С. 388-452.

Достоевский Ф.М. Идиот // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений: в 15 томах. Т.6. Ленинград: Наука, 1989. 671 с.

Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 30 томах. Т.26. Л.: Наука, 1984. С. 136-149.

Достоевский Ф.М. «Человек есть тайна...». М.: Известия 2003. 573 с.

Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т.1. М.: Мысль, 1972. 363 с.

Дугин А. Русский мир и его Собор // Изборский клуб. 2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24992?ysclid=m6nn4xdoau38852186> (дата обращения 25.11.2024).

Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация /под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2010. 449 с.

Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты / Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.

Зарринкуб А.Х. Исламская цивилизация. М.: Андалус, 2004. 237 с.

Зиммель Г. Проблемы философии истории: Этюд по теории познания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 176 с.

Зиновьев А.А. Западнизм // Феномен Зиновьева. М.: Современные тетради, 2002. С.231-243.

Золотая поэзия Востока. Симферополь: «Реноме», Харьків «Світовід», 2001. 368 с.

Иванов А.В. Возвращение к Советам: утопия или историческая необходимость? // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2022. №5. С. 22-39.

Иванов А.В. Категории национального духа // Изборский клуб (Русские стратегии). 2024. № 1. С. 88-111.

Иванов А.В. Новый опыт метафизики всеединства. Барнаул: Пять плюс, 2017. 364 с.

Иванов А.В. Осевые творения национальной культуры и их значение в современную эпоху // 25 лет евразийской интеграции: от истоков к реализации: коллективная монография. Т.1. СПб.: Университет при МПА ЕврАЗЭс, 2020. С.120-139.

Иванов А.В. Российская цивилизация и ее ценности. Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2024. 199 с.

Иванов А.В., Артамонова Т.А. Русский мир и Россия (о современных соблазнах национального самосознания) // Идеи и идеалы. 2024. Т.16. № 4. Часть 1. С. 105-119.

Иванов А.В., Журавлева С.М. Большой Алтай как уникальное место встречи и сотрудничества народов Евразии (к двадцатилетию создания Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай» // Grand Altai Research & Education. 2023. Выпуск 2 (20). С. 68-79.

Иванов А.В., Журавлева С.М. Культурно-историческое единство народов России (на материале сакрального корня «кут» в мифологии тюркоязычных народов) // Религиоведение. 2002. № 1. С. 22-35.

Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. М.: Современные тетради, 1993. 647 с.

Иванов А.В., Попков Ю.В. Меридиональные цивилизационные коридоры Евразии: ретроспективы и перспективы // Евразийский ежегодник. 2024. №2. С. 52-74.

Иванов А.В., Попков Ю.В. Типология цивилизаций в диахроническом измерении: базовые модели и перспективы России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Том 22. №2. С. 404-415.

Иванов А.В., Фотиева И.В. Нестяжательство как важнейшая ценность отечественной культуры // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т.5. №2. С. 20-39.

Иванов А.В., Фотиева И.В. Современное университетское образование: административно-бюрократический произвол и его последствия // Идеи и идеалы. 2020. Т.12. №4-1. С. 113-128.

Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2001. 133 с.

Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. 219 с.

Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул: Изд-во АлтГТУ им. И.И. Ползунова; Изд-во Фонда «Алтай-21 век», 2006. 640.

Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Философия мысли: новые грани метафизики всеединства. Барнаул: Новый формат, 2021. 282 с.

Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Человек восходящий: философский и научный синтез «Живой Этики». Барнаул: Алтайский дом печати, 2012. 512 с.

Иванов В.И. Русский мир (экспертные суждения и оценки) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2010. № 1. С. 5-16.

Ивантер В. В., Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Арктический мегапроект в системе государственных интересов и государственного управления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. Т. 7. №6. С. 6-24.

Иеромонах Иоанн (Кологривов). Очерки по истории русской святости. Брюссель: Жизнь с Богом, 1961. 414 с.

Интегральная йога Шри Ауробиндо. М.: Никос, 1992. 396 с.

Исаков А.А. Эволюция общественного сознания средневековой Руси и философские идеи в нестяжательстве // Вестник Чувашского университета. 2007. № 4. С.91-97.

История арабов и халифата (750-1517). М.: Формика-С, 2001. 352 с.

Калуцков В.Н. Русский Север и Сибирь: историко- и культурно-географические аспекты взаимодействия // Вестник АРГО. 2017. № 6. С. 148-156.

- Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Собрание сочинений: в 6 томах. Т.4. Ч.1. М.: Мысль, 1965. С. 219-310.
- Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга 1. От начала до Великой Победы. М.: Алгоритм, 2001. 232 с.
- Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга 2. От Великой Победы до наших дней. М.: Алгоритм, 2002. 768 с.
- Карсавин Л.П. Основы политики // Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. С.174-216.
- Карташев А.В. История Русской Церкви. М.: Эксмо, 2004. 912 с.
- Керимов А.Д. Капитализм и демократия // Вопросы философии. 2019. №4. С.12-24.
- Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 439 с.
- Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект Пресс, 1994. 368 с.
- Климков О.С. Современное изучение спора Нила с Иосифом // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 34-2. С. 38-41.
- Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. Москва: Правда, 1990. 624 с.
- Ключевский В.О. Собрание сочинений: в 9 томах. Т.1. Курс русской истории. Ч.1. М.: Мысль, 1987. 430 с.
- Ключевский В.О. Собрание сочинений: в 9 томах. Т.2. Курс русской истории. Ч.2. М.: Мысль, 1987. 447 с.
- Ключевский В.О. Собрание сочинений: в 9 томах. Т.III. Курс русской истории. Ч.3. М.: Мысль, 1988. 414 с.
- Ключевский В.О. Собрание сочинений: в 9 томах. Т.IX. Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. 525 с.
- Кожинов В.В. История Руси и русского Слова (Опыт беспристрастного исследования). М.: Алгоритм, 1999. 480 с.
- Кожинов В.В. О русском национальном сознании. М.: Алгоритм, 2002. 384 с.
- Кожинов В.В. Россия. Век XX (1901–1939). М.: Эксмо, Алгоритм, 2005. 448 с.
- Кожинов В.В. Россия. Век XX (1939–1964). М.: Эксмо, Алгоритм, 2005. 448 с.

Козловец Н.А. Концепт русский мир и национальная идентичность украинцев // Вестник БГУ. 2012. № 6А. С. 57-64.

Комолов О.О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономики // Вестник Российского университета им. Г.В. Плеханова. №2 (116). Т.18. 2021. С.34-47.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 456 с.

Кокурина Е.В. Тибетские закаты. В поисках тонкого сознания. М.: ACT, 2023. 304 с.

Комиссаров С.А., Астрелина И.В. Олennые камни Восточного Туркестана (Синьцзяна) как свидетельство культурных контактов древних кочевников Евразии // Общество и государство в Китае: XXXV научная конференция. М.: Восточная литература РАН, 2005. С.25-34.

Кони А.Ф. Избранное. М.: Советская Россия, 1989. 496 с.

Контуры цивилизационного будущего России: коллективная монография /под ред. А.П. Сегала. М.: Fortis Press, 2024. 680 с.

Краевский Г.Ф. Мировая-транзитная Сибирская железная дорога: сообщение, сделанное в Собрании инженеров Путей сообщения, 8 марта 1897 года, инженером п. с. Г. Краевским и дополненное заметками в пути через Сибирь до гор Хингана в Маньчжурии. Иркутск: Типо-литография П.И. Макушина, 1898. 82 с.

Крупнов Ю.В. Сибирь – новая Центральная Россия, или как Юг Западной Сибири станет экономическим центром Планеты. Проектно-аналитический доклад. М., 2013. 27 с.

Крэнстон С. Е.П. Блаватская. История удивительной жизни. М.: Эксмо, 2021. 720 с.

Кувакин В.А. Религиозная философия в России: Начало XX века. М.: Мысль, 1980. 309 с.

Кульпин Э.С. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. М.: КомКнига, 2006. 176 с.

Культура Древнего Рима. В 2 т. Т.1. М.: Наука, 1983. 430 с.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуро-ров. М.: Восточная литература РАН, 1997. 319 с.

Леве Майкл. Китай династии Хань. Быт, религия, культура. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 224 с.

Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Парог, Московский рабочий, 1993. 400 с.

Лихачева А.Б. Мутные воды Большой Евразии: возможное место России на рынке водоемкой продукции // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии. М.: Кодекс, 2019. С.328-343.

Ломоносов М.В. Для пользы общества. М.: Советская Россия, 1990. 384 с.

Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. 393 с.

Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1982. 623 с.

Лотман Ю.М. Колумб русской истории // Карамзин Н.М. История государства российского. Сопроводительные статьи к репринтному воспроизведению издания 1842–1844 гг. Кн.4. М.: Книга, 1988. С.3-16.

Ма Фэншу. Российско-китайские отношения в контексте сравнительного анализа культур // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2012. №2. С. 5-28.

Максим Грек Преподобный. Творения. В 3-х частях. Репринтное издание. Ч.1. Житие преподобного Максима Грека. Нравоучительные сочинения. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. 290 с.

Максим Грек Преподобный. Духовно-нравственные слова. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. 408 с.

Маявин В.В. Древнекитайская цивилизация. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», ООО «Издательство Астремель», ООО «Издательство АСТ», 2001. 632 с.

Маявин В.В. Цветы в тумане: взгляดываясь в Азию. п. Родники (Московская обл.): Издатель Ласточкин А.В., 2012. 382 с.

Марк Аврелий. Размышления. Магнитогорск: Амрита-Урал, 1994. 292 с.

Марк Порций Катон. Земледелие. СПб.: Наука, 2008. 219 с.

Марсель Г. Трагическая мудрость философии. Избранные работы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995. 215 с.

Материалы для биографии М.А. Бакунина: по архивным делам Б.п. 3-его отд-ния и Мор. м-ва. Бакунин в Первом

интернационале. Т.3. Москва-Петроград: Гос. изд-во, 1928. 602 с.

Менделеев Д.И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002. 576 с.

Мережковский Д.С. Собрание сочинений: в 4 томах. Т.II. М.: Правда, Огонек, 1990. 764 с.

Мильков В.В. Кирилло-мефодиевская традиция и ее отличие от иных идеально-религиозных направлений //Древняя Русь: пересечение традиций. М.: научн.-изд. центр «Скрипторий», 1997. С.327-370.

Мильков В.В. Ноуменальная философия и Древняя Русь // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. №4(24). С.15-22.

Мировоззрение Русской цивилизации: путь к себе // Изборский клуб (Русские стратегии). 2024. №1(119). С. 6-88.

Молнии и лотосы. Индийская лирика XX века. М.: Наука, 1975. 558 с.

Наука и религия: нераздельность и неслияность /под ред. А.В. Иванова, И.В. Фотиевой. Барнаул: Новый формат, 2023. 628 с.

Никитич Л.А. Говоря о Византии, вспомним Гегеля и задумаемся... // Вестник РГО. 2015. № 2(74). С.111-114.

Нисевич Ю.А. Постиндустриальный цивилизационный транзит: институциональный аспект // Общественные науки и современность. 2020. № 1. С. 77-88.

Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 638 с.

Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 1997. 704 с.

Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Эксмо, 2003. 544 с.

Панарин А.С. Философия политики. М.: Наука, 1994. 366 с.

Петров В.И. Мятежное «сердце» Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Крафт+, 2003. 528 с.

Пикуль В.С. Живая связь времен. М.: Профиздат, 1989. 560 с.

Платон. Собрание сочинений: в 4 томах. Т.4. М.: Мысль, 1994. - 830 с.

Подберезкина О.А. Цивилизационные коридоры // VIPERSON. 2024. URL: <https://viperson.ru/articles/sivilizatsionnye-koridory#:~:text>

Повести временных лет // Златоструй. Древняя Русь X–XIII вв. М.: Мол. Гвардия, 1990. С. 36-105.

Попова И.Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М.: Восточная литература, 1999. 279 с.

Постников А.В. Первое путешествие просвещенного европейца на Тибет (1763-1769 гг.) // 80 лет Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха. Материалы Междунар. научно-обществ. конф. 2008. М.: Междунар. центр Рерихов, 2009. С. 180-196.

Постоянство пути: Избранные танские стихотворения. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 272 с.

Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж: YMGA-PRESS, 1983. 600 с.

Прохоров Г.М. Преподобный Нил Сорский и его место в истории русской духовности // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. СПб.: Изд-во Олега Обышко, 2008. С. 5-42

Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. Сказки. М.: Вагриус, 2006. 462 с.

Рерих Н.К. Алтай – Гималаи: Путевой дневник. Рига: Виеда, 1992. 336 с.

Рерих Н.К. Держава света; Священный дозор. Рига: Виеда, 1992. 285 с.

Рерих Н.К. Из литературного наследия. М.: Изобразительное искусство, 1974. 574 с.

Рерих Н.К. Обществу славянской культуры // Культтуру в жизнь. URL: https://culture-into-life.ru/nikolaj_rerih_obshestvu_slavianskoj_kultury/ (дата обращения 12.12.2024).

Рерих Ю.Н. История Средней Азии. В 3 т. Т. I. М.: Международный Центр Рерихов, 2004. 470 с.

Рерих Ю.Н. История Средней Азии. В 3 т. Т. II. М.: Международный Центр Рерихов, 2007. 446 с.

Рерих Ю.Н. Буддизм и культурное единство Азии. М.: Международный Центр Рерихов, 2002. 127 с.

Риккерт Г. Философия истории. СПб.: Д.Е. Жуковский, 1908. 154 с.

Российская Арктика: современная парадигма развития. СПб: Нестор-История, 2014. 843 с.

Савицкий П.Н. Миграция культуры // Савицкий П.Н. Контиент Евразия. М.: Аграф, 1997. С.371-382.

Сакирко Е.А. Идеи постгуманизма и трансгуманизма // Художественная культура. 2012. №2(3). URL: <https://artculturestudies.sias.ru/2012-2/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/404.html> (дата обращения 13.12.2024).

Свасьян К.А. Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше Ф.. Собрание сочинений: в 2 томах. Т.1. М.: Мысль, 1990. С. 5-46.

Святой Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть первая. Вопросы 1-64. М: Signum Veritatis. 2006. 817 с.

Северный морской путь 2023: предварительные итоги года и планы на будущее // Arctic Russia. 2023. URL: <https://arctic-russia.com/article/severnyy-morskoy-put-2023-predvaritelnye-itogi-goda-i-plany-na-budushchchee/> (дата обращения 25.12.2024).

Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век (к столетию образования СССР и становления евразийства). СПб.: ИД «Петрополис», 2022. 532 с.

Соколова Н.А. Международное арктическое научное сотрудничество: институционализация правового режима // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т.15. №9 (118). С. 120-130.

Соловьев В.С. Мир Востока и Запада // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 2 томах. Т. 2. М.: Правда, 1989. С.602-605.

Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь. М.: Амрита-Русь, 2024. URL: <https://predanie.ru/book/220950-rossiya-i-vselenskaya-serkov/> (дата обращения 20.01.2025).

Соловьев В.С. Русская идея // Русская идея: Сб. произведений русских мыслителей. Москва: Айрис-пресс, 2002. С. 212-238.

Соловьев С.М. Об истории древней России. М.: Просвещение, 1992. 544 с.

Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Инт социол., 1993. 194 с.

Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.

Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингисиды: Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.

Сыщенко А.Г., Сыщенко В.А. Золотые годы сибирской и алтайской кооперации, 1896-1919. Т.1. Барнаул: Изд-во А.Р.Т. 2003. 295 с.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Тойнби А. Цивилизация перед судом истории: Сборник. М.: Рельеф, 2002. 582 с.

Транзит по Транссибу. Как он возник, как развивается и каким будет? // Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза «Союзный нарратив 2050» URL: <https://www.sonar2050.org/storage/files/Доклады/СОНAP/Транзит%20по%20Транссибу.pdf> (дата обращения: 12.11.2024)

Трансевразийские транспортные мегапроекты: проектные замыслы / Иванов А.В., Попков Ю.В., Фотиева И.В., Гупта П.М. // Регион: экономика и социология. 2017. №4 (96). С.267-284.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 560 с.

Тряпкин Н. Допою свои песни земные // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2013/05/25/399> (дата обращения 14.12.2024).

Тюрго А.Р. Избранные философские произведения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 191 с.

Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. 480 с.

Устав Нила Сорского // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. СПб.: Изд-во Олега Обышко, 2008. С. 95-201.

Федотов Г.П. Судьба и грехи России (избранные труды по философии русской истории и культуры). В 2-х т. Т.1. СПб.: София, 1991. 352 с.

Филлипс Э.Д. Монголы. Основатели империи Великих ханов. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 174 с.

Фишер К. Гегель. Его жизнь, сочинения и учение. Первый полутом. М.-Л.: Гос.соц.-экон. изд-во, 1933. 608 с.

Флоренский П.А. Столп и утверждение истины // П.А. Флоренский. Собрание сочинений: в 2 томах. Т.1. М.: Правда, 1990. 490 с.

Флоренский П.А. У водоразделов мысли // П.А. Флоренский. Собрание сочинений: в 2 томах. Т.2. М.: Правда, 1990. 447 с.

Фрай Р. Наследие Ирана. М.: Восточная литература, 2002. 463 с.

Франк С.Л. Реальность и человек. СПб.: РХГИ, 1997. 448 с.

Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 415 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М: АСТ, 2003. 603 с.

Хожение за три моря Афанасия Никитина. М.: Наука, 1986. 212 с.

Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобально-го и регионального развития / под ред. А.В. Иванова. Барнаул: Новый формат, 2022. 368 с.

Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. В 2 т. Т.2. О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. Новосибирск: Наука, 1991. 229 с.

Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранных писем. Т.1. М.: Наука, 1991. 798 с.

Шпенгер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1991. 667 с.

Шпенгер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 606 с.

Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000. 448 с.

Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 г. Сургут: Северный дом, 1993. 461 с.

Щедровицкий П. Русский мир и транснациональное русское // Русский архипелаг. URL: https://web.archive.org/web/20101030063959/http://archipelag.ru/ru_mir/history/history99-00/shedrovicky-transnatio (дата обращения 20.12.2024).

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Изд-во И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Fred Aja Agwu. Foreign Policy in the Age of Globalization, Populism and Nationalism. New Geopolitical Landscape. Springer, 2021. 485 p.

Handa O.C. Buddhist Monasteries of Himachal. New Delhi: Indus Publis

Lama Purevbat. Cultural Warriors // An Annual Magazine from the Mongolian Institute of Buddhist Art. 2006. No. 1. P. 79-80.

Singh M.G. Himachal Pradesh: History, Culture & Economy. Shimla: Minerva Publishers&Distributers, 2010. 334 p.

**РОССИЯ В СРЕДОКРЕСТИИ
ПРОСТРАНСТВ И ВРЕМЕН**
(опыт синтетического цивилизационного подхода)

На первой странице обложки: Перих Н.К. Странник светлого града.
1933 г. Музей Николая Периха. Нью-Йорк.

Верстка:
О.А. Корвякова-Антропова

Подписано в печать 12.03.2025 г.
Объем 19 уч.-изд. л. Формат 60x84/16. Бумага
оффсетная. Тираж 300 экз. Заказ №6973.
Отпечатано «Новый формат» (ИП Колмогоров И.А.).
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
тел.: 8-800-700-1583, nf-kniga@yandex.ru,
сайт: типография-новый-формат.рф